

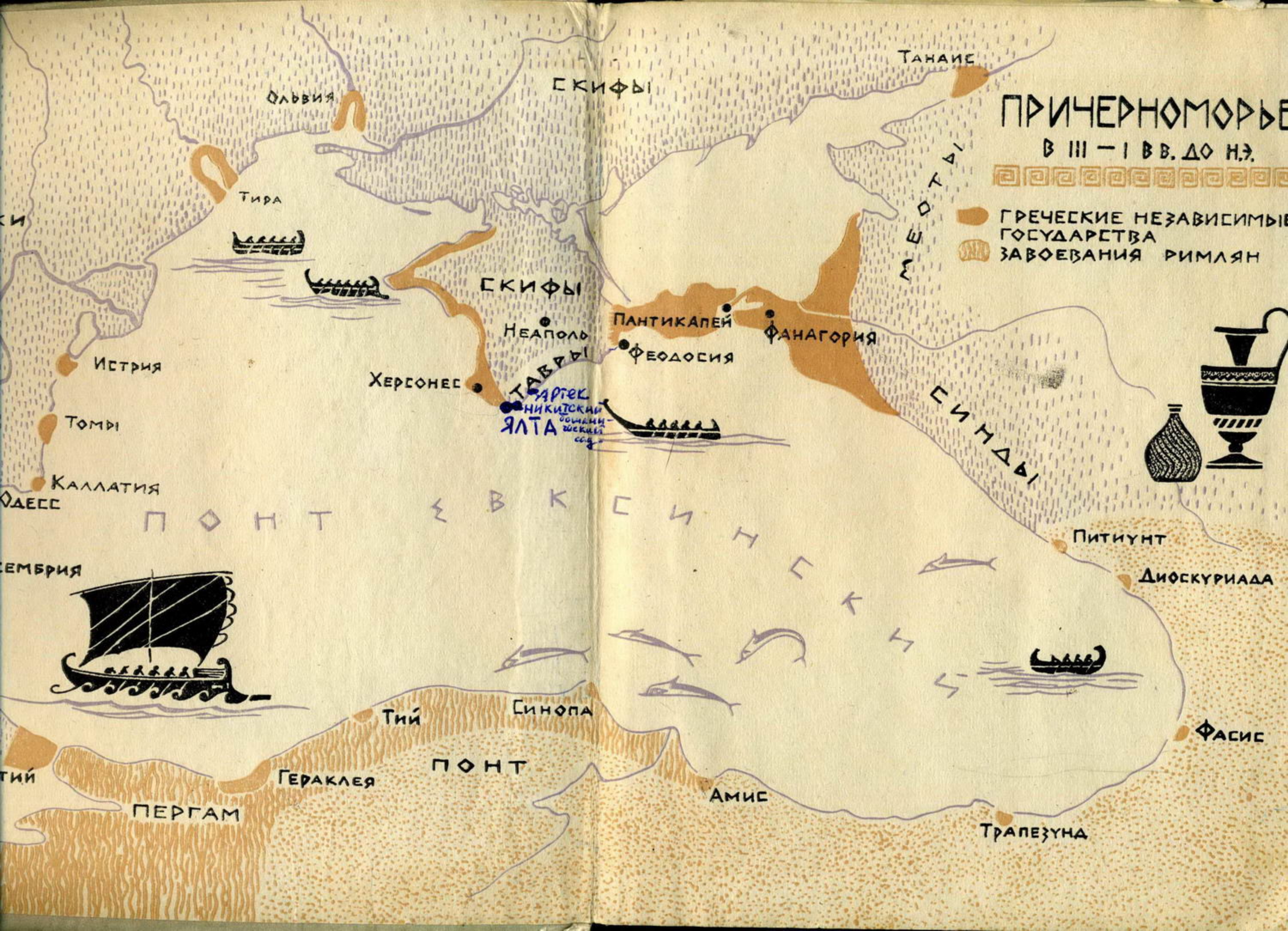
M W

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В III — I вв. до н.э.

- ГРЕЧЕСКИЕ НЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА
- ЗАВОЕВАНИЯ РИМЛЯН

КРЫМ

ВО II-IV ВВ. Н.Э.

- ■ ■ СКИФСКИЕ ГОРОДА
- ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА
- ⊙ ⊙ ПУНКТЫ, ПОДЧИНЕННЫЕ РИМУ
- - - РИМСКИЕ КОММУНИКАЦИИ
- БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО
- ПОЗДАНЕСКИФСКОЕ ЦАРСТВО

КРЫМ

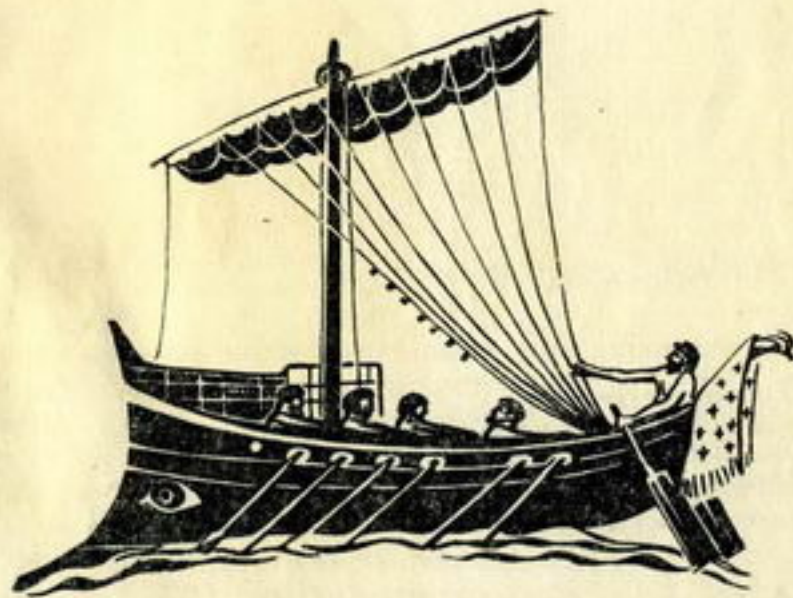
ВО II-IV ВВ. Н.Э.

- ■ СКИФСКИЕ ГОРОДА
- ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА
- ⊙ ПУНКТЫ, ПОДЧИНЕННЫЕ РИМУ
- РИМСКИЕ КОММУНИКАЦИИ
- BOCПOPCKOЕ ЦAPCTBO
- ΠOЗAHECКИΦCKOЕ ЦAPCTBO

ДОРОГОЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ОЧЕРКИ О ДРЕВНЕМ КРЫМЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРЫМ»
СИМФЕРОПОЛЬ — 1969

Книгу подготовили на общественных началах Т. Н. Высотская, А. П. Иванова, И. Д. Марченко, Э. И. Соломоник, П. Н. Шульц.

Редакторы-составители
О. И. Домбровский,
Э. И. Соломоник.
Художник Н. Г. Чайка.

...Полнее сознавая прошедшее,
мы уясняем современное, глубже
опускаясь в смысл былого —
раскрываем смысл будущего,
глядя назад — шагаем вперед.
— А. Герцен.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемая читателю книга рассказывает о древнем, скифо-античном периоде истории Крымского полуострова и может рассматриваться как второй этап нашего ретроспективного путешествия «Дорогой тысячелетий» — после «Экскурсий по средневековому Крыму».

Исторический период, охватываемый этой книгой, огромен. Начало его выступает из неясных глубин середины первого тысячелетия до нашей эры, когда в Крыму стали оседать скифы и возникли города-колонии древних греков — выходцев из Милета и Гераклеи Понтийской. Конец этого периода падает на III—IV вв. н. э. — время глубокого кризиса и гибели античных рабовладельческих государств, когда развалилось позднескифское государство с центром в Крыму и угасли греческие

города на побережье. Большая часть полуострова — просторы открытых степей и предгорий — сделалась добычей сменявших друг друга кочевых племен, а Таврика — его гористый юг и побережье — стала на путь феодализации под сильным воздействием Византии.

Скифо-античная эпоха оставила неизгладимый след в историческом развитии древнего населения юга нашей страны. Здесь полудикий мир «варваров» соприкоснулся с древнегреческой, а позднее и римской культурой, с их высокой по тому времени цивилизацией и государственностью. Античные влияния распространялись среди скифов и других племен, непреодолимо стимулируя их экономическое, социальное и культурное развитие. Мы и сейчас, сами того не замечая, порой следуем обычаям, порожденным античной эпохой, и должны помнить, что вся европейская культура, наука, искусство, государственность и многое другое уходят своими корнями в тысячелетнюю древность. Вот почему так интересен для нас период истории нашей Родины, которому посвящена эта книга.

Очерки, составляющие ее, созданы в основном коллективно. Все написанное в ней о крымских скифах принадлежит П. Н. Шульцу и Т. Н. Высотской. Краткие упоминания о таврах — современниках скифов и древних греков — основаны на материалах, собранных П. Н. Шульцем. Подробные сведения о таврах более уместны в книге о первобытном Крыме, поскольку таврские племена находились еще на примитивном уровне социального и культурного развития. Здесь же дано о них только то, что необходимо для более полного понимания скифо-античного периода истории Крыма; ведь в истории крымских скифов и греков тавры сыграли заметную роль.

Сведения из письменных источников о скифах и таврах подобраны Э. И. Соломоник, которая дала их в научно-популярном изложении. Ей же принадлежит очерк «Понт становится Гостеприимным». Содержание его выходит за рамки чисто крымской темы, но иначе нельзя: он посвящен важному и сложному вопросу о греческой колонизации, долгое время служившему камнем преткновения не только для дореволюционных, но и современных советских и зарубежных историков. Широкому читателю необходимо уяснить себе, что представляла собой античная колонизация в целом, в чем ее отличие от капиталистической, какой характер носила она на территории Северного Причерноморья.

Очерки по истории Боспорского царства были вчерне написаны покойным старшим научным сотрудником Института археологии АН УССР доктором исторических наук А. П. Ивановой. Все, что в них в той или иной степени устарело, пришлось изъять, а новые данные по Боспору и другие необходимые дополнения были включены в эти очерки И. Д. Марченко — одним из исследователей античного Боспора.

Оба очерка об античном Херсонесе написаны Э. И. Соломоник; в них использован новый эпиграфический материал, над которым работает автор.

В очерке «На Боспоре Киммерийском» читатель найдет рассказ о восстании Савмака. Пусть не удивляет его, быть может, неожиданное для него освещение этого события. Ведь во всей нашей научно-популярной литературе восстание под предводительством Савмака до недавнего времени трактовалось как восстание скифских рабов. Однако впервые выдвинувший эту точку зрения академик С. А. Жебелев высказался по поводу восстания Савмака предположительно, и только безвременная кончина помешала ему сделать то, что сделано другими (в том числе и его учениками), — пересмотреть этот вопрос в свете новейших филологических, нумизматических и исторических исследований. Дискуссия, в которой принимает участие много специалистов, еще не закончена, но в последних обобщающих трудах видных историков В. Ф. Гайдукевича и К. М. Колобовой¹ недвусмысленно говорится, что рабское происхождение Савмака отнюдь не доказано. В. Ф. Гайдукевич пришел к выводу, что это было восстание трудового скифского населения Боспора, в том числе, может быть, и рабов, против своих угнетателей — малоазийско-греческой знати.

В книге затронуты и другие спорные вопросы. Так, например, не все ученые согласны с предложенной здесь характеристикой поздних скифов в Крыму, так как еще не вполне ясно, насколько сохранились скифские этно-культурные элементы после длительного воздействия сарматской и других культур. Некоторые исследователи считают, что в первые века нашей эры о собственно скифском этносе и культуре уже не приходится говорить всерьез. В свете материалов разведок и раскопок последних лет, по-видимому, будут пересмотрены многие представления о таврах, в частности, о генезисе их культуры, этнической принадлежности, экономике, религии, погребальных сооружениях и обрядах.

Не исследованного в истории Крыма еще очень много, но тем интереснее, считаем мы, будет читателю пройти вместе с авторами по дороге тысячелетий. Она не была, разумеется, прямой столбовой дорогой, какой, может быть, иногда предстает в наших очерках, охватывающих лишь главные этапы исторического пути. Остались незатронутыми некоторые второстепенные, но связанные с его основным направлением окольные дороги и тропы. Читатель отыщет их сам, если воспользуется кратким списком литературы, который дается в

¹ См. В. Ф. Гайдукевич. О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э. В сб. «Античное общество». М., 1967; Его же. К дискуссии о восстании Савмака. В сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968; К. М. Колобова. Восстания рабов в античном обществе. В сб. «Проблемы всеобщей истории». Л., 1967.

конце книги. Тогда он увидит, каким сложным и порою извилистым был вековой путь истории и как много еще стоит перед наукой нерешенных проблем.

Несколько слов о художественном оформлении данного издания. Сравнивая его с первой книгой «Дорогой тысячелетий» («Эксперсии по средневековому Крыму»), читатель увидит, что здесь преобладают иллюстрации, не столько воскрешающие быт давно исчезнувших людей, сколько воссоздающие те предметы материальной культуры прошлого, по которым это может быть сделано. Как и в прошлом издании, все иллюстрации к тексту и оформление книги выполнила Н. Г. Чайка, что обеспечило необходимое единство их композиционного замысла и исполнения.

СКИФЫ И ТАВРЫ

В начале I тысячелетия до н. э. у населения безбрежных степей Европы и Азии от Дуная до Китая завершается процесс первого крупного общественного разделения труда. Различные природные условия способствовали тому, что одни племена стали заниматься почти исключительно земледелием, другие — кочевым скотоводством.

Накопление богатства в руках родоплеменной знати повсеместно ведет к имущественному расслоению, социальному неравенству. У кочевников война и грабеж становятся основным средством наживы. Выделяется конная дружинная знать, создаются военные союзы племен.

В VIII—VII вв. до н. э. у ряда племен на территории юга СССР начинается процесс распада родового строя.

Возникают первые рабовладельческие государства — Урарту, а позже Великая Армения, и менее крупные царства — Колхида и Иберия в Закавказье. В Средней Азии складывается Хорезмское государство, а на берегах Черного моря в VI—V вв. до н. э. возникают античные колонии.

В VII—VI вв. до н. э. в степях Евразии происходят гигантские передвижения кочевых племен из Азии в Восточную Европу, а отсюда на юг вплоть до Египта. Племена Восточной Европы вступили в тесное соприкосновение с народами Кавказа, Малой и Передней Азии, с древневосточным и античным миром. В этот же период на исторической арене появляются скифские племена.

КТО ТАКИЕ СКИФЫ

По словам «отца истории» Геродота, у самих скифов существовало такое предание об их происхождении: на безлюдной земле от Зевса и дочери Борисфена (Днепра) родился первый человек Таргитай. У него было три сына — Липоксай, Арпоксай и Колаксай. Однажды с неба упали четыре золотых предмета: плуг, ярмо, секира и чаша. Старшему и среднему брату эти предметы не давались в руки, только третий смог взять и унести с собой чудесные дары. Старшие братья поняли значение этого чуда и передали младшему бразды правления. От старшего сына Липоксая произошли скифы рода авхатов, от среднего — катнаров и траспиев, от младшего — паралатов.

Геродот записал и другую легенду о происхождении скифов, вероятно, возникшую в греческой среде: Геракл, гонимый стада Гериона, прибыл в страну, которая тогда еще не была населена. Застигнутый вьюгой и морозом, он закутался в львиную шкуру и заснул, а тем временем его лошади куда-то исчезли. В поисках кобылиц Геракл попал в так называемую Гилею, где встретил в пещере странное существо: полудеву, полузмею. На вопрос Геракла о лошадях она ответила, что кобылицы у нее, но отдаст она их Гераклу лишь в том случае, если он вступит с нею в любовную связь. От этого брака родились три сына. Уходя, Геракл оставил змееногой богине лук и пояс, сказав: «Когда ты увидишь сыновей возмужавшими, посмотри, который из них натянет вот так этот лук и опоясается по-моему этим поясом, — тому предоставь для жительства эту землю, а того, кто не в состоянии будет выполнить предлагаемую мною задачу, вышлите из страны». Когда сыновья выросли, старший Агафирс и средний Гелон не смогли выполнить завет отца и были изгнаны, а младший — Скиф — выполнил его и остался в стране. От него и произошли скифские цари, а весь народ эллины называли скифами.

Геродот передает еще один рассказ, по которому кочевые скифы, жившие в Азии и теснимые массагетами — другим скифским пле-

менем, перешли реку Аракс и попали в киммерийскую землю. Киммерийцы (племена эпохи поздней бронзы) покинули страну, а скифы, преследуя их, попали в Переднюю Азию. Таким образом, услышанные Геродотом легенды говорят о полуавтохтонном¹ происхождении скифов, а рассказ, который сам Геродот считал наиболее достоверным, свидетельствует, что скифы пришли в Северное Причерноморье из Азии.

А что говорит о скифах современная наука?

Большинство исследователей нашего времени (Б. Н. Граков, М. И. Артамонов и др.) связывает происхождение скифов с племенами срубной культуры², жившими в эпоху бронзы и продвинувшимися с Поволжья в причерноморские степи в VIII в. до н. э.

К этому времени относятся и первые упоминания о скифах в письменных источниках. В поэмах Гомера говорится о северной стране киммериян и жившем там загадочном племени млекоедов — доителей кобылиц. Вот их-то не без основания считают скифами. Упоминает скифов и эпический поэт Гесиод, живший на рубеже VIII и VII вв. до н. э.

По мнению М. И. Ростовцева и других ученых, в VIII—VII вв. до н. э. племена скифов-кочевников пришли в причерноморские степи с каких-то территорий Заволжья и Азии. Это предположение основано на приведенном выше рассказе Геродота, а также на том, что скифы принадлежали к племенам североиранской языковой группы. Трудно сказать, какая из двух точек зрения окажется верной. Дальнейшие археологические исследования помогут решить этот сложный вопрос.

Пребывание скифских племен в Северном Причерноморье охватывает более тысячелетия: с VII в. до н. э. до III в. н. э. В VI—V вв. до н. э. границы причерноморской Скифии, по Геродоту и другим древним авторам, простирались от Дуная до Дона.

Обычно в истории Скифии различают три периода: ранний, или архаический (VII—VI вв. до н. э.), средний, совпадающий с временем Геродота (V в. до н. э.), поздний, начинающийся с государства Атея (IV в. до н. э.). Археологические исследования, проводимые в Крыму в послевоенные годы, позволили археологу П. Н. Шульцу выделить в истории скифов четвертый, позднейший период — время расцвета и упадка скифского государства с центром в Крыму (III в. до н. э. — III в. н. э.)³.

¹ Автохтоны — коренные жители, исконное, первоначальное население страны.

² Срубная культура получила свое название от погребений в бревенчатых срубах, которые, начиная с середины II тысячелетия до нашей эры, распространяются по Волге, Дону и Днепру, а затем появляются и в Крыму.

³ Некоторые ученые отрицают необходимость выделения этого периода, считая, что с III в. до н. э. вследствие сильного смешения скифов с другими племенами исчезают характерные признаки их культуры.

Скифские поселения ранней поры в Крыму пока не известны. Очевидно, это объясняется тем, что у скифов в то время преобладали кочевые формы быта, а их погребения по преимуществу «впущены» в насыпи более ранних курганов эпохи энеолита и бронзы.

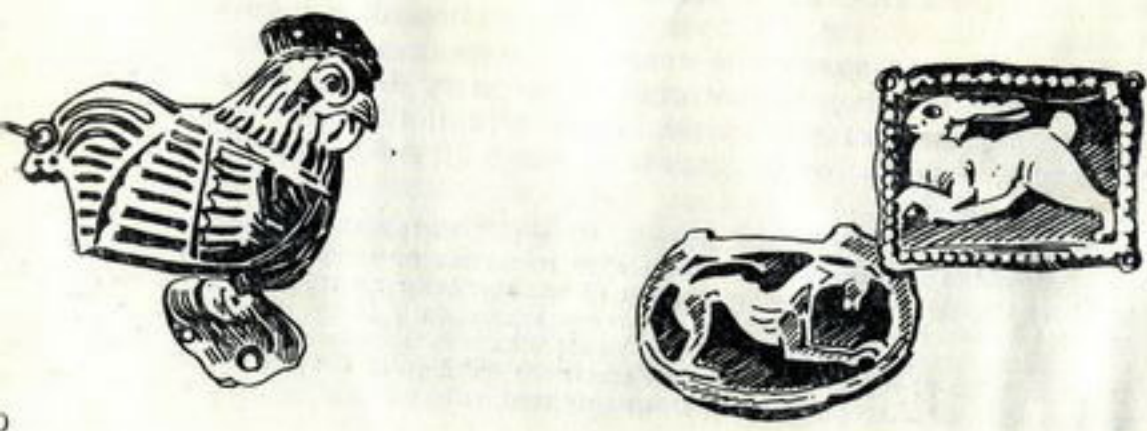
В V—III вв. до н. э. на нижнем Днепре и в Крыму шел процесс оседания кочевых скифов на землю — особенно интенсивно в районах, примыкавших к греческим городам, которым можно было про-
давать хлеб.

В Скифии поздней поры господствующими были уже оседлые формы жизни. Именно в эту эпоху у скифов формируется городская культура. Экономические и политические связи с соседними греческими городами ускоряли формирование скифской государственности.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ СКИФСКИЕ МОГИЛЫ

Подкурганые погребальные сооружения скифов различны: грунтовые могилы, сверху заваленные камнями, реже — каменные ящики; стенки некоторых могил выложены камнем, иногда они перекрыты бревенчатым накатом (последнее прослеживается в Крыму еще с эпохи энеолита). Инвентарь погребений беден: лепная посуда, небольшое количество бронзовых наконечников стрел, двухлопастных, позже трехгранных, обычно с шипами.

Торговые связи крымских скифов были в VII — VI вв. до н. э. мало развиты. Бедность большинства их могил, очевидно, была связана с еще слабой имущественной и социальной дифференциацией внутри родового общества. Привозные греческие изделия раннескифского времени обнаружены только на Керченском полуострове.

Датировка одного из раннескифских погребений в кургане на Темир-горе, в окрестностях Керчи, установлена благодаря найденному в нем родосскому расписному кувшину второй половины VII в. до н. э. В погребении обнаружено несколько золотых и костяных деталей уздечного набора, а также костяные украшения, выполненные в раннескифском «зверином» стиле. Одно из них сделано в виде головы орла с сильно загнутым клювом. Это богатое захоронение выделяется среди других, бедных, и свидетельствует о появлении у скифов имущественного неравенства.

В VII—VI вв. до н. э. скифы предприняли походы в Переднюю Азию, вели успешную борьбу с войсками персидского царя Дария, вторгшегося на территорию Скифии. Победители обогащались: войны давали много добычи, с покоренных народов Азии скифы взимали дань, а пленных стали превращать в рабов, используя их труд в своем хозяйстве.

Одна из легенд, записанных Геродотом, рассказывает о варварском обычае скифов ослеплять своих рабов и использовать их в качестве простой тягловой силы.

Свидетельства Геродота и Гиппократов о разделении скифского общества на богатых и бедных подтверждаются раскопками в Крыму скифских курганов начала V в. до н. э. Так, во впускном погребении в Золотом кургане близ Симферополя (раскопки 1890 г.) найден роскошный набор богато отделанного оружия (стрелы, меч, панцирь, щит). Оно принадлежало знатному воину. На шее покойника была надета массивная золотая гривна, деревянный колчан для стрел украша-

ла бронзовая фигура львицы, обтянутая листовым золотом. Интересны бронзовые уздечные украшения, одно — в виде летящего орла, второе — в виде грифона с орлиным клювом.

Еще одно богатое погребение знатного скифского воина того же времени было обнаружено в прошлом веке в одном из курганов Черноморского района¹. В насыпь кургана впущена каменная гробница в виде ящика из массивных плит. Наряду с оружием в гробнице найдены четыре золотые пластины — украшения от несохранившейся деревянной чаши; из них три — с изображением фигурки лежащего оленя, четвертая — с головой барана и орлиным клювом.

Погребения V в. до н. э. на Керченском полуострове особенно богаты: в них найдено большое количество греческих вещей, сопровождаются они и конскими захоронениями, которых в центральном и западном Крыму в это время мы не знаем. Близ Нимфея исследовано шесть курганов с основными погребениями в виде прямоугольных ям, перекрытых каменными плитами, заваленными сверху камнями и засыпанными землей. Из предметов, найденных в этих курганах, особенно интересен по исполнению уздечный набор с бронзовыми бляхами — одна в виде львиной головы с раскрытой пастью.

Часть золотых украшений нимфейских курганов (изображения сфинксов, Афины, Горгоны и др.) выполнена, вероятно, боспорскими мастерами. Золотые подвески, ажурные ожерелья, печати и другие вещи говорят о появлении роскоши в быту знатных скифов Керченского полуострова. Состав инвентаря богатых скифских погребений Нимфея и Ак-Буруна (V в. до н. э.) определяется экономическими и культурными связями скифской аристократии с городами Боспора.

Итак, археологическими находками подтверждаются письменные свидетельства о росте богатства, об имущественной и социальной дифференциации, происходившей в скифском обществе в VII—V вв. до н. э. Беглые замечания древнегреческих авторов Фукидида, Исократы, Ксенофонта, Платона и Аристотеля позволяют судить о растущей военной силе скифов, о дальнейшем укреплении союза их племен в V—IV вв. до н. э.

ПРИ ЦАРЕ АТЕЕ

Из свидетельств древних авторов известно, что в первой половине IV в. до н. э. Скифией правил могущественный Атей, современник Филиппа Македонского. По понятиям греков, он был царем, но до сих пор неясно, каков был действительный характер его власти.

При Атее скифское общество сделало еще один шаг вперед — от временных военных объединений племен к постоянному многопле-

¹ В литературе он называется Акмечетским.

менному союзу, в котором уже можно уловить некоторые черты складывающегося государства. Процесс его дальнейшего формирования был длительным и постепенным: по-видимому, при Атее он только начинался¹.

Трудно точно определить границы владений этого царя. По сообщению Страбона, они тянулись от Днепра до Азовского моря, видимо, включая и часть Крыма. Постепенно скифы распространили свою власть и на территорию к югу от Дуная.

Письменные и археологические данные (находки злаков и орудий труда) говорят о том, что основным занятием скифского населения этого времени было плужное земледелие и кочевое скотоводство. Продолжалось также развитие ремесла и образование таких крупных ремесленных центров (уже городского типа), как исследованное Б. Н. Граковым Каменское городище на Днепре. Возможно, это был первый центр формирующегося скифского государства. «Город литейщиков и кузнецов», как называл его Граков, вел оживленную торговлю, о чем можно судить по найденным многочисленным греческим амфорам с клеймами Гераклеи, Синопы, Херсонеса и других городов.

K IV в. до н. э. относятся также наиболее богатые, так называемые «царские» курганы, в которых хоронили представителей скифской знати. В них находят много драгоценных золотых вещей, захоронения коней и специально умерщвленных слуг и рабов.

В эту эпоху наблюдаются существенные изменения в военном деле скифов. Всеобщее народное ополчение времени Геродота заменяется специально созданным войском (дружинами) во главе с военачальниками. Это существенная примета нового общества, отличного от строя военной демократии, когда каждый скиф был конным стрелком. Теперь вся власть сосредоточивается в руках одного лица — военного вождя и правителя Атея. Ее упрочению, несомненно, способствовали военные успехи и умелая политика по отношению к соседним греческим городам.

Атей поддерживал хорошие отношения с городом Западного Причерноморья Аполлонией, через посредничество которой он вел дипломатические переговоры с Филиппом Македонским. На некоторое время Атею, видимо, удалось заключить договор с Филиппом, и он получил от него военную помощь для борьбы с дунайскими племенами. Однако Филипп вероломно нарушил договор, и сильное маке-

¹ Из-за малочисленности и фрагментарности сведений об общественно-политическом строе скифов существуют разные точки зрения на этот вопрос. Некоторые ученые (М. И. Ростовцев, А. П. Смирнов, А. И. Тереножкин) считают, что у скифов уже в VI в. до н. э. сложилось государство; другие доказывают, что в период правления Атея государства еще не было (Д. П. Каллистов).

донское войско вторглось на территорию Скифии. По свидетельству римских писателей Юстина и Оросия, скифы и доблестью, и числом превосходили македонян, но Филипп победил их хитростью. В битве на Истре в 339 г. погиб отважно сражавшийся во главе своего войска девятистолетний Атей. Греки захватили много женщин и детей и угнали стада скота. Но сопротивление скифов и других соседних племен было так велико, что Филипп спешно покинул страну. Он был ранен в пути, а его войско с трудом пробилось назад в Македонию. Однако главная цель похода Филиппа была достигнута: он предотвратил продвижение скифов на юг, укрепил свой тыл во Фракии перед решительной борьбой за господство в Греции. После гибели Атея Скифское царство распалось.

От времени Атея дошел целый ряд великолепных памятников, в том числе погребальных сооружений; некоторые из них находятся в Крыму. Особой пышностью отличалось захоронение в так называемом Талаевском кургане близ Симферополя, раскопанном в 1891 г. Н. И. Веселовским. В прямоугольной яме, обложенной камнями и перекрытой деревом, был погребен знатный скиф. При нем найдены золотая гривна с головками львов на концах, золотые и серебряные кольца, чешуйчатый панцирь и пластинчатый пояс из бронзы, железная секира на деревянной рукоятке, точильный камень в золотой оправе и другие предметы. Очень интересен ритон из рога оленя в серебряной оправе с растительным орнаментом. В могилу была положена жертвенная пища, а в углах размещены три амфоры (с клеймами IV в. до н. э.), вероятно, с вином. На дне ямы видны следы от шести столбов, поддерживавших над покойником балдахин. Этот обычай погребения, как свидетельствует Геродот, характерен для так называемых царских скифов.

Очень интересным памятником скифской культуры первой половины IV в. до н. э. является курган Куль-Оба на Керченском полуострове, открытый в 1830 г. Он находится к северо-западу от Керчи. Камера склепа, квадратная в плане, перекрыта уступчатым сводом. У восточной стены стоял саркофаг из кипарисового дерева. В нем погребен знатный скифский властитель. На его голове остроконечная войлочная шапка с двумя обручами из листового золота с резьбой. Рядом — кожаный головной убор с золотыми пластинками, украшенными рельефным изображением сцен побратимства. На шее — золотая гривна с фигурками конных скифов, на руках — золотые кольца и массивные браслеты, украшенные фигурками сфинксов. При погребении лежали короткий железный меч с рукояткой, покрытой листовым золотом с изображением двух зверей, рукоятка для плети, обвитая золотой лентой, точильный камень в золотой оправе, орнаментированной пальметтами. Рядом в деревянном ящике была погребена знатная женщина. Среди находок при ней выделяются диадема

из электра¹, золотое ожерелье, знаменитый электровый сосуд с изображением разнообразных сцен из жизни скифов, подвески в виде круглых медальонов с изображением головы Афины в шлеме и золотые серьги ажурной работы. Погребальное ложе украшали костяные пластинки с искусно вырезанными на них мифологическими и бытовыми сценами. Все эти изделия, выполненные, скорее всего, боспорскими мастерами, свидетельствуют об их высоком художественном вкусе и знании скифского быта.

О том, что гробница принадлежала знатному скифу, говорит и захоронение в специальном углублении коня; здесь же стоял скифский бронзовый котел. В Куль-Обе найдено также скифское оружие, обычное для царских курганов этой эпохи.

У входа в склеп было еще одно погребение; при останках найдены витая бронзовая гривна со львиными головками на концах и золотые рельефные украшения щита или горита. Выделяется золотой олень, выполненный, очевидно, греческим мастером по скифскому образцу. Не исключено, что куль-обская усыпальница принадлежала одному из скифских вождей — военачальников Атея.

В 1965 г. на Керченском полуострове был открыт еще один великолепный памятник скифской культуры. Недалеко от деревни Огоньки в одном из трех курганов, носящих название «Три брата», обнаружен склеп, в котором была погребена вместе со своей служанкой знатная женщина в богатом золотом уборе. Она лежала под балдахин, обшитым по краям позолоченными трапециевидными пластинками. Руки ее украшали золотые браслеты, заканчивающиеся львиными головками. На лбу была золотая диадема с тисненными изображениями львов, в ушах золотые серьги в виде сидящих сфинксов с женскими головками. В изголовье погребенной стояла деревянная шкатулка, в которой хранились принадлежности туалета — деревянные баночки с пудрой и румянами.

При таком богатстве одного погребения бросается в глаза бедность другого. У изголовья служанки, быть может рабыни, стоял один-единственный глиняный кувшин. Возле входа у южной стены склепа был поставлен поднос с жертвенным мясом и лежал железный нож. В ногах погребенных стояли различные сосуды, среди них бронзовый киаф (черпак) с ручкой, заканчивающейся изображением лебединой головы. Погребение датируется концом IV в. до н. э.

В последние годы на Керченском полуострове исследованы курганы и грунтовые могильники V—III вв. до н. э., принадлежавшие рядовому скифскому населению. Рядом с останками лежало оружие,

¹ Электр — сплав золота с серебром.

посуда, немногочисленные и скромные украшения. В грунтовом могильнике у с. Фронтального открыты погребения и без вещей.

Характер погребального обряда свидетельствует о завершении постепенного перехода скифов от родового строя к раннему классовому обществу.

АБОРИГЕНЫ ДРЕВНЕЙ ТАВРИКИ

Многие места в Крыму овеяны легендами о святилищах богини тавров Девы, расположенных среди скал над морем, о каменных лестницах и священных оградах, о варварских изваяниях Девы и ее алтарях, обогранных человеческой кровью.

Тавры... Это имя сразу напоминает древнее название Крыма — Таврика и с детства знакомый греческий миф об Ифигении, который лег в основу известной трагедии Еврипида. По словам Геродота, «тавры приносят в жертву Деве потерпевших кораблекрушение и всех эллинов, кого захватят в открытом море...»

Древние авторы пишут не только о свирепых обычаях тавров, но и об их мужестве в бою. Так, военный историк Полиен (II в. н. э.) сообщает, что тавры, «предприняв войну, всегда перекапывают дороги в тылу; сделав их непроходимыми, вступают в бой; делают они это для того, чтобы, не имея возможности бежать, необходимо было или победить или умереть».

Свидетельства древних авторов о таврах нужно воспринимать критически, всесторонне проверяя степень их достоверности, увязывая их с надежным археологическим материалом, являющимся главным источником изучения хозяйства и быта, культуры и идеологии тавров.

Наиболее конкретные сведения о районах обитания тавров сообщает Геродот: «Страну, прилегающую к морю, гористую и выступающую в Понт, заселяет племя тавров, до так называемого Скалистого (т. е. Керченского) полуострова».

Таким образом, по Геродоту, в VI—V вв. до н. э. тавры занимали всю прибрежную и горную часть Крыма, примерно от Керкинитиды (нынешняя Евпатория) до Феодосии. Их соседями в степной части, в предгорьях и на Керченском полуострове были скифские племена.

В степях и предгорьях Крыма с V в. до н. э. почти безраздельно господствовали скифы, хотя немногие, главным образом предгорные, таврские поселения сохранились и в скифском окружении (Инкерманское, Заветненское, Красногорское, Айвазовское и др.).

О неуклонном сужении границ Таврики, происходившем, вероятно, под постепенным натиском скифов, а также давлением греков и римлян, свидетельствует и географ Страбон, живший на рубеже на-

шей эры. Он отмечает, что Феодосия была «прежде» границей между Боспором и таврами. Следовательно, к его времени эти границы сузились и передвинулись.

Древнейшее (около VIII в. до н. э.) из известных нам в Крыму укрепленных поселений тавров Уч-Баш находится в Инкермане, над Каменоломным оврагом (между левым берегом реки Черной и шоссе в Севастополь). Примерно к тому же времени относится раннетаврское поселение у Балаклавы, около бухты Символов, где, по Страбону, находились пиратские «притоны» тавров и, возможно, упоминаемый Плинием таврский город Плакия. Невдалеке, около мыса Парфений (вероятно, Феолент), было святилище таврской Девы, о котором повествуют древние авторы.

Видимо, именно в этом районе в те времена проживало одно из наиболее развитых по уровню хозяйства и культуры таврских племен. Этому способствовало плодородие Инкерманской долины, близость к морю и богатым рыбой бухтам, а также привлекательное, хотя и опасное соседство с Херсонесом, одним из форпостов античной цивилизации в Северном Причерноморье.

Другие таврские поселения и укрепления — тоже ранних времен — тяготели к речным долинам в среднем течении и устьях Черной, Вельбека, Качи, Альмы, Салгира, Зуи, Карасу и прочих рек, протекающих в предгорьях Крыма.

Позднее тавры заселили северные склоны и отроги Главной гряды и долины в гористых верховьях тех же рек. Это была относительно замкнутая горная территория, где жили наиболее отсталые таврские племена. Сохранились следы их временных стоянок в скальных навесах и гротах, пещерные святилища (Кизил-Коба, Ени-Сала), многочисленные остатки поселений и кое-где примитивные укрепления (Таш-Джарган, Золотое ярмо близ Симферополя). Особенно заметны таврские могильники с каменными ящиками, кромлехи — ограды могил или священных мест, менгиры — вертикально поставленные каменные глыбы.

2 Дорогой тысячелетий

Тавры заселили и побережье (южное и юго-восточное) с долинами, спускающимися к морю: Алуштинской, Судакской, Капсельской, Коктебельской. Здесь находились наиболее крупные таврские поселения античной эпохи, их потаенные убежища среди скал, иногда усиленные «стенами», более напоминавшими нагромождения больших камней (на мысе Ай-Тодор, на вершине Кастели, на горах Аю-Кая, Кошка и др.). Для этих районов, так же как и для гор, характерны могильники с каменными ящиками — полудольменами; однако здесь реже встречаются кромлехи и таврские курганы.

Над Кастрополем выше шоссе находится знаменитая Чертова лестница — перевальная тропа в Байдарскую долину с каменными ступенями, а около Ялты обнаружено пока что единственное поздне-таврское открытое святилище. Оно было расположено у горного ручья, где некогда, вероятно, находилась роща священных деревьев.

Римские писатели Плиний и Арриан говорят, что на южном и юго-восточном побережье Крыма имелись укромные гавани, принадлежавшие таврам. В скалистом обрыве около Нового Света у самого моря скрыт под каменным навесом большой грот, известный под названием Голицынского. В нем найдена таврская посуда. Грот мог служить укрытием для пиратов. Выше в горах среди утесов горы Караул-Оба, которая возвышается над круглой и тихой песчаной бухтой (так называемый Царский пляж), в сухих гротах было таврское поселение. В щелях между скалами находилось убежище, где тавры могли укрываться при нападении врага.

Таврские поселения и могильники с каменными ящиками встречаются и за пределами Таврики, например на Керченском полуострове, в районе, где некогда обитали киммерийцы. Найденные здесь таврские древности относятся к VI—III вв. до н. э. Более ранних памятников в этом районе пока не обнаружено. О том же, что тавры — вероятно, в небольшом числе — проживали и в Пантикапее, можно судить по найденному надгробию Тихона, «родом тавра».

В степном Крыму находки таврских древностей единичны и ограничиваются по преимуществу обломками керамики. Они обнаружены в приморских греческих городах западного побережья (в частности, Керкинитиде), а также в более поздних скифских укрепленных поселениях того же района (городища близ сел Поповки, Владимировки и др.). Отдельные сосуды таврского облика VI—IV вв. до н. э. встречались во впускных погребениях в курганах.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАВРОВ

Сведения о происхождении таврских племен очень скудны и разноречивы. Геродот, свидетельство которого заслуживает наибольшего доверия, говорит о таврах и скифах, как о различных племенах,

видимо, отличавшихся по языку, обычаям и образу жизни. Выделяют тавров как отдельное племя также позднеантичные авторы Псевдо-Скилак и Аммиан Марцеллин.

Многие исследователи (Брун, Эберт, Жебелев, Дьяков и др.) придерживаются мнения, что тавры — потомки киммерийцев, отошедших под давлением скифов в горы. Этот взгляд пока не находит убедительного подтверждения в письменных источниках и археологических материалах. Для выяснения вопроса о культурных или этнических взаимоотношениях тавров и киммерийцев важно произвести розыск киммерийских поселений и могильников на территории Боспора и в других местах.

Существует также мнение о фракийском происхождении тавров (М. И. Артамонов). Возможность частичного проникновения в Крым пришлого населения с Балканского полуострова не исключена. Влияние Фракии на культуру ранних тавров несомненно; оно сказалось в своеобразии керамики (двуручные кубки, черпаки), в некоторых мотивах орнаментики и др.

Наконец, высказывалось предположение о приходе тавров в Крым из районов Северного Кавказа в IX в. до н. э. (А. М. Лесков). Проникновение сюда северокавказских племенных групп, судя по археологическому материалу, смешавшихся с местным населением, происходило и раньше, в эпохи камня, энеолита, начала железа. Видимо, это был длинный непрерывный процесс, а не внезапное и единовременное переселение.

В решении проблемы происхождения таврских племен существенную роль играют данные антропологии. До последнего времени господствовало представление об этнической однородности тавров. Некоторые антропологи склонялись к тому, что они происходят от населения Крыма эпохи камня. Предварительное исследование черепов из недавно открытых могильников и погребений позволяет предположить, что таврское население было неоднородным, хотя в целом и принадлежало к европеоидной расе. К сожалению, имеющийся антропологический материал пока незначителен и недостаточно изучен.

Возможно, что таврские племена формировались в условиях смешения разных этнических групп, пришлых и местных; с одной стороны, налицо поразительное сходство в обрядах и инвентаре близких по времени погребений в каменных ящиках Крыма и Северного Кавказа, а с другой стороны — в культуре тавров можно проследить местные традиции, корнями своими уходящие в эпоху бронзы (хотя и там, в свою очередь, мы встречаем элементы, привнесенные из Северного Кавказа и Фракии). Подобному слиянию культур во все времена способствовало промежуточное географическое положение Крыма между восточным (кавказским) и западным побережьем Черного моря.

Трудно сказать, как называли себя сами тавры. Аммиан Марцелин приводит отдельные названия таврских племен: арихи, синхи, напей. Слово же «тавры», близкое по созвучию греческому «таурос» (бык), многие безоговорочно приписывали грекам, видя подтверждение этому в мифах о таврах и быках. Вероятнее, однако, что не название племен взято из мифов, а, как обычно, легенды и мифы использованы, а иногда и видоизменены для объяснения уже существовавшего местного названия. В одном редком варианте мифа об Ифигении Артемиде приносят в жертву не лань, а быка, и потому таврамы называют народ, где жрицей была Ифигения, перенесенная сюда «по воле богов». Возможно, этот миф возник для объяснения этнического наименования «тавры», подобно тому, как, например, миф об Эгее должен был объяснить более древнее и непонятное для греков название Эгейского моря.

После киммерийцев тавры были наиболее древним и многочисленным населением Крыма, о котором имеются письменные свидетельства. Вероятно, поэтому южная часть полуострова и была названа Таврикой: наименование населения перешло на местность.

Культура тавров появляется как бы внезапно в IX — VIII вв. до н. э. и быстро распространяется по всей Таврике, включая и ее предгорья. Это позволило отдельным исследователям сделать вывод, что таврские племена принесли свою культуру в Крым в IX в. до н. э., переселившись с Северного Кавказа. В действительности дело, вероятно, обстоит гораздо сложнее. В происхождении таврской культуры прослеживаются три главных источника: 1) местный — обилие кремневых и шлифованных орудий; унаследованный от эпохи бронзы обычай хоронить в каменных ящиках; отдельные орнаментальные мотивы в керамике, прототипы которой встречаются в крымской бронзе, и т. д.; 2) северокавказский — сходные наборы бронзовых украшений, некоторые типы сосудов грушевидной формы, подсыпка гальки в могилах и пр.; 3) дунайско-днестровский — двуручные кубки, желобчатый орнамент и некоторые формы сосудов. Есть общие черты и с культурами среднего Приднепровья (Чернолесской) и некоторые заимствования из позднеархаической культуры (простые горшки с валиками, сосуды баночных форм, глиняные сковородки и т. д.).

В целом развитие таврских племен в различных районах полуострова протекало неравномерно, в зависимости от местных физико-географических и других условий.

Разведение стад и мотыжное, а затем местами и пашенное земледелие были основой хозяйства тавров в предгорных, горных и прибрежных районах Крыма. Об этом говорят сельскохозяйственные орудия и многочисленные остатки костей домашних животных в раннетаврских поселениях (Уч-Баш) и поселениях античной поры (гора Кошка).

Значение скотоводства у ранних тавров отразилось и в культуре: перед сезонным отгоном стад в нагорья отдельные животные приносились в жертву богам — покровителям животных. В пещерном святилище Ени-Сала II преобладали кости мелкого рогатого скота, который, возможно, занимал у тавров главное место в стаде.

ТАВРЫ ВРЕМЕНИ ГЕРОДОТА И ПЕРВЫХ ВЕКОВ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

По свидетельству Геродота, во главе отдельных таврских племен в VI—V вв. до н. э. стояли вожди — басилевсы. Скифы пытались втянуть тавров в борьбу с персидскими полчищами Дария, вторгшимися в Северное Причерноморье, но таврские басилевсы вместе с вождями других племен не согласились принять участие в войне и заявили: «Если враг ворвется и в нашу землю и обидит нас, то и мы не стерпим этого».

В письменных источниках также говорится о занятиях тавров скотоводством. В одном из них они прямо названы пастухами (схолии Цеца к Ликофрону). Псевдо-Скимн указывает, что тавры — «народ многочисленный и любят кочевую жизнь в горах». Речь, видимо, идет об их временных перекочевках на яйлу вместе со стадами. Однако скотоводство у них, в отличие от скифов, еще не обособилось полностью от земледелия, и хозяйство носило пастушеско-земледельческий характер.

О важной роли земледелия говорят костяные, каменные, а позже железные мотыги, серпы, зернотерки и множество зерновых ям с остатками пшеницы, ячменя, гороха, чечевицы и других культурных растений.

Намек на занятия поздних тавров пашенным земледелием можно усмотреть в мифе об Озирисе, вспахавшем землю в Таврике (Стефан Византийский, Евстафий). Этот миф напоминает легенду о золотом плуге, ярме и чаше, упавших на скифскую землю. Тавры переходили на пашенное земледелие скорее всего под влиянием скифов.

В зависимости от географических условий у отдельных таврских племен могло преобладать скотоводство, у других — в плодородных долинах — занятие земледелием. Оба вида хозяйства дополняли друг друга.

Рыболовство и охота у горных тавров были, как правило, не основным, а подсобным занятием. Тавры прибрежных районов, помимо рыболовства, занимались и сбором моллюсков (находки раковин в Уч-Баше и на горе Кошка). Там, где это было возможно, они, вероятно, добывали и соль.

Пиратство, о котором единодушно говорят древние авторы, вряд ли являлось у всех тавров основным занятием, так как значительная

их часть жила в отдалении от моря, в горных долинах. Тавры, жившие у моря, вероятно, не вели регулярной торговли с греками и римлянами, и ее в какой-то мере могло заменять пиратство, как у многих других древних народов, стоявших на низком уровне развития.

Гончарство, ткачество, прядение, обработка кож, камня, дерева, кости — все эти ремесла у тавров, в особенности в раннее время, по видимому, носили домашний и примитивный характер.

Обмен был развит слабо и лишь несколько усилился в первые века нашей эры. Об этом говорят находки античной керамики и изделий из металла в могильниках поздней поры. Тавры вели обмен со скифами (оружие, конская сбруя), с народностями и племенами Северного Кавказа (бронзовые украшения) и с греками (керамика, вино, бусы и пр.).

Родоплеменной строй и обычай тавров отличались особой устойчивостью. Об этом говорят родовые могильники и погребальные сооружения, сложенные из огромных каменных плит, что требовало большой затраты труда. Коллективные семейные погребения прослеживаются у тавров на протяжении всего первого тысячелетия до нашей эры. По свидетельству историка времени Августа Николая Дамасского, они погребали вместе с вождями рода их преданнейших друзей и в знак траура обрезали себе часть уха. Это описание дополняется археологическими данными о выделении в могильниках с каменными ящиками больших центральных гробниц (иногда с менгирами), очевидно, принадлежавших родовым вождям. Возможно, что в этих ящиках отдельные погребения были одновременными, а не повторными.

Данные раскопок подтверждают рассказ Геродота о том, что тавры уже строили дома с очагами и дымоходами. Такие постройки из одного или нескольких помещений обнаружены на горе Кошка. Часть домов примыкала тыльной, а иногда и боковыми сторонами к скалам. Крыши, по-видимому, были односкатными, бревенчатыми, сверху засыпались землей. Незначительные по площади дома, очевидно, были рассчитаны на одну семью.

К средней поре относится ряд таврских укрепленных поселений с оборонительными стенами, сложенными насухо, но более совершенными, чем на Уч-Баше, — с двумя панцирями и забутовкой между ними (Таш-Джарган).

Родовой быт тавров и их культура в это время приобретают наибольшую законченность. Именно к этому времени относятся таврские могильники с каменными ящиками классического типа: строго прямоугольной формы, из четырех больших, поставленных на ребро, хорошо пригнанных плит, перекрытых пятой, покровной. Это типичные родовые могильники, в которых, однако, уже намечаются признаки выделения гробниц родовой верхушки. В единой гряде, — может

быть, принадлежавшей роду, — где расположены в один или несколько рядов каменные ящики с семейными погребениями, обычно выделяется ящик особо крупных размеров. Вероятно, в нем погребен глава рода.

Если в ранних могильниках тавров находили, главным образом, глиняную посуду, а бронзовые вещи попадались редко, то в каменных ящиках VI—V вв. металлические изделия преобладают. Особенно много бронзовых украшений: шейные гривны, височные кольца, булавки, бляшки, подвески, спиральные пронизки. Встречаются раковины каури и бусы различных типов. Реже клались в могилы бронзовые наконечники стрел и железное вооружение, железные наконечники стрел и копий, короткие мечи-акинаки. Попадают принадлежности конской сбруи: псалии, железные кольца, удила, бляхи, пронизи для ремней и т. д.

Скифское влияние особенно сильно сказывается в вооружении и сбруе. Основной набор бронзовых украшений перекликается в наибольшей мере с изделиями так называемой позднекобанской культуры Северного Кавказа. Часть бус и других украшений могла быть изготовлена в соседних греческих городах.

Сосудов, в отличие от ранних могильников, найдено очень мало. Преобладает простая посуда без лощения и орнамента.

Каменные ящики использовались таврами, главным образом, для семейных погребений. В одном ящике из урочища Малмуз в Байдарской долине найдено 68 черепов. При повторных погребениях часть костей выносилась, а черепа отодвигались в углы гробницы. Хоронили в скорченном положении, реже — в сидячем.

Больше всего могильников с каменными ящиками, относящихся примерно к V в. до н. э., обнаружено в горном Крыму, на южном и юго-восточном побережье, меньше — в предгорьях.

К этому же времени, судя по найденным здесь бусам и керамике, относится кромлех близ Алушты, исследованный в 1888 г. Он состоит из двух концентрически расположенных каменных колец; на западной его стороне стоял менгир. В Алуште, где теперь троллейбусная станция, была группа таврских гробниц — каменных ящиков. Такой же могильник имеется в урочище Малаба близ с. Лучистого.

Поселения этого времени занимают довольно широкую территорию. Наиболее характерные из них — Инкерманское II и Красногорское в долине Зуи. Керамики с валиками в этих поселениях уже нет. Появился новый тип ранее неизвестных сосудов: приземистые миски с закругленными стенками, миниатюрными ушками, хорошим лощением и тонким резным орнаментом.

Тавры позднеклассической и эллинистической эпох изучены меньше, чем более ранние. Поселения и укрепления этого времени, которых было довольно много в разных районах Крыма, почти не

раскапывались. Еще не исследовано должным образом поселение на мысе Ай-Тодор. Его датировка не вполне ясна, хотя оно явно предшествует появлению здесь римлян в I в. н. э. Самая ранняя античная керамика, найденная на Ай-Тодоре вместе с таврской, относится к IV—III вв. до н. э. Может быть, именно в это время здесь и возникло племенное убежище тавров. Занимаемая им площадь — около 2,5 гектара.

По-видимому, к тому же периоду относятся таврские убежища на скалистой вершине горы Кагель близ Алушты, на высоте Исар-Кая около Гаспры и др. Там обнаружены следы костров, открытых очагов и обломки познетаврской лепной керамики без орнамента.

К этому же времени относится открытое, но труднодоступное убежище в юго-западном предгорье, на скале Кызык-Кулак-Кая в Бахчисарайском районе, близ села Красный Мак. Здесь найдены обломки таврской лепной посуды с уже вырождающимся резным орнаментом и без орнамента. Более редки обломки античных сосудов: амфор, главным образом IV—III вв. до н. э., и мегарских чашек III—II вв.

Большое таврское поселение IV—III вв. открыто И. Т. Кругликовой близ Старого Крыма, около села Айвазовка. И здесь пережиточные формы раннетаврской (кизил-кобинской) керамики с характерным резным орнаментом из параллельных линий и точек сосуществуют с простыми сосудами без лощения и без орнамента.

В это время погребальные сооружения как бы мельчают: прежняя монументальность, правильность форм и прочность каменных гробниц-ящиков утрачиваются. Бронзовых изделий в могилах становится меньше, среди них преобладают мелкие поделки, распространяются украшения из железа (браслеты, перстни, кольца и т. д.). Керамика большей частью простая, без орнамента. В засыпи ящиков и около них часто попадаются обломки античной посуды, главным образом амфор. Некоторые из них с клеймами — херсонесскими, синопскими, гераклейскими, родосскими и другими.

Такие могильники исследовались в Байдарской долине, в долине реки Зуи, на Керченском полуострове и в других местах. На горе Кошка лишь отдельные ящики относятся к этому позднему времени; в них найдены наряду с таврской простой керамикой без орнамента обломки родосских амфор III—II в. до н. э.

В могильнике близ села Передового в Байдарской долине каменные ящики расположены вдоль искусственной гряды с менгиром в центре. Это отражает относительно ранние погребальные традиции тавров. Каменные ограды образуют вокруг ящиков своего рода дворики, может быть, имитирующие цепочку таврских жилых построек. Обломки херсонесских, гераклейских и синопских амфор с клеймами позволяют отнести могильник к IV—III вв. до н. э.

В дальнейшем таврские могильники с каменными ящиками исчезают. Вероятно, позднейшие тавры, жившие около рубежа новой эры, постепенно забыли древние погребальные обряды и стали хоронить в грунтовых могилах.

В то время значительно усилились культурные взаимовлияния тавров со скифами, особенно в предгорьях, в «пограничных» областях тавров и поздних скифов, где они соприкасались теснее всего. Так, у скифов попадаются курганы с коллективными, а вернее фамильными, усыпальницами наподобие каменных ящиков. В погребальном инвентаре тавров и скифов встречаются одинаковые вещи.

ОТ КОЧЕВИЙ К СЕЛИЩАМ И ГОРОДАМ

Из древних письменных источников, которые дошли до нас в отрывках, известно, что после распада державы Атея скифы и другие племена продолжали оказывать сопротивление вторжениям греков. В IV и III вв. до н. э. скифы успешно отразили нападения полководца Александра Македонского Зопириона и правителя Фракии Лисимаха.

В III в. до н. э. продолжало существовать небольшое скифское государство в Западном Причерноморье, чеканившее монеты с изображением царей Малой (западной) Скифии. Очевидно, скифское государственное образование было и на нижнем Днепре. Эти государства вступали в торговые связи с греческими городами и даже взимали с них дань. В надписях и на монетах упоминается скифский царь Канит из Западного Причерноморья, а в ольвийском декрете в честь Протогена говорится о царе Сайтафарне.

В III—II вв. до н. э. в Крыму (с примыкавшей к нему территорией нижнего Приднепровья) сложились наиболее благоприятные условия для развития скифского государства. Крым тогда был еще в стороне от передвижений сарматских и кельтских племен, нападавших на скифские поселения. Продажа хлеба греческим городам способствовала еще большему накоплению богатства у скифской знати. А это, в свою очередь, побуждало господствующую верхушку увеличивать производство хлеба на продажу.

Самые ранние поселения и могильники скифов в Крыму обнаружены на Керченском полуострове. Процесс оседания их на землю был здесь ускорен воздействием Боспорского царства, заинтересованного в подневольном земледельческом населении, которое обеспечивало бы хлебом жителей боспорских городов, и в расширении торговли.

Начиная с III в. до н. э. в Крыму возникает много скифских селищ и укрепленных поселений. Большинство из них локализуется

в предгорьях Крыма, вдоль важнейших торговых путей на Боспор, в Херсонес и на западном побережье полуострова. Городища обычно располагались по долинам рек, на холмах, близ источников питьевой воды — в местах, наиболее благоприятных для жизни. Всего в Крыму в настоящее время обнаружено 34 городища и 50 селищ.

В степных районах Крыма, удаленных от побережья, скифские укрепления пока не обнаружены, а селищ очень мало. По-видимому, в степях даже в позднее время скифы продолжали вести преимущественно кочевую жизнь.

Скифские поселения Крыма подразделяются на четыре типа: открытые поселения — *селища*, обычно примыкавшие к укрепленному поселению или существовавшие независимо от него; *убежища*, как правило, лишенные культурного слоя; *укрепленные поселения и города*. Известны также и позднескифские сельскохозяйственные усадьбы.

Укрепленные поселения и города располагались обычно на холмах, близ источников питьевой воды. С напольной стороны городищ возводились каменные стены. Укрепления с земляными валами и рвами, типичные для скифских городищ нижнего Днепра, не характерны для Крыма. Это объясняется тем, что в Крыму много камня, и поэтому легче было сложить стену, чем вырубить в материковой скале ров.

Пока известны четыре крупных укрепленных поселения городского типа. Это прежде всего Неаполь (площадь в 20 гектаров) — главный город позднескифского государства — и Кермен-Кыр (4 гектара), расположенный в четырех километрах к северо-западу от Симферополя, на левом берегу Салгира, близ совхоза «Красный». Он защищен с напольной стороны валом, поверх которого шла укрепленная прямоугольными башнями каменная стена. Третье городище — Булганак (3 гектара), на левом берегу реки Булганак. Все три городища имеют двойную линию обороны и тяготеют к центру полуострова. Четвертое — Усть-Альминское (6 гектаров) — расположено на берегу моря, в устье Альмы. Это самое большое в Крыму приморское позднескифское городище; его напольная сторона была защищена валом и рвом.

В херсонесском декрете в честь Диофанта¹ и «Географии» Страбона названы три скифские крепости: Палакий, Хабеи и Неаполь. В одной из надписей Херсонеса II в. до н. э. упоминается и крепость Напит, против которой в период Диофантовых войн также выступали херсонесские войска.

Из четырех крепостей лишь одна названа по-гречески — Неа-

¹ Диофант — полководец понтийского царя Митридата VI Евпатора, посланный в Крым для помощи Херсонесу в его борьбе против скифов (см. главу о Херсонесе).

поль, что означает «новый город» (возможно, в отличие от старой столицы скифов на Днепре — на месте Каменского городища). Упомянутые источники локализуют Хабеи и Неаполь в центральном предгорье Крыма. А где же находились другие крепости? Поскольку греческие войска продвигались от Херсонеса к Неаполю скифскому, можно думать, что Палакий и Напит находились в западной части полуострова.

Дальнейшие археологические раскопки, вероятно, помогут уточнить местонахождение крепостей и отчетливее представить путь продвижения греческих войск в Скифию.

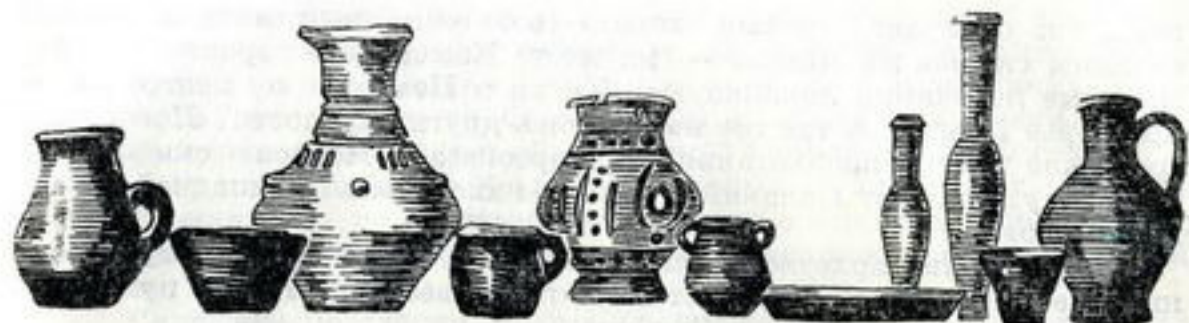
НЕАПОЛЬ СКИФСКИЙ

Остатки столицы позднескифского государства — Неаполя находятся на юго-восточной окраине современного Симферополя. С троллейбусной трассы Симферополь — Ялта недалеко от телевизионной мачты видны круто обрывающиеся Петровские скалы. Там на треугольном мысу между скалами и Петровской балкой расположено городище. С него хорошо просматриваются долина Салгира, степи, примыкающие к ней с севера; на западе виднеется третья горная гряда.

Неаполь находился на пересечении больших сухопутных дорог: от Перекопа к Херсонесу и от Феодосии и Пантикапея к Керкинитиде и Калос-Лимену (Прекрасной гавани).

Скифы стремились превратить столицу своего государства в хорошо защищенную крепость. С северо-востока и запада город был укреплен самой природой, небольшие стены и парапеты над обрывами служили дополнением к выгодным естественным условиям. С южной же, напольной стороны, уязвимой для нападения врагов, была воздвигнута мощная оборонительная стена. Городские стены Неаполя сооружались постепенно. Самая ранняя (2—2,5 м ширины и до 3 м высоты) относится ко второй половине III в. до н. э. Она состояла из двух панцирей, внешнего и внутреннего, сложенных из больших, необработанных, иногда лишь грубо околотых камней. Середина между панцирями забутована щебнем и мелким камнем.

Главные ворота города, проем которых имел балочные перекрытия, были в середине южной стены. Против ворот возвышалась постройка с двумя портиками. Назначение ее не вполне ясно. По-видимому, это было общественное здание. К северо-западу от него находился богатый жилой дом с полуподвалом, вырубленным в скале, с толстыми каменными стенами. Здание было покрыто черепицей и внутри оштукатурено. Сохранились многочисленные обломки штукатурки, расписанной яркими красками по эллинистическим образцам.

В раннем Неаполе наряду с большими, богатыми зданиями было много примитивных, мелких построек — круглых полуземлянок, похожих на кочевнические юрты — зимники; основание их вырубали в скале, каркас делали из жердей и обтягивали войлоком или кожей. У более благоустроенных овальных или прямоугольных полуземлянок были невысокие стены из камней, глинобитные земляные крыши. К жилым постройкам обычно примыкали дворы, иногда с навесами; во дворах устраивались зерновые, мусорные и очажные ямы. Тут же находились летние очаги, сводчатые печи из камня, обмазанные глиной, или открытые глиняные жаровни. В домах также были очаги и печи.

В городе лишь местами, например у главных ворот, прослеживается регулярная планировка, в которой сказалось греческое влияние, как и в отделке общественных и богатых частных зданий (штукатурка, покрытие черепицей).

Импортом посуды немного, это главным образом амфоры, реже — пифосы, лутерии, кувшины. Столовая и кухонная посуда чаще всего была лепной — горшки разной величины, кувшины, миски, кубки с черным, серым, коричневым лощением.

Традиции местной культуры сказались в «варварском» характере оборонительных стен, в пережиточных формах жилищ, унаследованных от кочевого быта и приспособленных к оседлой жизни (юрты-землянки, полуземлянки).

Скифы, оседая в Крыму, естественно, воспринимали многое и от тавров, в среду которых они вклинились. Это сказалось в некоторых подражаниях таврской керамике, в обряде погребений.

В ЦАРСТВЕ СКИЛУРА И ПАЛАКА

Расцвет позднескифского государства совпал со временем правления царя скифов Скилура (II в. до н. э.). Имя этого царя называют древние авторы Страбон, Плутарх, Посидоний и Аполлонид. Оно

встречается и в поврежденной греческой надписи из Неаполя, в которой, по-видимому, было упомянуто и не сохранившееся имя отца Скилура, правившего до него. Скилур и его сын Палак изображены на мраморном рельефе, найденном на городище в 1827 г. Там же обнаружен рельеф с предполагаемым изображением Палака на коне.

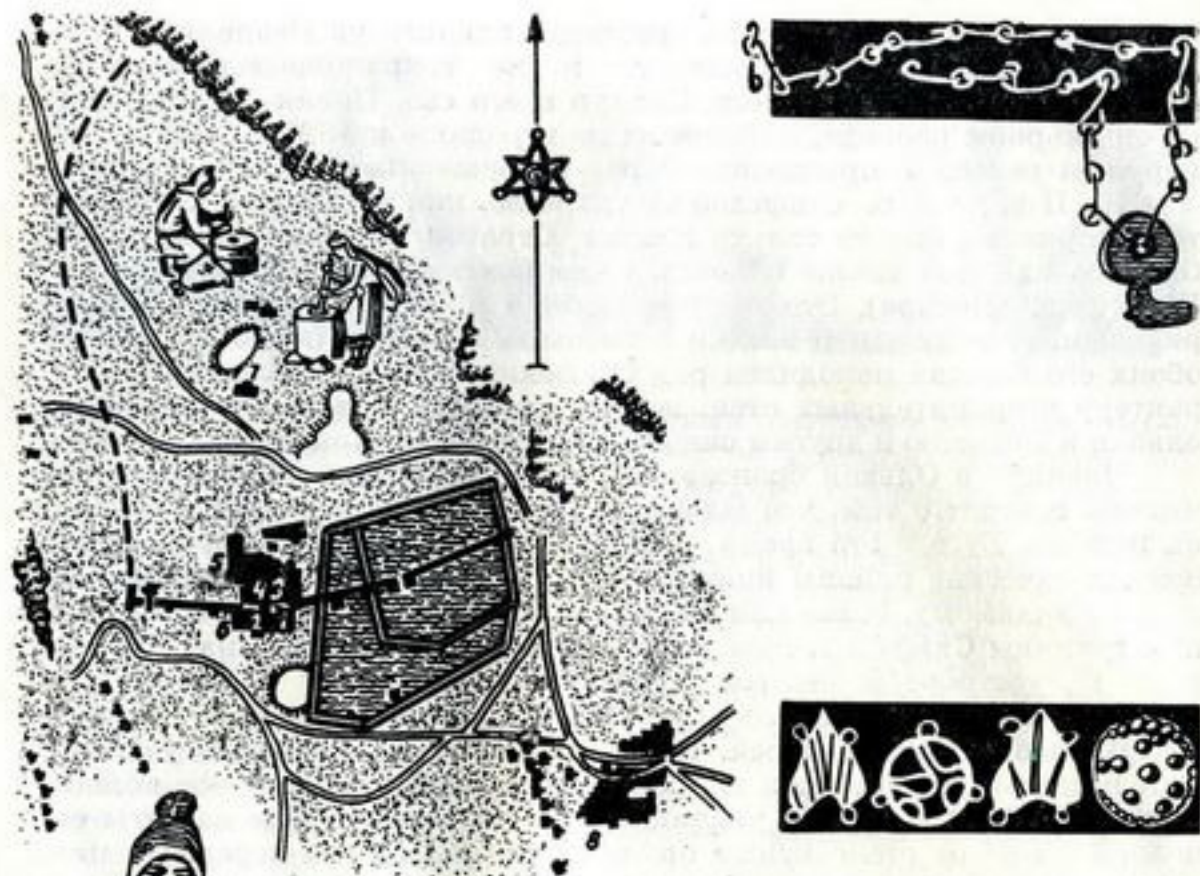
Ко II в. до н. э. скифское государство, как и раньше, занимало территорию не одного только Крыма. Страбон пишет, что в Малую Скифию входила также область, расположенная за перешейком до Борисфена (Днепра). Это подтверждается и археологическими материалами. Раскопки и разведки в низовьях Днепра показали, что на обоих его берегах находился ряд скифских городищ и селищ. По характеру оборонительных стен, жилых построек и находок они очень близки к Неаполю и другим скифским городищам Крыма.

Чеканка в Ольвии бронзовых монет с портретом Скилура и его именем говорит о том, что Ольвия и, вероятно, укрепления и селища на нижнем Буге в это время подчинялись скифскому государству. Земледельческие районы нижнего Приднестровья были северо-западной, по-видимому, более или менее автономной его окраиной. Восточные границы Скифии доходили до Боспорского царства на Керченском полуострове и берегов Азовского моря.

При Скилуре Неаполь превратился в город-крепость, главную резиденцию скифских царей. Оборонительные стены были усилены дополнительными поясами и достигали у центральных ворот толщины 6,5 м. Соответственно увеличивалась их высота. Для защиты основной стены от стенобитных орудий была выстроена передовая предохранительная стена — протейхизма, заменявшая ров, а к востоку от центральных ворот возведена четырехугольная башня с помещением внутри. На городской площади против ворот было сооружено новое парадное здание с двумя портиками, четырехгранные каменные столбы которых увенчивали дорические капители. Площадь украшали рельефы и статуи. Судя по греческой надписи, на одном из постаментов стояла конная статуя царя Скилура. Здесь же, видимо, находились статуи Зевса, Афины и Ахилла Понтарха, поставленные в их честь греком Посидеем. Из надписей на постаментах следует, что он был уроженцем острова Родос; сначала жил в Ольвии, затем в Неаполе. Возможно, Посидей был навархом — морским военачальником у скифских царей.

Свидетельство Страбона о морской битве полководца Неоптолема с варварами в Боспорском проливе и одна из надписей Посидея позволяют предположить, что у скифов были морские суда.

В восточном портике парадного здания найден небольшой постамент не сохранившейся статуэтки с греческой надписью, посвященной богине плодородия Деметре. Были здесь и другие статуи и рельефы из мрамора, бронзы и известняка.

1 — участок южной оборонительной стены Неаполя скифского; 2 — центральные городские ворота; 3 — зерновые ямы; 4 — общественное здание; 5 — дом с полуподвалом; 6 — мавзолей; 7 — здание с фресками; 8 — восточный некрополь.

Севернее находилось большое здание, крытое черепицей, с каменным цоколем и сырцовыми стенами. В одном из его помещений стены были оштукатурены и расписаны фресками, которые и по технике и по орнаментации близки к фрескам эллинистического Боспора. По-видимому, для его отделки были приглашены боспорские мастера. Здание ориентировано по странам света. Эта планировка заимствована скифами у греков. Рядом проходила улица, которая шла от ворот на север, к центру города и его акрополю.

Неподалеку от здания с фресками находился большой дом с полуподвалом, высеченным в скале. В нем хранилось много амфор с вином, привезенным с островов Родос, Книд, Кос и других мест. Судя по археологическим находкам, скифы поддерживали широкие торговые связи с городами Греции. Они вывозили хлеб и другие товары не только через Боспор и Херсонес, но и через подвластные им теперь Керкинитиду, Калос-Лимен и Ольвию. Это давало им значительные экономические выгоды и способствовало более тесному культурному общению с античным миром.

За пределами городских стен Неаполя строились пригородные сельскохозяйственные усадьбы, обнесенные каменными оградами. К западу от центральных городских ворот перед стеной находился мавзолей — усыпальница скифской знати. В течение 300 лет здесь хоронили лиц царского рода с их семьями и слугами. Стены мавзолея были сложены из камня, в плане он имел прямоугольную, почти квадратную форму. Первым здесь был погребен в каменной гробнице один из скифских царей, по-видимому, Скилур. Впоследствии вдоль западной стены в деревянных ящиках, на подстилках из кошмы или звериных шкурах хоронили военачальников. Во многих ящиках обнаружены семейные погребения: мужа, жены, ребенка, иногда двух детей. В деревянном резном, позолоченном и раскрашенном саркофаге была погребена знатная женщина, возможно, царица.

В погребениях найдено много разнообразных предметов, свыше 1300 одних только золотых украшений. Сначала мавзолей стоял открытым с трех сторон, но когда городу стала угрожать опасность со стороны Херсонеса и понтийских завоевателей (в конце II в. до н. э.), жители Неаполя заложили дверь каменными плитами, обнесли его мощным панцирным поясом. Мавзолей был надстроен и из усыпальницы превращен в боевую башню с верхним помещением для воинов. Сверху в него вела каменная лестница, пристроенная к внутренней стороне его западной стены.

Вдоль южной стены города проходила мощенная мелким камнем дорога; она вела к некрополю и спускалась в долину Салгира. На плато, где расположен Неаполь, источников и колодцев не было. Вода могла храниться в цистернах, бассейнах, пифосах. Ее доставляли из ручья в Петровской балке, из источников у подножия Петровских скал, из Салгира. Кроме того, в небольшой балке на восточной стороне города, по-видимому, было устроено водохранилище с земляными плотинами. По главной плотине проходила дорога. В конце II в. до н. э. водохранилище уже не действовало, вероятно, оттого, что выход источника, питавшего его, переместился. На месте большой плотины, по сторонам дороги, возник некрополь с земляными склепами, подбойными и грунтовыми могилами. В III — II вв. до н. э. скифы еще

продолжали хоронить в курганах, но теперь уже не знатных лиц с их женами и слугами, а рядовых членов общества.

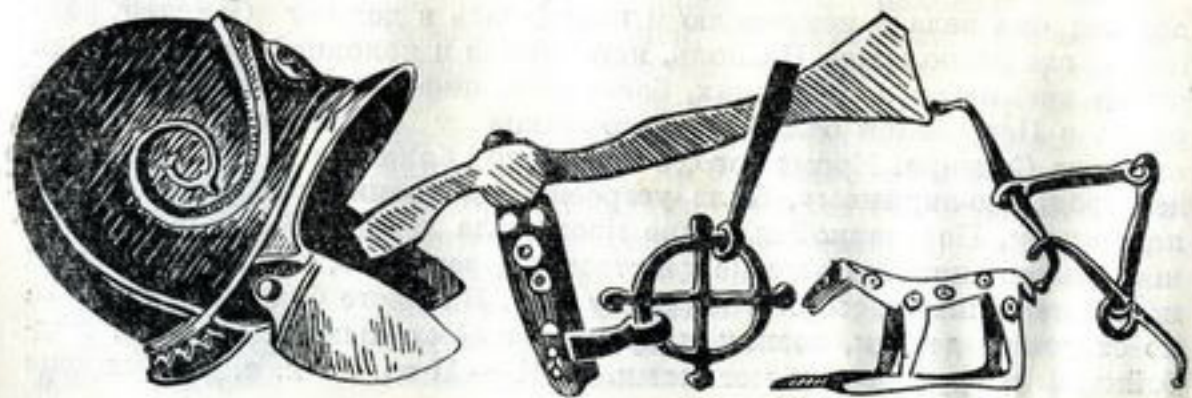
Покойников помещали в большую прямоугольную гробницу, сложенную из камня и сверху иногда перекрытую досками или бревнами. Над ней насыпали курган. Иногда к гробнице вел длинный ход — дромос. Для повторных погребений насыпь разрывалась, покойников вносили или через дромос или сверху, снимая настил. Поэтому костяки лежат тесно — в несколько рядов, иногда друг на друге. В одном кургане близ Симферополя обнаружено 173 костяка.

В обряде коллективных погребений, видимо, были элементы, унаследованные от таврской культуры. Известно, что тавры часто хоронили нескольких покойников в одном каменном ящике.

Появление позднескифских грунтовых могильников связано с переходом на оседлую городскую и сельскую жизнь и соответственным изменением погребального обряда. В могилы клали лепные и гончарные сосуды с жертвенной пищей, кусками мяса, яйцами и т. д. Покойника хоронили в одежде, украшали браслетами, кольцами, ожерельями, застежками (фибулами). Реже в могилах встречается оружие — мечи, наконечники копий, дротики, стрелы и предметы конской сбруи (псалии, удила).

Наивысший расцвет позднескифского государства в III—II вв. до н. э. совпадает с крупным политическим событием — вторжением сарматских племен в причерноморские степи. Степные пространства от Урала до Дона и на юге от Приазовья до предгорий Северного Кавказа были исконными местами кочевий сарматских племен. Сарматы — потомки савроматов Геродота — занимались почти исключительно кочевым скотоводством.

Скифские легковооруженные всадники и пехота не могли противостоят сильной и лучше вооруженной сарматской коннице. Это,

наряду с другими причинами, способствовало созданию новых скифских укреплений, которые служили надежной защитой от натиска сарматов.

Привыкшим к большим пространствам сарматам Крым был мало удобен для кочевий. И не случайно в Крыму сарматские курганы насчитываются единицами, в отличие от приволжских, донских и приазовских степей. Культура сарматов во многом существенно отличалась от более высокой — скифской.

Почти сразу после вторжения в причерноморские степи сарматы начали вмешиваться в политические взаимоотношения между скифами и греческими городами. Римский историк II вв. до н. э. Полибий писал, что понтийский царь Фарнак привлек сарматского царя Гатала к борьбе Херсонеса против крепнущего скифского государства.

В новелле о сарматской царице-воительнице Амаге также отразилось стремление херсонесцев использовать сарматов для отпора скифам. Эта поэтическая легенда возникла в III (Ростовцев) или I в. до н. э. (Харматта). Вот она в пересказе Полиена:

«Амага, жена Мидосанка, царя сарматов, живших на понтийском побережье, видя, что муж ее предается роскоши и пьянству, по большей части сама чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обиженным соседям. Блестящая слава о ней разнеслась по всей Скифии, так что и жившие на Таврическом полуострове херсонесцы, обижаемые царем соседних скифов, попросили ее принять их в число союзников. Амага сначала послала скифскому царю приказание прекратить свои набеги на Херсонес, когда же скифы не послушались, то она выбрала 120 человек, сильнейших душою и телом, дала каждому по три лошади и, проскакав с ними в одни сутки 1200 стадий, внезапно явилась ко двору царя и перебила всех стражей, стоявших у ворот. Скифы пришли в смятение от неожиданности и воображали, что нападающих не столько, сколько они видели, а гораздо более. Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херсонесцам, а царскую власть вручила сыну убитого, приказав ему править справедливо и, помня печальную кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров».

В этой новелле интересно упоминание о дворце скифского царя, о городских воротах, о передаче царской власти по наследству от царя к его сыну. Легенда, несомненно, в какой-то степени отразила реальную действительность. Хронологически она связана со временем царствования предшественника Скилура, может быть, его отца.

Третье, уже историческое, свидетельство о проникновении сарматов в Крым содержится в декрете в честь Диофанта. В нем говорится о том, что Палак «привлек на свою сторону народ ревксиналов». Об этом же событии более подробно говорит и греческий географ

Страбон. Он называет то же сарматское племя роксоланами и упоминает имя их царя Тасия, боровшегося вместе со скифами против понтийского вторжения. Страбон говорит также о числе роксоланских воинов (якобы 50 000), конных и пеших, сражавшихся на стороне Палака, и описывает их вооружение: «Они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копьа, лук и меч».

О характере политической власти в государстве поздних скифов мы знаем мало; это была монархия с передачей власти по наследству. Указание на это имеется у Страбона. После Скилура правил его сын Палак, следовательно, к этому времени порядок наследования власти установился достаточно прочно.

Плутарх передает интересную легенду о предсмертном наставлении Скилура своим многочисленным сыновьям (по Аполлонию их было шестьдесят, по Дионисию — восемьдесят). Созвав сыновей, Скилур предложил им переломить связку дротиков. Убедившись, что они не могут сделать этого, он стал ломать каждый дротик отдельно и заявил, что «действуя заодно, они останутся сильными, а разделившись и враждуя друг с другом, будут слабы». Легенда, несомненно, отражает стремление скифов сохранить сильное единое государство, которое могло бы успешно бороться с многочисленными врагами.

Мы не имеем сведений о том, как действовали в дальнейшем сыновья Скилура, но, судя по Страбону, они объединились вокруг Палака. Из этого можно заключить, что Палак продолжал политику сохранения единого государства и укрепления царской власти.

СКИФЫ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ

Попытки скифов укрепиться на берегах Черного моря и избавиться от посредничества греков в заморской торговле приводили к постоянным столкновениям скифского государства с Херсонесом.

Как увидим ниже, история борьбы скифов с Херсонесом за его земли нашла отражение в ряде херсонесских надписей: гражданской присяге, упомянутом декрете в честь Диофанта и других. Об этом же говорят древние авторы Страбон и Полиен.

Создание мощной системы обороны Херсонеса III—II вв. до н. э. позволяет думать, что скифы в то время уже начали применять стенобитные и метательные машины.

Палак, продолжая внешнюю политику Скилура, вел дальнейшее наступление на греческие города. Вооруженные столкновения приняли еще более острый характер и привели, наконец, к открытой войне. Скифы, как уже говорилось, подчинили себе Ольвию, требовали увеличения дани с Боспора, подошли к Херсонесу. Это побудило послед-

ний обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату Евпатору.

На западном побережье Черного моря Херсонес имел свои владения, входившие в его так называемую хору (округ). В числе херсонесских укреплений были Керкинитида, Калос-Лимен и другие. В результате ожесточенной борьбы за морские рубежи скифам удалось во II в. до н. э. захватить ряд укреплений. В дальнейшем на месте некоторых из них возникли укрепления и городища с характерными для скифов оборонительными и жилыми постройками.

В 7 км к западу от Евпатории у берега моря, близ детского санатория «Чайка», можно увидеть недавно открытые археологами древние стены некогда существовавшего здесь поселения. Нижние слои городища датируются IV—III вв. до н. э. В IV в. до н. э. греки выстроили здесь огромное здание, восточный фасад которого, длиной 91 м, был укреплен тремя башнями. Стены подвального этажа достигали двухметровой высоты. По-видимому, отдельные помещения здания имели различное назначение; в средней части, очевидно, они использовались как склады, а в южной — как жилые и парадные. По мнению археолога А. Н. Карасева, здесь, вероятно, была торговая фактория, построенная Херсонесом. В III в. до н. э. здание погибло от большого пожара. После ряда перестроек и вторичного пожара все помещение бывшей фактории было превращено в жилье.

Во II в. до н. э. скифы захватили его и создали здесь свой опорный пункт, за короткий срок укрепив его каменными стенами. Внешний панцирь оборонительной стены тянется на 44 м, к нему примыкают помещения различного назначения. Среди них одно было культовым — здесь в углублении высокого каменного алтаря найден лепной горшок с мелкими костями животных. Во время войны скифов с греками в конце II в. до н. э. это укрепление, вероятно, было разрушено войсками Диофанта.

В 28 км к северо-западу от Евпатории на берегу моря, у села Поповка, находятся остатки Южнодонузлавского позднескифского городища, возникшего на месте существовавшего здесь греческого поселения IV—II вв. до н. э. В середине II в. до н. э. скифы захватили это поселение и укрепили его земляным рвом и валом, облицованным крупным рваным камнем; на валу построили каменную стену. Здесь были сооружены также жилые и хозяйственные постройки из рваного камня, сделаны хозяйственные ямы, горловины которых обкладывались камнем и закрывались каменными крышками. Керамический и прочий материал, найденный на городище, говорит о тесных связях его населения с Херсонесом.

К северо-западу от Поповки, также на берегу моря, у села Окуневка обнаружено городище, известное под названием Тарпанчи. Оно было окружено оборонительной стеной, сложенной из рваного камня

на глине, и рвом. Раскопки показали, что городище просуществовало с III в. до н. э. по III в. н. э. Пока еще трудно сказать, кем оно было основано. В конце II в. до н. э. городище пострадало, по-видимому, также от войн с греками. Именно тогда сгорела постройка с запасами хлеба — глинобитный пол ее был покрыт горелыми зернами пшеницы и ячменя. Однако после разрушения жизнь на городище возродилась снова.

В устье реки Альмы на выдающемся в море глинистом мысу расположено, как мы уже говорили, самое крупное приморское городище — Усть-Альминское. Крутые обрывы к морю с северной и восточной стороны служили естественной преградой для неприятеля, а с уязвимой юго-западной и южной городище было защищено земляным валом и рвом. С южной стороны к нему примыкало большое селище, на юго-восточных склонах которого был некрополь. Городище лежало на пути из Херсонеса в Керкинитида. Устье Альмы, вероятно, более полноводной в древности, могло служить гаванью для морских судов.

Разведки и небольшие раскопки позволяют считать, что Усть-Альминское городище возникло в III—II вв. до н. э. Трудно сказать, было ли оно разрушено войсками Диофанта. Для решения этого вопроса нужны более широкие археологические исследования.

Долгое время считалось, что государство Скикура и Палака погибло под ударами войск Диофанта. Судя по декрету, Диофант дважды ходил походом на скифские крепости Хабеи и Неаполь. После первой победы над войсками Палака скифы, как сказано в декрете, вскоре оправились, нарушили договор и вышли из повиновения. Диофант вторично совершил поход на скифов и разбил их наголову. Однако Неаполь и, вероятно, другие их крепости не были полностью разрушены.

Скифское государство получило тяжелый удар, но это не привело его к гибели, а лишь вызвало временный экономический и политический упадок. Греческие города перестали платить скифам дань, Ольвия перешла под покровительство Митридата, а некоторые города северо-западного Крыма — Керкинитида, Калос-Лимен и другие — были вновь подчинены Херсонесу.

ПОНТ СТАНОВИТСЯ ГОСТЕПРИИМНЫМ

онец V в. до н. э. ...В прославленном афинском театре идет новая трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде». В основе пьесы — мифологический сюжет, хорошо знакомый каждому греку. Действие происходит на скалистых и диких берегах Понта, в стране тавров, царь которых Фоант приказал убивать всех захваченных эллинов и приносить их в жертву кровожадной местной богине.

Зрители с интересом следят за судьбой дочери Агамемнона Ифигении, ставшей жрицей богини. Она долго томилась вдали от родины, пока не встретила с братом Орестом и его другом Пиладом, которые приплыли к берегам Тавриды, чтобы тайком увезти отсюда священную статую Артемиды Таврической. Тогда все трое, обманув Фоанта, бежали в Элладу...

Греки связывали мифы со своей религией и древней историей, знали они и о городах-колониях, выросших на берегах Черного моря, с которыми вели оживленный торговый обмен. В Афины, Дельфы и другие города Греции часто прибывали из Понта послы, участники спортивных состязаний, торговцы; приезжая в Афины на дни празднеств и представлений, они посещали и театр, занимая почетные места для гостей. Так реальные сведения переплетались с мифами, да и сами мифы часто содержали историческое зерно.

Расширение географических познаний греков было тесно связано с развитием их мореходства. Долгое время они осмеливались только на каботажное плавание вдоль своих берегов или между островами архипелага в Эгейском море, находящимися на таком близком расстоянии друг от друга, что плывущие всегда видели перед собой землю. Но еще финикийцы, а затем постепенно и греки, все чаще и чаще пускались в далекие плавания, проникали в другие страны, выменивали или продавали там свои товары; в случае благополучного возвращения они рассказывали своим соплеменникам были и небывлицы о заморских землях. Так и в легендах, связанных с Черным морем, наряду с фантастикой мы находим подлинные географические и этнические наименования городов и племен, сведения о природе, быте и религиозных верованиях местного населения.

Миф о Прометее связан с Кавказскими горами. Гордый титан, осмелившийся передать людям тайну богов — огонь — и осужденный за это на вечные муки, был прикован к высокой кавказской скале, и орел каждый день терзал его печень.

Интересные сведения о Кавказе содержатся в мифе об аргонавтах, которые на парусном корабле «Арго» переплыли Черное море, чтобы добыть в Колхиде золотое руно. Миф рассказывает о трудностях плавания по бурному морю, природных богатствах страны колхов, вражде и столкновениях местных племен¹.

В поэмах Гомера упоминаются племена киммерийцев и доителей кобылиц, в которых многие, как указывалось выше, не без основания видят скифов. Странствия Одиссея и судьба героя Троянской войны Ахилла после окончания похода также связаны с Черным морем. Ахилл «поселился» на Белом острове, где впоследствии был учрежден его культ, широко распространенный в греческих колониях как Западного, так и Северного Причерноморья. Он был признан владыкой Черного моря (Понтархом), в его честь высекали на мраморе посвященные надписи.

¹ О подвигах аргонавтов рассказывали в Греции еще до оформления поэм Гомера, так как в «Одиссее» корабль «Арго» уже называется «всеми воспеваемым». Связное изложение мифа мы находим у Пиндара; различные его варианты известны и у других древних писателей, которые неоднократно обращались к этому излюбленному сюжету.

К троянскому циклу относится и использованный Еврипидом миф об Ифигении. Он отражает действительное знакомство греков с нравами и культурами древних тавров.

Отдельные археологические находки на территории Северного Причерноморья показывают, что греки начали проникать сюда приблизительно с VII в. до н. э. Среди вещей, привезенных ими из Греции, преобладают расписная глиняная посуда и другие художественные изделия. Как правило, их находят далеко от моря; они, вероятно, проникали туда по большим речным путям в результате межплеменного обмена.

Росло знакомство греков с Причерноморьем — накапливались и реальные сведения о нем у древних авторов, все более оттесняя небывлицы и вымыслы. Море, некогда разъединявшее народы, по мере развития мореплавания объединяло их.

ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ

Греки, как и другие народы, встречаясь с тем или иным непонятым местным географическим названием, обычно не отбрасывали его, а стремились по-своему осмыслить и объяснить. В одних случаях прибегали к мифотворчеству, производя непонятное слово от имени легендарного героя. Таковы мифы об Эгее и Гелле для объяснения названий Эгейского моря и Геллеспонта. В других случаях народная смекалка находила близкое по созвучию слово, дающее определенный смысл на греческом языке. Возможно, то же явление имело место при первоначальном наименовании Черного моря. Известно, что древние персы называли это море Ахшайна (т. е. Черное). Греки могли его переделать по созвучию в Аксейнос с весьма подходящим для той поры смыслом — негостеприимное. Так называли его греческий лирик VI—V вв. до н. э. Пиндар, историк Диодор, географ Страбон, автор поэмы «Поход аргонавтов» Аполлоний Родосский и другие. В ранний период знакомства греков с Черным морем их пугали трудности плавания на большие расстояния; многие корабли гибли в открытом море, а у берегов путешественников подстерегали пираты.

Переименование моря в Гостеприимное (Понт Евксинский), несомненно, связано с колонизацией, когда наладились постоянные и оживленные связи между городами античного мира и греческими колониями на берегах Черного моря.

Судя по замечаниям поздних авторов Аммиана Марцеллина и Евстафия, такой смене названий способствовали и некоторые религиозные представления. Ведь по понятиям древних, веривших в магическую силу слова, «дурное» название моря — Негостеприимное — могло помешать благополучному плаванью, разгневать богов и при-

вести к гибели путешественников. Потому-то его и заменили словом с хорошим значением (такие слова называются эвфемизмами).

Известны и другие названия Черного моря (или его частей): Киммерийское, Скифское, а в первые века нашей эры — Сарматское. Вероятно, еще до появления греков существовали названия моря на местных языках, но они до нас не дошли, хотя и были известны греческим купцам и путешественникам.

Со временем было налажено плавание по Черному морю не вдоль берегов, а прямым путем с юга на север, что значительно сокращало расстояние между двумя побережьями. Это подтвердила находка в Дура-Эуропос на Евфрате кожаного щита с изображением карты Черного моря. Кратчайшее расстояние между его южным и северным побережьем, равное примерно 260 км, греки могли проплыть в течение суток. Необходимыми для этого удобными гаванями на южном, малоазийском берегу были прежде всего Синопа и Гераклея. В Северном Причерноморье аналогичную роль мог играть Херсонес Таврический. Технические возможности греческих кораблей и некоторые другие косвенные данные позволяют отнести освоение этого пути к концу V или началу IV в. до н. э.

Открытие краткого морского пути имело большое экономическое значение; оно сделало Гераклею и Херсонес важными транзитными пунктами и со временем сыграло немалую роль в событиях, связанных с понтийскими царями — Фарнаком и особенно Митридатом Евпатором, который организовал несколько морских военных экспедиций в Крым во главе с полководцем Диофантом.

ВЕЛИКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Еще до греков прославленные мореходы и торговцы древности — финикийцы создавали колонии, однако они сильно отличались от греческих. Это были специальные торговые поселения, целиком подчиненные Финикии. Впоследствии греки почти отовсюду вытеснили финикийцев.

О колонизации Северного Причерноморья известно мало, поэтому необходимо коснуться общих вопросов греческой колонизации, рассказать, как проходил этот процесс в других районах античного мира. У Аристотеля было специальное сочинение «О колониях», но, к сожалению, от него сохранилось лишь название. Поэтому о многом приходится судить по отдельным отрывочным сведениям.

Прежде всего необходимо уточнить, что такое колония и всегда ли мы правильно понимаем этот термин. Слово «колония» сохранилось от античной эпохи до наших дней, однако античная колонизация существенно отличается от капиталистической, вызвана другими причинами и носит иной характер. Уже римская колонизация (от-

куда ведет свое происхождение и слово *colonia*) имела значительные отличия от греческой, представляя собой в основном захват чужих территорий для укрепления могущества Римской империи.

Некоторые апологеты капитализма, пытаясь доказать извечность основных институтов капиталистического общества и их благотворное влияние на мировую цивилизацию, стремятся отождествить античную колонизацию с капиталистической, искусственно сблизить исторические понятия различных формаций. Подчеркивая культуртрегерскую роль греческих колоний, одни видели основные причины колонизации в развитии мореходства и торговли (Эд. Мейер, Пельман), другие — в избытке населения и природном честолюбии греков (Рауль-Рошетт), третьи — в их любви к географии и приключениям (Хазебрек).

К. Маркс в статье «Вынужденная эмиграция» (1853 г.) рассматривает вопрос об эмиграции при капитализме. В связи с этим он касается и античной колонизации.

«В древних государствах, в Греции и Риме, — пишет Маркс, — вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя. Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования античной цивилизации. Но почему это было так? Потому что этим государствам было совершенно неизвестно применение науки в области материального производства. Чтобы сохранить свою цивилизацию, их граждане должны были оставаться немногочисленными. В противном случае им грозило подчинение игу того изнурительного физического труда, который превращал тогда свободного гражданина в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция»¹.

Уровень развития производительных сил в рабовладельческом обществе был значительно выше, чем в первобытном. Однако и при таком уровне не могло быть обеспечено благосостояние всех свободных граждан полиса, не занимавшихся производительным трудом. Отсюда и необходимость «определенного количественного соотношения» свободных и рабов и как следствие — вынужденная эмиграция.

Иное дело при капитализме. Маркс подчеркивает, что «избыток населения создается теперь отнюдь не в результате недостатка производительных сил; наоборот, именно рост производительных сил требует уменьшения населения и устраняет его избыточную часть при помощи голода или эмиграции. Не народонаселение давит на производительные силы, а последние давят на народонаселение»².

Следовательно, античная колонизация вызвана в конечном итоге слабым развитием производительных сил, а вынужденная эмиграция при капитализме — их ростом; античная колонизация охватывает свободных граждан полиса и проводится в их интересах; эмиграция при капитализме касается основных производителей, вынуждаемых на это всей системой капиталистической эксплуатации.

Таким образом, Маркс говорит об «относительном перенаселении», ничего общего не имеющем с известной теорией Мальтуса. Причина колонизации крылась не в перенаселении, как утверждали многие буржуазные ученые, а в античной полисной форме собственности. Полис был такой политической организацией государства, которая должна была обеспечивать существование всех его свободных граждан, а большой приток рабов в ремесло и сельское хозяйство вытеснял свободный труд. Происходила концентрация земли в руках немногих и обезземеление другой части граждан, которым приходилось покидать родину в поисках новых земель.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 8, М., 1957, стр. 567—568.

² Там же, стр. 568.

Не вскрывая коренных, глубинных причин греческой колонизации, еще Платон в «Законах» довольно правильно определял главные обуславливающие ее факторы: недостаток земли и политическую борьбу внутри полисов.

Имущественное и социальное расслоение населения, обострение классово-политической борьбы в рабовладельческих государствах приводили к возникновению различных партий, боровшихся за власть. Представители побежденной партии во главе с их вождями часто становились инициаторами создания новых колоний, но основной контингент колонистов составляли обезземеленные крестьяне, купцы и ремесленники.

Сам полис был заинтересован в создании колоний, куда выезжали неимущие свободные граждане, которых ему было трудно содержать. Этим объясняется государственный характер организации многих колоний, хотя иногда инициатива принадлежала какой-нибудь группе граждан. Но и в том, и в другом случае соблюдались определенные, установленные традицией правила и порядки.

Обычно обращались за советом в дельфийский храм Аполлона, чтобы узнать, благосклонно ли относятся к этому боги. Роль дельфийского оракула в сложной обстановке политической борьбы между греческими городами-государствами была очень велика. Пользуясь огромным авторитетом, дельфийские жрецы, видимо, часто оказывали влияние на организацию новых колоний, выбор их места и вождя колонистов. Поэтому наряду с загадочными и сказочными по форме изречениями оракула встречались иногда весьма «земные» и недвусмысленные прорицания, которые были понятны всем и могли привлечь большие массы населения. Так, Геродот рассказывает, что Пифия побуждала эллинов плыть в Ливию, обещая участки земли и предупреждая: «Кто прибудет в достолюбезную Ливию позже, когда земля будет распределена, тот, уверяю я, скоро покается».

Рассматривая ниже взаимоотношения колонистов с местным населением, мы не раз будем сталкиваться со случаями изгнания греков, особенно на раннем этапе колонизации. Общественное мнение в этих случаях пыталось поддержать авторитет дельфийского храма. Так, неудачный поход спартамца Доризя в Ливию в VI в. и изгнание его объясняли тем, что он нарушил установленный обычай, не обратившись за советом к дельфийскому оракулу. Если эту версию и не создали в Дельфах, то, вероятно, охотно там поддерживали и распространяли.

Во главе каждой колонии обычно стоял ее вождь и основатель — ойкист (от греч. «апойкиа» — колония). Если Грецию покидала побежденная группировка, то ойкистом становился ее предводитель. Он руководил организацией и отправкой людей в колонию, а по прибытии — разделом земли между колонистами.

Основатель колонии был настолько высокочтимым лицом, что

после смерти ему оказывали почести, как герою. Так, в память Мильтиада Старшего в Херсонесе Фракийском устраивали специальные жертвоприношения и гимнастические состязания.

Каковы же были взаимоотношения колоний с метрополией? Отличительной особенностью греческих колоний была их значительная политическая самостоятельность. Колония являлась новым государством, которое проводило независимую внутреннюю и внешнюю политику, принимало законы, заключало союзы и договоры, объявляло войны. При государственной колонизации общественная жизнь строилась по образцу метрополии. Если в колонизации участвовало несколько полисов, то политический строй был смешанным. Вместе с большинством колонистов переходил и язык (диалект) их родины, а также религиозные культы и священный огонь. Как правило, поддерживались и торговые связи с метрополией (иногда чеканилась монета с той же эмблемой), а также заключались союзы против общих врагов, но, в случае изменения конъюнктуры, последние часто нарушались. Известно и заимствование календаря метрополии, связанное с проведением общих религиозных праздников.

Многие колонии, превратившись в большие и сильные государства, сами становились метрополиями и основывали новые колонии (вторичная колонизация). Так, например, колония Коринфа Керкира основала вместе с ним Эпидамн, Гераклея — Каллатий и Херсонес Таврический, а Синопа — Котиору, Трапезунт и Керасунт.

Из достоверного свидетельства Ксенофонта известно, что Синопа назначала в основанные ею города особых правителей — гармостов и взимала с них ежегодную дань. То же делал и Коринф в своих колониях.

Как же складывались и развивались взаимоотношения между греческими колонистами и местными племенами? Следует подчеркнуть, что здесь не было и не могло быть единообразия. Так, в Херсонесе Фракийском, используя межплеменную борьбу, греки склонили одно из племен на свою сторону и заключили с ним договор о дружбе. В других местах фракийцы оказывали сильное сопротивление грекам, часто уничтожая до основания их поселения.

Из истории Гераклеи Понтийской известно, что мегарцы военным путем поработили древних жителей Вифинии — мариандинов, прикрепили их к земле и заставили платить определенную дань.

Фукидид приводит интересные данные о колонизации Сицилии. Коринфяне при основании Сиракуз вытеснили местное население — сикулов. В Тапсе (сицилийской колонии Мегар) сложилась иная обстановка — местные жители изгнали колонистов. Но затем вождь сикулов Гиблон перешел на сторону врагов и помог им основать другую колонию — Мегары Гиблейские.

Наконец, из «Анабасиса» Ксенофонта мы узнаем, что Синопа при основании колоний на малоазийском берегу Черного моря изгнала местное население. За это, как бы для возмещения военных расходов метрополии, колонии обязаны были платить Синопе ежегодную дань.

Итак, в зависимости от конкретных условий, колонизация проводилась то мирным, то насильственным путем. Поэтому одинаково неправы и те, кто рисует

идиллическое содружество между греками и местными племенами, и те, кто везде предполагает активное сопротивление местного населения колонизаторам (явная модернизация).

Некоторые ученые в свое время подчеркивали исключительно торговый характер колонизации Северного Причерноморья. Развивая взгляды своих предшественников — дореволюционных исследователей Э. Миннза, М. И. Ростовцева, В. В. Латышева, А. А. Иессен утверждал, что основание греческих колоний было двусторонним процессом, предполагающим достаточно высокий уровень экономического развития местного населения, наравне с греками заинтересованного в постоянном широком торговом обмене. Однако в ряде работ современных исследователей этот вывод оспаривается.

«Великая колонизация» относится ко времени формирования основных рабовладельческих городов-государств Греции (VIII—VI вв. до н. э.). До наиболее отдаленного от Греции Северного Причерноморья трехсотлетняя колонизационная волна докатилась в последнюю очередь — в основном в VI в. до н. э. Хотя общие побудительные причины и оставались неизменными, должен был сказаться приобретенный опыт и внутреннее экономическое и политическое развитие городов-метрополий. Для этого времени характерно широкое использование труда рабов, резкое имущественное неравенство, развитие ремесла и торговли, специализация сельского хозяйства, острая социальная борьба.

В подобных условиях колонизация всего Северного Причерноморья вряд ли могла носить исключительно мирный, торговый характер.

Накопление и изучение нового археологического материала даст возможность в дальнейшем создать стройную картину колонизации Причерноморья в целом.

ВЫХОДЦЫ ИЗ МИЛЕТА

Ведущую роль в освоении берегов Северного Причерноморья играл греческий город Милет. Раннее экономическое развитие Милета и других ионийских городов объяснялось в значительной мере их посреднической ролью в торговле между Грецией и странами Востока. В дальнейшем, когда образовалось и окрепло Лидийское царство, Милет перенес основную сферу своей деятельности в район Геллеспонта и Причерноморья.

По свидетельству Плиния, Милет основал около 90 колоний, в ряде случаев он был всего лишь их организатором. Кроме того, милетяне, вероятно, «перехватили» многие старые колонии греческого города Фокеи.

В VIII—VII вв. до н. э. выходцы из Милета основали в Геллес-

понте и Мраморном море, на южном и западном берегу Черного моря колонии Абидос, Кизик, Синопу, Аполлонию, Одесс, Томы и Истр.

Самое древнее греческое поселение на северном берегу Черного моря открыто на острове Березань в Днепровско-Бугском лимане. Оно основано в VII в. до н. э. Затем в устье Буга милетяне основали Ольвию, а на берегу Днестра — Тиру.

До нас дошло несколько названий Ольвии: Борисфен — по имени реки, Милетополь — по имени метрополии и, наконец, наиболее распространенное — Ольвия (в переводе с греческого — «счастливая»). Города с таким же названием известны в Памфилии, Вифинии, Галлии и Сардинии.

Вслед за Ольвией, также в VI в. до н. э., милетяне основали несколько колоний в Крыму, причем уже не на ближайшем, западном, а на восточном его побережье. Крупнейшие из них — Пантикапей, Феодосия, Нимфей, Тиритака, Мирмекий.

Пантикапей занимал очень выгодное положение и в экономическом, и в стратегическом отношении. Он был расположен на высоком холме около прекрасной бухты; хорошие сухопутные дороги связывали его с внутренними районами полуострова, населенными в основном скифскими племенами.

Название города объясняют по-разному: одни считают его местным¹, другие — греческим. По словам Стефана Византийского и других древних авторов, оно происходит от реки Пантикап (интересно, что река с таким же названием встречается и у Геродота). Часто по названиям рек давали имена лежащим поблизости поселениям, которые затем сохранялись за греческими колониями.

Об основании Пантикапея мы узнаем из двух не связанных между собой и до некоторой степени противоречащих друг другу источников. Страбон (I в. н. э.) указывает, что скифов изгнали из их страны эллины, основавшие Пантикапей и другие города на Боспоре (подробное описание города, его акрополя и гавани говорит о том, что Страбон пользовался хорошим источником, заслуживающим доверия). Такие методы изгнания местного населения неоднократно применялись греками во Фракии, Сицилии, а также колонистами-ионийцами на берегах Черного моря.

Второй рассказ об основании Пантикапея, принадлежащий Стефану Византийскому, носит легендарный характер. По его словам, город был основан сыном колхидского царя Зета с разрешения скифского царя Агаета. Рассказ Стефана Византийского сходится отчасти со свидетельством Страбона о том, что до греков на территории Боспора жили местные скифские племена. Однако из его описания следует,

¹ Иранист В. И. Абаев толкует слово «Пантикапей», как «рыбный путь».

что колония якобы образовалась на основе мирного договора греков с царем скифов.

Миф об аргонавтах рассказывает, что у царя Эета, скрывавшего золотое руно, был лишь один сын Абсирт. По одной версии, он еще ребенком был взят Медеей на корабль, а затем убит; по другой — юноша Абсирт, назначенный Эетом предводителем отряда колхов для преследования аргонавтов, погиб от руки Ясона. Неизвестно в мифологии и имя царя скифов Агаета. Возникает предположение: не родилась ли эта легенда о мирном основании Пантикапея в Причерноморье и не заимствована ли она из сочинения какого-то местного боспорского автора? (Напомним, что древние греки часто опирались на авторитет легенды для проведения нужной политической тенденции.) В этом случае стало бы понятным желание греков связать основание столицы Боспора с популярными героями — аргонавтами и греческими богами (Эет был, по преданию, сыном бога солнца Гелиоса); таким образом, нашлось бы объяснение не только версии о добровольной передаче грекам скифской земли, но и тому, что нигде больше в греческой литературе мы не встречаем ни имени Агаета, ни связанной с ним легенды об основании Пантикапея.

Если это предположение правильно, то следует отдать предпочтение версии Страбона о борьбе греков со скифами, имевшей место при основании боспорских городов.

Часть местного сельского населения Боспора, судя по сохранившимся источникам, была превращена в пелатов — зависимых, порабощенных людей, прикрепленных к земле и плативших определенную дань. Ведь и при образовании колоний в Сицилии и Гераклее Понтийской именно в результате столкновений с местным населением часть его была изгнана, а другая часть порабощена. Аналогичное явление могло иметь место и на Боспоре.

С историей Кавказа и Крыма связаны и другие варианты мифа об аргонавтах. Они как бы обосновывали исконное право эллинов на эти земли, принадлежавшие греческим богам и героям.

Второй после Пантикапея крупной колонией в восточном Крыму была Феодосия, которую Арриан называет «древним понтийским городом, колонией Милета». Страбон к этому добавляет, что около Феодосии находится плодородная равнина и гавань для сотни судов.

Нет сведений о том, кем были основаны более мелкие города Керченского полуострова — Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Киммерик и другие. Некоторые ученые предполагали, что их построили позже пантикапейцы. Однако археологический материал свидетельствует о том, что они возникли примерно в середине VI в. до н. э., т. е. одновременно с Пантикапеем. Вероятнее поэтому, что они были также основаны Милетом. Новые надписи и другие находки помогут окончательно решить этот вопрос.

Одновременно на другом берегу Керченского пролива возникли понтийские города Гермонасса и Кепы, а также колония Теоса Фанагория.

Обращают на себя внимание названия этих городов. Одни из них — Феодосия, Нимфей, Мирмекий, Порфмий, Кепы, Фанагория, Гермонасса — греческие, причем два последних, как свидетельствуют источники, происходят от имени их основателей (возможно, такого же происхождения название Мирмекий). Другие города — Тиритака, Корокандама — имеют негреческие, местные названия, большинство которых до сих пор не поддается толкованию. Название Киммерик связано с племенным наименованием (этноконом) киммерийцев. Как и в других районах античной колонизации, местные названия, по-видимому, остались от старых поселений, существовавших здесь до греков.

Подобно Гераклею Понтийской и Синопе на малоазийском берегу Черного моря, боспорцы в III в. до н. э. основали в устье Дона Танаис, получивший свое название от одноименной реки. Благодаря раскопкам, надписям и сообщениям древних авторов, постепенно вырисовывается роль этого интересного города, расположенного на северо-восточной окраине Боспорского царства, на удобных торговых путях в гуще местных племен. Страбон называет Танаис самым большим торговым центром (эмпорием) после Пантикапея, куда кочевники доставляли рабов, шкуры и другие товары, а боспорцы — платье, вино и различные изделия.

В первые века нашей эры Танаис не был полностью самостоятельным; он находился в определенной зависимости от Боспора, хотя вначале территориально не входил в число его земель, как другие города Боспорского царства¹.

Царь Боспора назначал в Танаис специального представителя (пресбевта) из своих приближенных или из местной танаидской знати и, возможно, взимал какие-то подати. В надписях Танаиса ставилось имя боспорского царя. Известно, что цари Фарнак, Асандр и Полемон захватили земли вплоть до Танаиса. Ясно, что взаимоотношения Танаиса и Боспора приобрели враждебный характер; дошло до открытых военных столкновений. По свидетельству Страбона, боспорский царь Полемон разрушил город за неповиновение.

Таким образом, здесь имел место такой вариант внутренней колонизации, при котором нарушались исконные принципы греческих колоний с их политической и экономической независимостью и дружественным отношением к метрополии.

КОЛОНИЯ ГЕРАКЛЕОТОВ

Херсонес, в отличие от колоний восточного Крыма, был основан в результате вторичной колонизации, причем уже не в VI, а в V в. до н. э.

Найденное на территории Херсонеса небольшое количество понтийских черепков VI в. до н. э. позволяет предположить, что Милет

¹ В слоях III—I вв. до н. э. в Танаисе не встречается греческих надписей и боспорских монет. На основе этого факта и анализа свидетельства Страбона руководитель раскопок Д. Б. Шелов высказал недавно мнение, что в первый период своего существования Танаис был независимым по отношению к Боспору.

в период активного освоения Северного Причерноморья завязывал сношения и с поселениями западного берега Крыма, но еще не основывал здесь колоний.

По единодушному свидетельству Страбона, Скимна, Плиния, Херсонес основала расположенная на малоазийском берегу Черного моря колония города Мегары Гераклея Понтийская.

Перед основанием новой колонии Гераклея, по-видимому, по традиции обратилась за советом в дельфийский храм Аполлона (то же было в свое время и при основании Мегарой самой Гераклеи), где и получила указание оракула проводить колонизацию Херсонеса совместно с делосцами. Вследствие изменившихся затем обстоятельств участие Делоса в колонизации Херсонеса оказалось чисто номинальным, и последний считал своей метрополией, как прямо говорится в херсонесских надписях, только Гераклею Понтийскую.

Время основания Херсонеса подтверждает и археологический материал (массовые керамические находки, древнейший некрополь, конца V в. до н. э., печати, монеты, надписи).

Название колонии (Херсонес — по-гречески полуостров) не было оригинальным. По тому же географическому принципу получали свое название и другие античные города, например, Херсонес во Фракии и на Крите. Если верить Плинию Старшему, то раньше город назывался Мегарикой, что должно было указывать на связи с основателем ее метрополии — Мегарой. Во всяком случае, многие стороны жизни Херсонеса на протяжении почти всей его истории имели ярко выраженные дорийские черты. Это сказалось в языке надписей, религиозных культах, календаре.

Раскопки на Гераклейском полуострове показали, что значительную роль в жизни Херсонеса играло земледелие (на сельскохозяйственной территории — хоре). В перипле¹ Скилака IV в. до н. э. Херсонес назван торговым городом. Археологические исследования, а также надписи подтверждают развитие там ремесла и торговли, хотя в торговых связях Херсонес все же уступал Ольвии и Боспору.

На северо-западном берегу Крыма, на месте современной Евпатории, находился еще один древний город — Керкинитида. Он изучен значительно меньше, чем другие античные города, и до недавнего времени предположительно считался колонией Херсонеса. Раскопками последних лет открыты остатки архаических зданий и инвентарь VI—V вв. до н. э.: хиосские и фасосские амфоры, ионийские сосуды, светильники и терракоты. Это позволяет предположить, что Керкинитида возникла на 100 лет раньше Херсонеса, что вполне согласуется с упоминанием города с названием Керкинитида у Гекатея (VI — V вв. до н. э.) и Геродота.

¹ Перипл — описание морского путешествия вдоль берегов.

Из описания Геродота мы узнаем, что Керкинитида находилась в Скифии у впадения в море реки Гипакирис, около страны, заселенной племенами тавров. Позже и Плиний подтверждает, что от Керкинита начинается Таврика, под которой обычно понимали южную часть Крымского полуострова.

Архаическая керамика указывает на торговые связи города с Ионией и островной Грецией. В IV в. до н. э. он, видимо, попадает под власть Херсонеса. Среди керамических находок этого времени ионийский материал совершенно исчезает и сменяется в основном херсонесским, гераклейским и синопским (амфоры и черепица).

Херсонес стремился подчинить себе северо-западное побережье, доставлявшее ему хлеб, так как хора на Гераклейском полуострове была недостаточно велика. Он овладел рядом укреплений, в том числе Калос-Лименом (на месте современного поселка Черноморского). Это еще один пример так называемой внутренней колонизации.

Мы не случайно посвятили целую главу колонизации Северного Причерноморья, без которой трудно понять историю юга нашей страны.

4 Дорогой тысячелетий

В ходе античной колонизации в этом районе были основаны греческие города — очаги самой высокой для того времени государственности и культуры. Они стали поддерживать со всем античным миром торговые, политические и культурные связи. Общение греков с местным населением ускорило процесс разложения первобытно-общинных отношений в его среде; происходило взаимное влияние в различных областях жизни и деятельности; из местных и греческих элементов сложилась своеобразная культура.

Однако с приходом колонистов усилилось угнетение местных племен родовой знатью; стремясь к обогащению, она зачастую играла роль посредника в эксплуатации своих соплеменников развитыми рабовладельческими городами-государствами. На протяжении всей истории существования античных колоний Северного Причерноморья происходила борьба скифов и других племен за свою независимость.

Знакомясь с памятниками скифов, мы в основном путешествовали по степным и предгорным районам Крыма; теперь же пройдем по его побережью, ибо греки никогда не расставались с морем и строили свои города-колонии около удобных морских гаваней. По образному выражению древних, они сидели вокруг моря, как лягушки вокруг болота.

НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ

реческие города-колонии, расположенные в древности на обоих берегах Боспора Киммерийского (Керченского пролива), в V в. до н. э. входили в состав Боспорского государства. Это были Пантикапей, на месте которого стоит современная Керчь, Мирмекий (на территории поселка Войково), Тиритака и Нимфей (где сейчас поселки Аршинцево и Героевское) и ряд других. На восточной стороне пролива наиболее значительными были города Фанагория и Гермонасса (Тамань).

За последние два с половиной тысячелетия характер местности изменился. Река Кубань в древности впадала непосредственно в пролив; Таманского полуострова не существовало, на его месте находился архипелаг — группа отдельных островов; изменились и очертания Керченского полуострова. Города Тиритака и Нимфей

стояли по обе стороны большого морского залива, частью которого являлось современное Чурубашское соленое озеро. В настоящее время оно отделено от моря так называемыми плавнями и пересыпью — песчаной перемычкой, образовавшейся в результате накопления морских наносов. Заливом Черного моря было некогда и Узунларское озеро в районе горы Опук.

Изменение линии берега наблюдается и в северо-восточной части Керченского полуострова, в районе с. Сипягино, там, где находились упоминаемые Страбоном и безыменным автором города Парфений (у современного поселка Опасное) и Порфмий (между поселками Опасное и Жуковка). Название последнего означает «место для переправы». По-видимому, здесь, в самом узком месте Керченского пролива, и в древности была переправа. Тогда Порфмий, как и соседний с ним Парфений, находился на берегу большого морского залива; низкий берег, на котором расположены в настоящее время порт Крым и поселок Жуковка, был дном этого залива.

Керченский пролив служил удобным путем, соединявшим европейский Боспор с азиатским¹, как летом, так и зимой.

Благодаря выгодному географическому положению Боспорское государство было тесно связано с античной Грецией и играло заметную роль в ее экономической и политической жизни на протяжении ряда столетий. Оно было как бы связующим звеном между «варварским» населением степей северного и восточного Крыма и цивилизованным миром эллинов. Археологические раскопки позволяют раскрыть многие стороны жизни древних обитателей Боспора.

ЧЕМ И КАК ЖИЛ ДРЕВНИЙ БОСПОР

Большое значение в жизни Боспора имели рыбные богатства Керченского пролива. Страбон говорит, что улов рыбы был особенно обилен в период ледохода. По его словам, в то время там ловились осетры «величиной почти равные дельфинам». При раскопках боспорских городов постоянно в большом количестве встречаются рыбы кости и чешуя; по ним можно судить, что тогда действительно много вылавливалось осетровых, особенно севрюги (не случайно осетр изображен на многих боспорских монетах). Еще больше добывалось сельди, хамсы, султанки, тарани, бычка и камбалы; найдены в Пантикапее и кости тунца. В настоящее время его нет у берегов Крыма, а тогда, по словам Страбона, тунца вылавливали в Азовском и Черном морях.

¹ В представлении античных писателей по Боспору Киммерийскому проходила граница между Европой и Азией.

О значительном развитии рыболовства свидетельствуют также найденные в больших количествах бронзовые рыболовные крючки и каменные грузила для сетей. Распространенной пищей боспорского населения были мидии и другие моллюски, раковины которых постоянно встречаются при раскопках. О крупном масштабе рыбного промысла говорят грандиозные комплексы рыбозасолочных ванн, открытые в Тиритаке и других населенных пунктах Боспора. Соленая рыба шла не только на удовлетворение потребностей боспорского населения, но и на экспорт.

Однако основной отраслью хозяйства было земледелие. Исследование найденных хлебных зерен показывает, что особенно широко культивировались различные сорта пшеницы, а также ячмень и просо. Рожь не культивировалась, а выростала как сорняк. Иногда встречаются зерна гречихи и чечевицы. Страбон говорит об исключительном плодородии земель восточного Крыма, которые приносят урожай сам-тридцать. На некоторых монетах Боспора воспроизводился плуг.

Немалую роль играло также виноградарство и виноделие. Почти во всех боспорских городах и сельских поселениях были винодельни. Говоря о разведении винограда, Страбон отмечает, что виноградная лоза там на зиму засыпалась землей. Очевидно, на Боспоре культивировался не вьющийся, а стелющийся виноград, который лучше переносит морозы и холодные ветры. Изображение такого винограда сохранилось в росписи саркофага II в. н. э., найденного в 1902 г. Плоды боспорской виноградной лозы были, по словам Страбона, мелкими.

Немаловажное значение имело садоводство. Один из городов восточного Боспора даже носил название Кепы (что в переводе с греческого означает «сады»). О разнообразных фруктовых деревьях на Боспоре говорит Теофраст (IV в. до н. э.) в своем сочинении «О растениях»: «Смоковницы там растут в изобилии и достигают значительной вышины, а также и гранаты, если их покрывать на зиму; груш и яблонь очень много всевозможных сортов и хорошего качества, они весенние, за исключением поздних». В Мирмекии (в слое V в. до н. э.) найдены косточки алычи. Об изобилии и высоком качестве боспорских плодовых деревьев пишет также Плиний в «Естественной истории».

В древности территория Керченского полуострова не была безлесной: здесь росли дуб, вяз и ясень. Теофраст отмечает отсутствие смолистых деревьев — сосны, ели и пинии; по его словам, там не росли лавр и мирт, несмотря на попытки боспорцев разводить их для надобностей культа. Он указывает также, что боспорский лес «сыр и значительно хуже синопского, так что даже мало идет в дело, за исключением построек под открытым небом».

Следы лесов на Керченском полуострове отмечали еще путеше-

ственники XVIII — начала XIX в. Керченский археолог-энтузиаст Павел Дюбрюкс говорит, что «некогда весь Керченский полуостров был покрыт лесом, в чем убеждают нас огромные корни деревьев, попадающиеся по соседству Азовского моря...». О том же упоминает Мартин Броневский в XVI в.

Природные богатства Керченского полуострова благоприятствовали развитию ремесленного производства. Он богат хорошими строительными материалами, среди которых первое место занимают различные сорта известняков, а также мягкий, пористый ракушечник, легко поддающийся распиловке. Обилие различных глин способствовало развитию керамического производства. Было налажено изготовление изделий из местного гипса.

Обработка металлов занимала выдающееся место среди боспорских ремесел. Для изделий из металла, возможно, частично использовали и местное керченское сырье. Привозными были золото, серебро и их естественный сплав — электр.

Большую роль в экономике Боспора играли торговые связи с различными центрами Южного и Западного Причерноморья, а также Средиземноморья. Черное море служило наиболее удобным торговым путем, связывавшим Боспор с материковой и островной Грецией; Азовское соединяло его с территорией, занятой местными племенами. Одним из важнейших центров торговли с ними был Танаис.

Обильные урожаи давали возможность вывозить большое количество хлеба в Грецию. Хозяйственная и политическая обстановка, сложившаяся после Пелопоннесской войны, способствовала укреплению греко-боспорских торговых связей. Афины в это время особенно остро нуждались в боспорском хлебе. Ранее крупным поставщиком хлеба в Афины, наряду с Северным Причерноморьем, была Сицилия. Но в конце V в. до н. э., особенно после неудачной сицилийской экспедиции Алкивиада, Афины не могли больше рассчитывать на Сицилию, и с этого времени Боспор стал их единственной хлебной житницей.

Особенно тесные связи с Афинами поддерживал Нимфей. По-видимому, там проживали постоянные торговые представители Афин по экспорту и закупке хлеба.

Уже в конце VI и первой половине V в. до н. э. на Боспор в большом количестве ввозилась аттическая чернофигурная и краснофигурная керамика; в IV в. этот ввоз возрос во много раз. Не случайно позднеаттические краснофигурные сосуды IV в. вошли в литературу под именем «ваз керченского стиля»: основная масса их найдена на Боспоре.

Наивысшего экономического и культурного расцвета Боспор достиг в IV в. до н. э. Основой его экономики было, как и прежде, сельское хозяйство, преимущественно зерновое. В III в. обстановка суще-

ственно изменилась. Резко сократился экспорт боспорского хлеба в Афины, так как туда стала ввозиться египетская пшеница. Экономические затруднения, которые переживал из-за этого Боспор, послужили причиной денежного кризиса, разразившегося в первой половине III в. Прекратилась чеканка золотой и серебряной монеты, в большом количестве выпускались медные деньги, стоимость которых была, по-видимому, крайне неустойчивой, так как ее приходилось периодически подтверждать перчеканками или надчеканками. Только во второй половине III в. возобновился выпуск серебряной монеты.

Тем не менее было бы неверно говорить об экономическом упадке Боспора. Торговые сношения с античным Средиземноморьем оставались по-прежнему чрезвычайно оживленными. В III—II вв. до н. э., наиболее тесными стали связи Боспора с Синопой, Родосом и отчасти Косом. Экспорт боспорского хлеба уступил место вывозу рыбы и продуктов животноводства. Торговля с Афинами велась, хотя и в меньшем масштабе.

Расширение территории Боспора создавало благоприятные условия для роста сельского хозяйства. В V—III вв. в юго-восточной и восточной части Керченского полуострова возник ряд новых поселений. На морском побережье интенсивно развивалось виноградарство и виноделие.

В III—II вв. до н. э. боспорское виноделие приобрело промышленный характер и было рассчитано на экспорт вина, по-видимому, в Скифию. В Тиритаке открыта винодельня III—II вв. с большой, оцемментированной особым раствором из извести с примесью толченого камня-ракушечника площадкой, на которой давили виноград. Сок стекал в примыкающую к площадке прямоугольную, тоже оцемментированную, цистерну, вмещавшую до 5000 литров. Затем сок разливали в глиняные сосуды — остродонные амфоры или колоссальные, напо-

добие бочек, пифосы. В этих сосудах совершался процесс брожения, в них же хранилось готовое вино.

Значительно более сложная и усовершенствованная винодельня того времени с двумя цистернами, двумя давальными площадками и тарапаном (ложем для виноградного пресса) была открыта в 1956 г. в Мирмекии. Такая же винодельня обнаружена в загородной вилле близ Мирмекии, принадлежавшей, по-видимому, крупному рабовладельцу.

Основную массу рабов и полузависимых сельских жителей Боспора составляли местные племена — скифы на Керченском полуострове, синды и меоты в восточной части Боспора. Не исключено и использование боспорскими рабовладельцами иноземных рабов, в том числе греков, тем более, что одним из источников рабства и работорговли в Северном Причерноморье, как и в Греции, были, по-видимому, пиратские набеги. Возможно, что отдельные рабы боспорцев были выходцами из очень отдаленных стран. С этой точки зрения интересно найденное близ мыса Тузлы надгробие V в. до н. э. с надписью, называющей женское имя Индия. Очевидно, это надгробие рабыни или вольноотпущенницы, которые часто носили имена, происшедшие от географических названий. Принадлежность погребенной к рабскому сословию доказывает отсутствие в надписи имени ее отца или мужа, что было обязательным для надгробий свободных женщин.

Наиболее греческий облик сохраняли средние слои городского населения — торговцы и ремесленники. Но и в этой среде было немало представителей местных племен. Как показывают надписи на надгробиях, нередко были смешанные браки и этнически смешанные семьи. Часто в одной и той же семье муж носил греческое имя, а жена или сын — местное.

Слияние местных и греческих элементов прослеживается во всех сторонах жизни Боспорского государства.

ГОРОДА БОСПОРА

Знакомство наше с городами Боспора мы начнем с главного из них, ставшего столицей Боспорского царства, — Пантикапея. В IV—II вв. до н. э. он значительно разросся и обстроился. Вероятно, именно в это время сложился тот облик города, который запечатлел в своем известном описании Страбон: «Пантикапей представляет собою холм, со всех сторон заселенный, окружностью в 20 стадиев, с восточной стороны от него находятся гавань и доки приблизительно для тридцати кораблей, есть также и акрополь». Холм, о котором говорит Страбон, — это гора Митридат в Керчи. Именно там открыты строительные остатки раннего Пантикапея.

В 1949—1952 гг. на горе Митридат был раскопан древнейший дом конца VII — начала VI в. до н. э., принадлежавший, по-видимому, богатому купцу; в нем найдена дорогая расписная греческая керамика. Но сам дом невелик и скромен: в нем была лишь одна комната, почти квадратная в плане, площадью около 8 кв. м, с глинобитным полом и очагом. Сырцовые стены стояли на каменном фундаменте. Такая строительная техника была хорошо известна в Милете, откуда ее и перенесли на Боспор милетские переселенцы.

Археологические раскопки последних 20 лет дали много интересных сведений о раннем Пантикапее. В конце VI в. до н. э. площадь его была невелика, и он не выделялся богатством своих построек. На вершине Митридата, как бы увенчивая ее, возвышался построенный в ионийском ордере шестиколонный храм Аполлона, покровителя Милета и мореплавателей. Белые колонны храма были далеко видны с моря. Другие общественные здания стояли на вершине обнесенного стеной акрополя, на уступах склонов, а основные жилые районы занимали отлогий северный склон, защищенный от резких морских ветров выступами скал на востоке и вершиной горы с юга. Здесь обнаружены остатки 14 домов, относящихся к концу VI — началу V в. до н. э. Некоторые из них сгруппированы по сторонам небольшой улицы шириной до полутора метров и длиной до десяти. Дворовые участки ограждались каменными стенами, побеленными белой глиной. Как правило, дома были невелики (только два из них состояли из нескольких комнат); с севера и востока к ним прилегал небольшой двор. Площадь комнат колебалась от 5 до 9 кв. м.

Большинство домов ранней поры представляло собой углубленные в землю помещения с каменным цоколем, глинобитным полом и побеленными внутри сырцовыми стенами, с кровлей из привозной черепицы. В двух домах имелись небольшие пристройки типа сеней или хозяйственного помещения, а еще к одному из домов примыкала большая нежилая постройка площадью 14 кв. м, — вероятно, склад или сарай для скота. Вблизи открыты ямы для хранения зерна. Чтобы постройки не размывало водой, устраивались каменные водостоки, проходившие по дворам и улице. В домах находят обычно остатки глиняных, сильно пережженных сырцов от очага, лежащих на подочажной плите, гранитные зернотерки ладьевидной формы, амфоры и различные сосуды — от местных, сделанных вручную, до великолепно расписанных чернофигурных ваз, привезенных сюда из крупных центров Восточного Средиземноморья, из Клазомен, Самоса, Родоса и Афин. Кроме того, встречаются орудия труда, пряслица, предметы вооружения — наконечники стрел, части панцирей, украшения, простенькие сережки и бусы из стекловидной пасты. Иногда внутри дома прослеживаются ямки от столбиков, — чаверное, следы ножек столов.

Возможно, что одному хозяину принадлежало несколько построек; так, на одном участке были расположены двухкомнатный дом, мастерская ремесленника-металлиста и еще один небольшой жилой дом. Проход к мастерской был огражден от хозяйственного двора стеной, а во дворе устроен навес и сделана летняя печь — из амфоры, поставленной на горло.

Дома начала V в. до н. э. уже сложены из квадров — правильно отесанных камней. Они имели подвалы, спуск в которые осуществлялся через люки.

В другом районе города, вблизи вершины Митридата, открыт большой дом, принадлежавший человеку по имени Коя (это имя было нацарапано на глиняных сосудах). Дом Коя довольно хорошо сохранился — высота его стен достигает 2,5 м. Фундамент покоится на материковой скале, в которой для этой цели была вырублена специальная постель. Стены выложены из рваного, грубо отесанного камня и обмазаны светлой, сероватого цвета глиной. Дом довольно обширен: общая площадь его — не менее 40 м. Он состоял из трех помещений, в числе которых были кухня и склад хозяйственных припасов. Вещи, найденные в доме, не свидетельствуют о богатстве его хозяина. Скорее всего это был пантикапейский горожанин среднего достатка.

Современный дому Коя жилой дом в Тиритаке состоял из двух или трех смежных помещений, почти квадратных в плане. Крайнее западное помещение использовалось для обрядов, связанных с культом домашнего очага. В нем были найдены терракотовые статуэтки, изображающие сидящую на троне богиню.

Несколько иного типа архаический жилой дом открыт в Киммерике. Он состоял из трех или четырех самостоятельных жилых комплексов, как бы отдельных квартир, предназначенных для различных семей.

Боспорские города уже в VI в. до н. э. были ремесленными центрами. Несмотря на обильный ввоз греческой керамики, там развивалось и местное керамическое производство. Так, в Пантикапее недавно открыты остатки гончарной мастерской конца VI в., в которой изготавливалась разнообразная посуда, повторяющая основные типы ионийской расписной керамики: амфоры, ойнохой, килики и многое другое. В росписи ее применялась та же система орнаментации, что и в ионийской. Кроме сосудов, в этой мастерской изготавливались в привезенных из метрополии формах терракотовые статуэтки.

В Пантикапее открыта и мастерская металлурга второй половины VI — начала V в. до н. э. Там обнаружены обломки двух каменных форм для отливки бронзовых и свинцовых изделий, остатки меднолитной печи и глиняных тиглей, свинцовые плитки, на которых штамповали бронзовые и железные пластины для панцирей. Найдены незаточенные наконечники бронзовых стрел; их, очевидно, тоже от-

ливали в этой мастерской. Ремесленник, работавший здесь, занимался выплавкой железа (о чем говорят крупные комья шлаков) и попутно ремонтировал сосуды, части которых он скреплял свинцовой проволокой.

Во второй половине VI в. наблюдается соперничество между Афинами и Милетом в черноморской торговле. К концу VI в. ионийский импорт в Северном Причерноморье постепенно вытесняется аттическим.

Огромное количество керамических изделий найдено в Нимфее, который был, по-видимому, наиболее значительным центром западного Боспора после Пантикапея и даже чеканил свою монету. Примечательно, что на его территории найдено много архаической самосской керамики. Очевидно, в раннюю пору город вел особенно оживленную торговлю с островом Самос. Не исключена возможность, что среди его колонистов были самосцы.

Многие историки Боспора высказывают предположение, что Нимфей после понтийской экспедиции Перикла входил в Афинский морской союз. Вопрос этот остается дискуссионным, но имеется больше оснований считать, что Нимфей входил в состав Боспорского государства уже в начальный период его истории.

По-видимому, в VI в. и в первые десятилетия V в. до н. э. греческие города, основанные на берегах Боспора Киммерийского, были самостоятельными полисами. Трудно сказать что-нибудь более конкретное об их государственном строе. Но уже к 480 г. они объединились вокруг Пантикапея. Возможно, это было вызвано необходимостью противостоять многочисленным местным племенам, часть которых относилась к греческим поселенцам враждебно. Диодор Сицилийский сообщает об Археанактидах, правивших на Боспоре в течение 42 лет, с 480 по 438/37 г. Сообщение его очень лаконично, и мы не располагаем никакими другими источниками для более полного освещения характера их власти. Вероятнее всего, это были пожизненные архонты Пантикапея, власть которых признали после объединения и другие города Боспора. Археанактиды — греческий, скорее всего милетский род, может быть, ведший свое происхождение от милетца Археанакта, основателя Пантикапея.

Ближайшие подступы к Пантикапею защищал оборонительный вал со рвом, известный под именем Тиритакского. Он начинается у Тиритаки, пересекает весь Керченский полуостров, проходя в 4 км к западу от Пантикапея. На линии оборонительного вала находится так называемый Золотой курган, один из выдающихся памятников боспорской погребальной архитектуры IV в. до н. э., разрушенный в начале XIX в. Частично сохранилась только его крепида — обкладка нижней части курганной насыпи, состоящая из массивных каменных блоков неправильной формы. Тиритакский вал является, скорее все-

го, догреческим, может быть, киммерийским сооружением, заново использованным и укрепленным при Археанактидах. Тогда же был обнесен мощной стеной акрополь Пантикапея.

О внешнем облике боспорских городов того времени известно немного. Они, несомненно, были укреплены. В 1949 г. обнаружены остатки сильно разрушенной оборонительной стены Пантикапея VI в. до н. э.

В V в. до н. э. Пантикапей был уже довольно большим и богатым городом. Его украшали скульптуры из мрамора и местного известняка. Здесь, а может быть, и в других боспорских городах, очевидно, работали греческие, в частности аттические, скульпторы, которые освоили технику ваiania в местном камне. Одним из самых интересных памятников этого рода является фрагмент головы воина в коринфском шлеме, случайно найденный на горе Митридат.

Оживленным городом с удобной гаванью была Феодосия. Как торговый центр она могла стать опасным конкурентом Пантикапея, была, как и Нимфей, тесно связана экономически и культурно с Афинами. Характерно, что на феодосийских монетах конца V — начала IV в. до н. э. изображалась голова богини Афины, культ которой на Боспоре не играл значительной роли.

Вероятно, борьба Боспора за овладение Феодосией диктовалась и политическими соображениями. В Феодосии жили боспорские изгнанники, которые могли быть сторонниками свергнутых и врагами воцарившихся правителей Боспора.

Борьба царей Боспора за Феодосию была длительной и трудной. Город оказывал ожесточенное сопротивление, его поддерживала Гераклея Понтийская, метрополия Херсонеса.

О напряженности борьбы свидетельствуют и археологические памятники Феодосии: монументальное здание V в. до н. э., открытое в 1951 г. на акрополе Феодосии, было разрушено в конце V или в начале IV в., вероятно, во время военных действий. Позднее, в конце IV в., здание восстанавливалось — очевидно, когда отстраивался весь город, уже под властью боспорских правителей.

В дальнейшем торговые связи Феодосии с Афинами продолжали развиваться. В Феодосию импортировались произведения аттического художественного ремесла, образцами которых являются, например, золотые серьги, украшенные тончайшим миниатюрным изображением колесницы, запряженной четверкой лошадей, на которой видны фигурки богини победы Ники, управляющей лошадьми, и обнаженного воина со щитом — участника так называемого состязания апобатов.

Важным этапом внешней политики Боспора было подчинение ряда местных племен Северного Кавказа и Прикубанья. Первыми вошли в состав Боспорского государства синды — наиболее развитое

из местных племен. Уже в V в. у синдов, по-видимому, начала складываться государственная организация, чеканилась собственная монета.

Археологические исследования, проведенные за последнее время на территории Синдики, показали ее значительную эллинизацию — там обнаружено обилие привозной греческой керамики.

Присоединение Синдики к Боспору совершилось мирным, дипломатическим путем, так как в нем была заинтересована эллинизованная синдская знать. Один из царей Боспора Сатир I выдал свою дочь за синдского царя, носившего чисто греческое имя Гекатей. После присоединения Синдики ее правителем был назначен Горгишп, происходивший из боспорского рода Спартокидов. В его честь столица Синдики стала именоваться Горгишпией (на месте современной Анапы). Ранее она была известна под именем Синдской гавани.

В IV—III вв. до н. э. наблюдается рост городов, развитие городской жизни даже на отдаленных окраинах Боспора. Характерным примером может служить древний Китей, расположенный в юго-западной части Керченского полуострова, недалеко от Киммерика. В IV в. город был обнесен мощной оборонительной стеной для защиты от возможных набегов скифов из степной части Крыма. Расположенный недалеко от юго-западной границы Боспора Китей имел в этом смысле немаловажное стратегическое значение. Близ городской стены находились хлебные склады, о чем говорят открытые там зерновые ямы и пифосы. Хлеб вывозился в Грецию скорее всего через Киммерик или Нимфей, так как Китей не имел своей гавани.

В IV—III вв. была заново отстроена и укреплена оборонительная стена Тиритаки: толщина ее доведена до 3,4 м, сооружены башни. От древнейшей оборонительной стены частично сохранился каменный цоколь, к которому был вплотную пристроен жилой дом второй половины VI в. до н. э.

В IV в. мощной оборонительной стеной был также обнесен Мирмекий. Блестящий расцвет город переживал в III—II вв. Он был застроен обширными и богатыми домами. Обильные находки как местной, так и привозной керамики и терракотовых статуэток в эллинистических слоях Мирмекия свидетельствуют об его экономическом процветании. В это время живет, по-видимому, интенсивной жизнью и городище на Змеином мысу, находившееся в непосредственной близости от Мирмекия. Судить об этом позволяет обильный и разнообразный подъемный материал, относящийся в массе своей к III—II вв.

В III в. вокруг Порфмия была возведена мощная оборонительная стена с монументальными воротами шириной свыше 2 м, от которых к югу шла улица с черепяной вымосткой. Ее пересекала другая улица, проложенная параллельно городской стене, с домами, пристроенными к ней впритык, вымощенная каменными плитами. Подобно

большинству эллинистических городов, для Порфмия характерна строго регулярная планировка. Близость его к переправе благоприятствовала торговле и экономическому благосостоянию города. Вместе с тем он имел, очевидно, стратегическое значение военного форпоста, защищавшего подступы к Пантикапею.

Развитыми и укрепленными были и города восточного Боспора: Фанагория, Гермонасса, Кепы и Тирамба, основанные в VI в. до н. э. выходцами из Малой Азии.

Наиболее крупной после Пантикапея считалась Фанагория — столица восточной части Боспорского царства, расположенная в древности на берегу Таманского (прежде Корокондамитского) залива, на месте станицы Сенной.

Город спускался к заливу двумя террасами, наиболее старая его часть была на берегу. В настоящее время она затоплена морем, уровень которого поднялся на 4 м.

В VI в. до н. э. Фанагория была греческим городом типа понтийских полисов и являлась крупным центром посредничества торговли с городами Греции и с населением Прикубанья. На рубеже V—IV вв. она чеканила свою серебряную монету. В IV—III вв. до н. э. территория Фанагории расширилась примерно до 75 гектаров. Центральная часть города была застроена большими общественными зданиями, на площадях стояли статуи, мраморные доски с памятными надписями. Большое здание типа гимназия с прекрасно рустованными стенами открыто раскопками в западной части. В IV—III вв. до н. э. город был обнесен оборонительными стенами, остатки которых в последнее десятилетие выявлены в его восточном районе.

Вокруг Фанагории расположены обширные курганные и грунтовые некрополи. В них обнаружены великолепные образцы греческого искусства, например, мраморный акротерий аттической работы IV в. до н. э., высокохудожественные фигурные расписные вазы с изображением Афродиты, сирены и др. Из кургана Большая Близица, где похоронены представительницы местной знати, извлечены уникальные произведения древних ювелиров и живописцев. В сотнях грунтовых могил, принадлежавших рядовому населению Фанагории, найдено огромное количество предметов быта, разнообразных изделий местных ремесленников и керамика.

Культура Фанагории также была смешанной (сплав эллинических и местных элементов), но язык был греческий, религия — тоже, хотя и в ней заметно отражение местных религиозных представлений.

За последние несколько лет раскопками Майской горы вблизи Фанагории открыто святилище, устроенное на вершине грязевого вулкана между двумя кратерами. Обнаружены остатки каменных больших зданий, найдено более тысячи погрудных терракотовых изображений богини, относящихся к периоду от VI до III в. до н. э. Во II в. до н. э. святилище было разграблено и сожжено. Вероятно, фанагорийцы основали его на вулкане, так как такие условия казались им наиболее связанными с проявлением таинственных сил природы. Возможно, это святилище и есть знаменитый Апатур, посвященный Афродите Апатуре. Другое небольшое святилище Афродиты на Тамани (несколько более позднего времени) обнаружено в наше время в городе Кепы. В нем найдена мраморная статуэтка Афродиты, которую можно отнести к группе позднеэллинистических скульптур времени Венеры Милосской.

Остальные города восточного Боспора — Гермонасса, Горгиппия, Тирамба — тоже достигли своего расцвета в IV—III вв. до н. э. Они ведут энергичную торговлю, развивают свои ремесла, обстраиваются солидными зданиями.

В это время было заново укреплено и превращено в мощную крепость городище у станицы Варениковской на Кубани.

Заботы боспорцев о безопасности своего государства выразились также в сооружении внутреннего оборонительного вала со рвом на Керченском полуострове, известного под именем Киммерийского или Узунларского. Он пересекает Керченский полуостров с юга на север, от Узунларского озера у городища Киммерика до села Ново-Отрадного на Азовском море. Вал представлял собой вторую линию обороны Боспорского государства. Возможно, что, подобно Тиритакскому, он был сооружен задолго до возникновения греческих городов и Боспорского государства, может быть, еще киммерийцами. Позднее его могли восстановить и приспособить к потребностям обороны Боспора.

В IV—III вв. до н. э. на Боспоре успешно развивалось керамическое производство, несмотря на усиленный ввоз аттической краснофигурной посуды. Ввозилась преимущественно более дорогая художественная керамика, тогда как рядовая, обиходная посуда изготовлялась по большей части на месте. Развитие виноделия потребовало изготовления остродонных амфор для хранения вина. В большом количестве производилась тонкостенная красноглиняная посуда довольно высокого качества. Не исключена возможность изготовления на месте также чернолаковых и краснофигурных сосудов по греческим образцам. В конце IV и III вв., когда в Греции стала выходить из моды расписная посуда, в Северном Причерноморье, в том числе на Боспоре, производилась своеобразная разновидность расписной керамики — полихромные сосуды. Роспись наносилась водяными красками поверх черной обмазки. Довольно беглая и небрежная по выполнению, она интересна тем, что дает реалистические изображения боспорцев.

Следует особенно отметить блестящий расцвет на Боспоре торевтики — искусства художественной обработки драгоценных ме-

таллов. В IV в. до н. э. в Пантикапее и других городах жили и работали высококвалифицированные греческие мастера — тореvты и ювелиры, обслуживавшие боспорскую знать. Значительная часть их изделий вывозилась в Скифию. Проживая длительное время на Боспоре, эти мастера могли наблюдать быт местных негреческих племен, хорошо изучить их внешний облик. Это дало им возможность создать яркие реалистические образы скифов, живые сцены их быта. С великолепным мастерством выполнены всемирно известный электровый сосуд из Куль-Обы, серебряная ваза и золотой гребень, найденные в курганах Чертомлыцком и Солоха.

Мастерские тореvтов были не только в Пантикапее, но и в малых боспорских городах. В 1937 г. в Тиритакке найден бронзовый штамп III—II вв. до н. э. для производства золотых штампованных бляшек. Оттиснутые при помощи такого же штампа бляшки найдены в Танаисе и в Неаполе скифском. Продукция и пантикапейских и тиритакских тореvтов довольно широко экспортировалась.

Среди боспорских ремесел не последнее место принадлежало обработке дерева. Широко использовались деревянные детали в строительстве; из дерева изготовлялась мебель и предметы обихода, например, гребни. Искусство деревянной резьбы было тесно связано с тореvтикой — часто золотые рельефные украшения делались на деревянной основе.

В боспорских религиозных представлениях ярко отразилось сложное слияние греческих и местных элементов, характерное для всех городов Боспора. Тут были распространены культы главных греческих божеств. Чрезвычайно большим почитанием пользовались, в частности, Дионис и особенно Деметра, жрицами которой были многие знатные боспорянки. Многочисленные изображения этих божеств встречаются среди терракотовых статуэток, найденных на Боспоре.

Образом боспорских культовых сооружений VI в. до н. э. может служить открытое в Нимфее святилище Деметры. Оно расположено на берегу моря у подножия скал, причем в кладке его стен использованы естественные выходы скалы. Святилище существовало в течение ряда столетий и сохранило многочисленные следы позднейших перестроек. При раскопках в нем найдено много терракотовых статуэток VI в., которые посвящались богине.

На квадратной плите, замыкавшей уступчатый свод одного из склепов, открытого в кургане Большой Близницы на Таманском полуострове, найдено изображение головы Деметры. Этот памятник свидетельствует о знакомстве боспорских художников с современной им греческой монументальной живописью и об умении удачно сочетать живописную композицию с особенностями своеобразной боспорской архитектуры.

Памятники боспорской тореvтики, найденные в Прикубанье, от-

ражают образ местной, по-видимому, синдо-меотской богини. Она изображена на рельефе треугольной золотой пластины, найденной в кургане Карагодеуашх, в котором были похоронены индийский вождь с женой. Богиня торжественно сидит в тяжелых одеждах и высоком головном уборе во фронтальной позе. Пластина была нашита на женский высокий остроконечный головной убор. Такие головные уборы были распространены в быту знатных женщин Скифии, а также у древних народов Кавказа.

Другое изображение той же богини сохранилось на рельефе сильно поврежденного серебряного позолоченного ритона, найденного в деревне Марджаны на Кубани. Рядом с сидящей богиней изображены «древо жизни» и кол, на котором водружен череп коня, — богиня считалась покровительницей растительности и лошадей, которых приносили ей в жертву.

Возможно, что эти изображения воспроизводят культовую статуэтку богини. Они не одинаковы — есть различия в деталях костюма и внешнем ее облике. Но в обоих случаях богиня изображена торжественно сидящей в неподвижной позе. Черты условности и схематизма отличают эти памятники от произведений греческого искусства. Обращает на себя внимание характер лица богини, передающий, по-видимому, местный этнический тип.

НЕКРОПОЛИ

В боспорских погребениях V—III вв. до н. э. найден ряд богатых резных деревянных саркофагов. Для их изготовления использовалась наиболее крепкая и прочная древесина таких пород деревьев, как кипарис, кедр, кизилковое и железное дерево, самшит. На Керченском полуострове они не росли. Тис и самшит сохранились от глубокой древности до наших дней в Прикубанье; вероятно, оттуда эти сорта дерева привозились в города западного Боспора. Кедр, кипарис и тис росли на Кавказе, родиной железного дерева — очень редкого и ценного, превосходящего крепостью и прочностью самшит, — являются Закавказье и Персия.

Саркофаги украшали деревянными резными фигурками или орнаментами, прикреплявшимися к доскам при помощи деревянных же шипов. В большинстве случаев орнаменты покрывались позолотой или окрашивались в яркие цвета — красный, синий, зеленый. Нередко саркофаги украшали росписью или инкрустировали деревом другого тона, слоновой костью, янтарем, стеклом.

Как правило, боспорские деревянные саркофаги IV — III вв. до н. э. изготовлялись по общегреческим моделям, распространенным и в других районах античного мира.

Большинство ремесленников и вообще средних слоев городского

населения составляли греки. Об этом наглядно свидетельствуют некрополи горожан-пантикапейцев. Так как, по представлениям древних, умерший нуждается в загробном мире в тех же вещах, которыми он привык пользоваться при жизни, то инвентарь погребений в известной мере характеризует быт и культуру боспорцев, а также отражает социальное расслоение. Роскошные погребения боспорских царей и знати резко отличаются от значительно более простых и скромных, преимущественно земляных, гробниц рядовых горожан. В последних преобладают греческие вещи, и самый обряд погребения носит обычно греческий характер. Примером может служить гробница первой половины IV в. до н. э., открытая в 1957 г. на территории Керченского гипсового завода. Во рту умершего найдена медная монета. Это типичная черта греческого обряда, так как, по верованиям эллинов, умершие должны были платить перевозчику Харону за переправу через реку Стикс.

В том же погребении найдены сосуды для вина и масла и бронзовый скребок — стригиль, которым счищали с себя после состязаний масло вместе с приставшей к нему грязью и пылью.

Над гробницами обычно ставились стелы с надписями, сделанные из известняка, в редких случаях — из мрамора. Они имели прямоугольную форму и были или совершенно гладкими, или украшались розетками, и увенчивались растительным орнаментом — так называемым анфемием. Часто венчающая часть имела форму фронтона или карниза. На одной из таких стел с простейшим архитектурным оформлением, найденной в некрополе Мирмекия, указана профессия умершей — Пасафиликата, флейтистка.

Часто боспорские стелы IV—II вв. до н. э. украшались декоративной росписью, а иногда и живописными изображениями умерших. Так, на стеле Апфы, жены Афиней (IV в. до н. э.), мастерски изображена умершая женщина с ребенком на руках. Имя женщины — местное, а ее мужа — греческое.

Антропоморфные надгробия, схематически изображающие человеческую фигуру, связаны с древнейшими местными традициями. В то же время на многих из них имеются греческие надписи с эллинистическими и местными именами.

Погребения боспорской знати отличаются роскошью, обилием золотых вещей. Одежда покойника украшалась сотнями золотых нашивных бляшек; золотые серьги, браслеты, шейные обручи (гривны), головные уборы, драгоценное оружие составляют их обычную принадлежность. Эта роскошь, не свойственная греческому погребальному обряду, сближает их с богатыми погребениями скифских вождей и родовой знати. Подобные роскошные погребения характерны для Малой Азии, Фракии и вообще греко-варварской периферии античного мира.

Боспорскую знать, так же как скифскую и синдо-меотскую, хоронили обычно в монументальных каменных склепах под высокой курганной насыпью. Основным некрополем пантикапейской знати, членов и родственников царской семьи служили курганы, расположенные цепью на хребте Юз-Оба (Сто холмов). В курганных насыпях часто попадаются черепки битой посуды и кости животных — это следы погребальных и поминальных тризн. В основе обряда тризны лежало жертвоприношение умершему, которого считали полубогом (героем).

Своеобразна архитектура боспорских подкурганых склепов IV—III вв. до н. э. с уступчатым покрытием. Обычно погребальная камера, квадратная или прямоугольная в плане, перекрывалась несколькими рядами правильно отесанных прямоугольных каменных плит, причем каждый последующий ряд слегка нависал над предыдущим. Таким последовательным напуском плит создавалось подобие свода или купола, который замыкался обычно одной четырехугольной плитой. К склепу вел длинный коридор — дромос, также перекрытый «ложным» уступчатым сводом. Таковы многие погребальные камеры Юз-Обы, склепы в Куль-Обском и Мелек-Чесменском курганах. Этот тип склепа часто встречается и в курганах восточного Боспора.

Уступчатое покрытие удачно разрешало техническую задачу — удерживать массивную земляную насыпь кургана. По-видимому, прототипами боспорских склепов были доскифские погребальные сооружения Прикубанья и Приднепровья, в которых можно проследить основные элементы примитивного уступчатого покрытия. В архитектуре Греции IV—III вв. до н. э. подобные сооружения не известны. Встречаются склепы с уступчатыми покрытиями во Фракии, Малой Азии и Этрурии, там, где сохранились курганные погребения.

Выдающимся памятником боспорской погребальной архитектуры IV в. до н. э. является так называемый Царский курган на северо-

востоке от Керчи, выделяющийся грандиозностью своих масштабов. По архитектуре он несколько отличается от Мелек-Чесменского и курганов Юз-Обы. Уступчатое покрытие склепа имеет форму круглого купола. Склеп квадратный в плане, и переход от прямоугольника к кругу решен оригинально и удачно: верхняя часть углов камеры закруглена путем постепенного напуска небольших плит. Уступчатому покрытию грандиозного (36 м длины) дромоса придана стрельчатая форма. Этот своеобразный памятник напоминает знаменитую сокровищницу Атрея в Микенах и не находит никаких аналогий в архитектуре классической Греции. В то же время он не мог быть создан без широкого знакомства боспорских архитекторов со строительной практикой античного мира.

ЦАРИ БОСПОРА

По свидетельству историка Диодора Сицилийского, в 438/37 г. до н. э. на смену Археанактидам пришла новая династия Спартокидов. Краткое сообщение Диодора не дает ответа на вопросы, живейшим образом интересующие исследователей: о причинах и характере смены правящей династии (насильственном или мирном), а также об этническом происхождении Спартока I — основателя новой династии. Все попытки решить эти вопросы носят характер предположений и выявляют значительные разногласия среди историков Боспора.

Имена некоторых представителей династии Спартокидов, например, Спарток, Перисад, Комосария и другие, — фракийские. В связи с этим неоднократно высказывалось предположение о фракийском происхождении этой династии. В последнее время выдвигались и другие гипотезы; об ее синдо-меотском и греческом происхождении.

Как бы ни решался этот вопрос, нет сомнений в том, что, в противоположность чисто греческому роду Археанактидов, Спартокиды были плотью от плоти местного, этнически смешанного общества, выразителями интересов местной землевладельческой и рабовладельческой знати — греко-скифской в западной части Боспора и греко-меотской — в восточной.

Боспорское общество отличалось значительно большей этнической смешанностью, чем Херсонес и Ольвия, сохранявшие в довольно чистой форме строй греческого рабовладельческого полиса, полными гражданами которого были преимущественно греки. Выходцам из местных племен доступ в ряды правящей верхушки был закрыт. На Боспоре наблюдается иная картина. Местная племенная знать, тесно связанная общностью экономических интересов с рабовладельческой верхушкой греческих городов, постепенно слилась с

ней. Представителями такой эллинизированной местной знати и были Спартокиды. Эллинизация выразилась, в частности, в том, что наряду с фракийскими именами, как Спарток или Перисад, многие из них носили чисто греческие имена — Сатир, Левкон, Притан, Евмел.

При Спартокидах в конце V—IV вв. до н. э. особенно упрочились связи Боспора с Афинами. Смена правящей династии на Боспоре совпала по времени с событием, сыгравшим значительную роль в укреплении этих связей, — экспедицией на Черное море, предпринятой Периклом. Рассказывая о понтийской экспедиции, биограф Перикла Плутарх довольно подробно описывает его деятельность на малоазийском побережье Черного моря, но не сообщает о том, дошли ли его корабли до Северного Причерноморья. По-видимому, нет, да такая задача и не ставилась. Очевидно, главной целью экспедиции было установление господства Афин над черноморскими проливами — важными торговыми путями, обеспечивавшими главенствующее положение Афин во всей торговле на Черном море. Поэтому понтийская экспедиция Перикла имела немаловажное значение для Боспора и способствовала укреплению его торговых связей с Афинами. Не исключено, что и приход к власти Спартокидов был связан с этим событием. Спартокиды предоставили аттическим купцам право беспошлинного вывоза боспорского хлеба. Вероятно, и боспорские купцы пользовались такой же привилегией в Афинах. В награду за регулярное снабжение Афин хлебом некоторые из Спартокидов были удостоены афинского почетного гражданства или награды в виде золотого венка.

В Пирее найден декрет 346 г. до н. э. в честь Левкона и его сыновей — Спартока, Перисада и Аполлония, служивший одновременно торговым договором. Плита, на которой высечен декрет, увенчана рельефом, изображающим всех трех сыновей Левкона. Они изображены на греческий лад — полуобнаженными, в плащах, окутывающих ноги. Декрет восхваляет Спартока и Перисада за то, что они изъявили готовность заботиться о снабжении Афин хлебом, как это делали их предшественники — Сатир и Левкон, и согласились сохранить ранее установленные торговые привилегии афинян. В благодарность за это афиняне, со своей стороны, решили предоставить им те же привилегии, которыми ранее пользовались Сатир и Левкон.

Очевидно, Спартокиды сосредоточивали в своих руках значительную часть хлебного экспорта, но отдельные представители боспорской знати также занимались торговлей хлебом. Так, в одной из речей оратора Исократ упоминается знатный боспорец Сопей, по-видимому синд, приближенный царя Сатира, который, вывозя хлеб в Афины, послал туда своего сына по делам, связанным с хлебной торговлей.

Имеются сведения о том, что земля находилась в полномасштабном распоряжении Спартокидов: они раздавали земельные участки своим приближенным и лицам, которых хотели наградить за какие-либо заслуги перед государством.

При первых Спартокидах проводилось планомерное расширение территории Боспора. Преемник Спартока I Сатир I (433/32 — 389/88 гг. до н. э.) начал борьбу за подчинение Пантикапею Феодосии, чтобы овладеть всем Керченским полуостровом и довести государственную границу до самой узкой его части; это было важно по стратегическим соображениям.

Сатир I умер во время войны с Феодосией, не дождавшись победы. Это удалось только его преемнику Левкону I в начале IV в. По свидетельству Демосфена, он расширил феодосийскую гавань и пристроил к ней новые сооружения. Под властью Спартокидов Феодосия оставалась крупным торговым центром. Возможно, ей удалось сохранить некоторую автономию по сравнению с другими боспорскими городами.

После завоевания Феодосии Левкон I принял титул архонта Боспора и Феодосии.

Спартокидам вскоре удалось подчинить и ряд северокавказских и прикубанских племен. Некоторые из них оказывали серьезное вооруженное сопротивление. В одной из надписей Перисада I не упомянуто племя псессов, которые были покорены его предшественником Левконом I, но впоследствии, по-видимому, вновь стали независимыми.

После включения в состав Боспорского государства отдельные племена сохраняли свой традиционный общественный строй, племенных вождей и войско. Но при этом они должны были признавать верховную власть боспорских правителей и выплачивать им определенную дань. Боспорские купцы пользовались на их территории полной свободой в своей коммерческой деятельности.

Спартокиды называли себя царями этих племен. Левкон I со временем принял более сложный титул: архонт Боспора и Феодосии, царь синдов, торетов, дандариев и псессов. Впоследствии в титулах его преемников эти племена стали называться общим именем меотов. Иногда упоминаются племена фатеев и досхов. Это дает наглядное представление о большой этнической пестроте населения Боспорского государства.

Республиканский титул архонтов, который по греческой традиции носили Спартокиды, был чистой формальностью. Их власть была по существу монархической. Греческие ораторы и писатели обычно называли Спартокидов тиранами, династами, а то и просто царями. Имеются сведения об обожествлении Перисада I (349/48—310/09 гг.). Этот факт, как и многоплеменный характер Боспорского

государства и связанная с ним двойственная титулатура Спартокидов, позволяют сблизить Боспор с позднейшими эллинистическими монархиями.

Может быть, города Боспора и пользовались каким-то крайне ограниченным самоуправлением, но они, несомненно, признавали верховную власть Спартокидов. Основной социальной опорой династии были греческие землевладельцы и купцы, а также эллинизированная родовая знать местных племен.

К сожалению, почти ничего не известно о классовой борьбе на Боспоре. Только отдельные глухие и неясные сообщения древних авторов о заговорах и попытках дворцовых переворотов проливают кое-какой свет на социальные противоречия в боспорском обществе. Так, Полиен рассказывает, что, когда Левкон I узнал об организованном против него заговоре, он тотчас же обратился к купцам с просьбой о денежной помощи. Купцы охотно предоставили ему заем на расходы по ликвидации заговора, а затем сами с оружием в руках помогли царю расправиться с заговорщиками.

К концу IV в. до н. э. относится драматический эпизод истории Боспора — борьба за престол между сыновьями Перисада I.

Младший сын Евмел восстал против старшего, законного наследника Сатира II, опираясь на прикубанское племя фатеев, которое поднялось против Сатира во главе со своим племенным вождем Ариффарном. Сатир II двинул против восставших войско. Кроме регулярной боспорской армии, состоявшей из греческих и фракийских наемников, он использовал помощь союзников — скифов, численно значительно превосходивших боспорское войско. Таким образом, решающей силой в войне между братьями оказались местные племена.

В 310/09 г. произошла битва при реке Фате (по-видимому, один из притоков Кубани), которую описал Диодор. Форсировав реку, Сатир II «окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта, затем выстроил войско и сам, по скифскому обычаю, стал в центре боевого строя...» Окруженный отборными воинами, Сатир II завязал конную стычку со свитой Ариффарна, стоявшего против него в центре боевого строя, и после значительных потерь с той и с другой стороны принудил, наконец, варварского царя обратиться в бегство. Сначала Сатир бросился его преследовать, убивая всех попадавшихся на пути, но немного спустя, узнав, что Евмел одолевает на правом фланге, он прекратил преследование, поспешил на помощь своим наемникам и разбил все неприятельское войско, «так что для всех стало ясно, что и по старшинству происхождения и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть».

Потерпевшие поражение фатеи бежали в свою крепость, находившуюся в труднодоступной лесистой и болотистой местности, в

излучине реки. Подходы к крепости со стороны болота были защищены деревянными палисадами. С другой стороны она была укреплена мощной стеной с высокими башнями. С этих укреплений фатей выпускали тучи стрел на войско Сатира, уже понесшее значительный урон по пути к крепости. Во время ее осады Сатир II был смертельно ранен. Борьба продолжалась после его смерти; ее возглавил второй брат Притан, законный преемник Сатира по старшинству. Евмел предлагал ему разделить власть с тем, чтобы Притан сохранил за собой управление западным Боспором, а Евмел восточным. Но Притан отклонил это предложение и продолжал борьбу, в которой потерпел поражение. Он бежал в город Кефы и был там убит. Евмел учинил жестокую расправу над членами семей и приверженцами своих братьев — почти все они погибли.

По-видимому, эта ожесточенная борьба за престол отражала и какие-то более глубокие внутренние противоречия и столкновение интересов различных групп боспорского общества. Характерно, что Евмел, добившись царской власти, стремился «успокоить» граждан Пантикапея. Он созвал Народное собрание и выступил с речью, в которой обещал сохранить традиционный образ правления. Кроме того, он подтвердил право на беспошлинную торговлю для пантикапейских купцов. Интересно также, что он обещал освободить население от подати, очевидно, с целью смягчить его недовольство.

Рассказ Диодора интересен, в частности, и тем, что это единственное упоминание о Народном собрании на Боспоре. По-видимому, действительно, созыв Народного собрания был случайным эпизодом. Создается также впечатление, что роль его была пассивной.

Евмел присоединил к Боспорскому государству ряд новых территорий, занятых местными племенами. Диодор говорит даже о его намерении подчинить себе все причерноморские племена и прибавляет, что только преждевременная смерть помешала ему осуществить этот грандиозный план. Особенно прославился Евмел своей борьбой с теми племенами, которые регулярно занимались пиратством. Ему удалось почти полностью очистить от пиратов Черное море, что создало благоприятные условия для торговли и судоходства. Евмел стал популярной фигурой в торговых кругах не только Боспора, но также и всего Причерноморья и Средиземноморья.

Насколько можно судить по косвенным данным, в III—II вв. до н. э. значительно осложнилась политическая обстановка на Боспоре: по-видимому, обострились и социальные противоречия.

Правившие в начале III в. Спарток III и Перисад II отбросили утративший реальный смысл титул архонта и именовали себя уже просто царями. Но в то же время были, вероятно, какие-то общественные силы, которые сопротивлялись этому. В конце III в. у власти находился, очевидно в течение короткого времени, правитель по име-

ни Гигиэнонт, о котором мы знаем только по монетам с его изображением, именем и титулом, а также по черепичным клеймам. Интересно, что он называет себя просто архонтом, без царского титула (неясно, принадлежал ли он к династии Спартокидов, неизвестно, при каких обстоятельствах пришел к власти).

Однако в целом власть правителей Боспора приобрела открыто монархический характер. С III в. до н. э. Боспорское государство стало царством в собственном смысле этого слова.

СТОЛИЦА СПАРТОКИДОВ

Во времена Спартокидов сложился характерный для Пантикапея принцип планировки: городские кварталы располагались по склонам Митридата террасами, примыкавшими друг к другу и имевшими подпорные стены. Видимо, поэтому Страбон и подчеркивает в своем описании, что холм заселен со всех сторон. Центр пантикапейского акрополя был на месте так называемого первого кресла Митридата (нагромождения больших камней — естественных выходов скал со следами древних вырубков).

О богатстве зданий акрополя можно составить представление по найденным на его территории архитектурным деталям из мрамора и местного известняка.

При раскопках 1948 г. удалось обнаружить монументальное основание оборонительных сооружений акрополя IV—III вв. до н. э. Это естественная скала, обработанная наподобие отвесной стены, лицевая сторона которой обращена в сторону городских кварталов, лежащих ниже по склону акрополя. На скале видны следы подтесок для кладки. Такой прием использования скалы в качестве основания для кладки встречается и в других боспорских городах — Киммерике, Феодосии.

Территория Пантикапея не ограничивалась склонами горы Митридат. Упоминаемая Страбоном гавань находилась на месте современного Керченского порта. Ранее были заметны остатки древнего мола, который, очевидно, и защищал гавань Пантикапея. Близ гавани недалеко от места, где стоит средневековая церковь Иоанна Предтечи, находилась площадь (агора) — самая оживленная часть города. В этом месте обнаружено много древних надписей и пьедесталов от статуй.

У подножия горы Митридат с южной стороны находился храм Диониса. В 1865 г. при земляных работах там была найдена мраморная статуя Диониса IV в. до н. э. превосходной греческой работы. Несколько выше этого места, на юго-восточном склоне Митридата, находился, по-видимому, театр, хотя предпринятая В. В. Шкорпилом в 1910 г. попытка открыть его не увенчалась успехом.

За последние три года на северном склоне горы Митридат, немного ниже квартала архаических домов, открыт интереснейший архитектурный комплекс II в. до н. э., очевидно, здание городских властей Пантикапея, так называемый пританей. Подобные здания обнаружены также в Приене и Ольвии. Центром пританей был большой вымощенный прямоугольными плитами двор, обнесенный с двух сторон доорической колоннадой: с южной стороны — шестью, а с западной, вероятно, тремя колоннами.

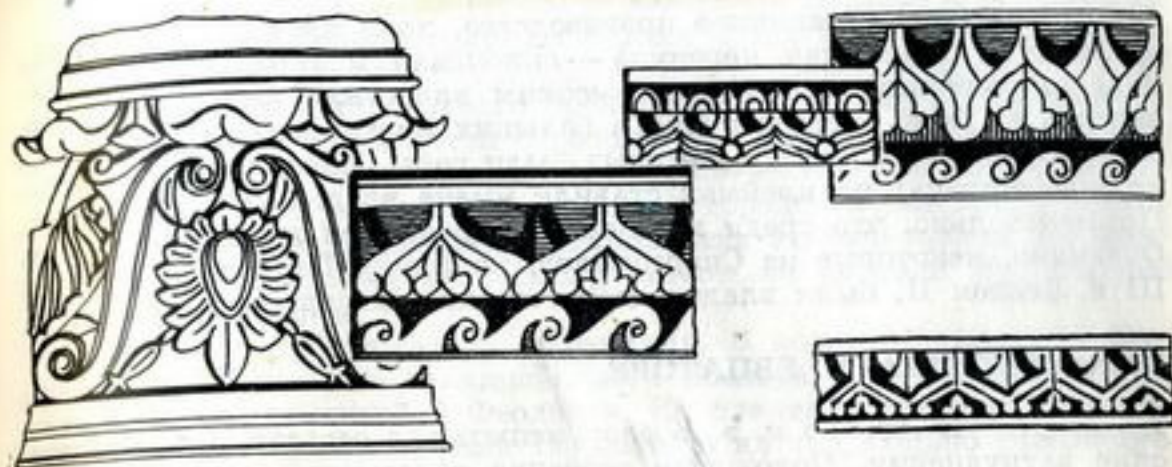
Портик был расписан; синей краской подчеркивались вертикали тригглифного фриза, красной усиливались горизонтали карниза крыши и полочки, окаймляющей рельефный пояс. Белые метопы и канеллированные колонны ярко выделялись среди окрашенных частей. Скульптурные головки львов оформляли водостоки. Вход в здание был с запада; с севера двор ограждала невысокая стена, что позволяло видеть его колоннаду. Вероятно, в центре двора стоял алтарь Диониса; обломок его, украшенный рельефными гирляндами и головой козла, найден при раскопках.

За колоннадой с южной стороны здания находилась парадная комната с мозаичным полом из кусков белого и зеленого мрамора, с расписными стенами; в ней горел на очаге огонь и стояла скамья на мраморных ножках. В этой комнате, вероятно, устраивались приемы иноземных послов. Сбоку находилась комната типа греческой бани (терм); пол ее был покрыт розовой цемянкой, а в пороге устроен водосток, отводящий отсюда воду в цистерну центрального двора. С восточной стороны к этим помещениям примыкал хозяйственный двор с большой печью.

Две другие комнаты в юго-западной части, тоже украшенные расписной штукатуркой, со своеобразными мозаичными полами, предназначались для пиров. При раскопках здесь обнаружено множество однотипных сосудов, крупных чернолаковых блюд диаметром в 50—60 см, рыбных блюд и небольших чаш для вина. Под полом проходили каменные водостоки; внутри них оказалось много мелких костей рыб, смытых туда потоками воды.

Пантикапейский пританей представляет собой замечательный памятник истории и архитектуры Северного Причерноморья эллинистической поры. Гибель его от пожара в конце II в. до н. э., вероятно, связана с бурными событиями того времени: восстанием Савмака и подавлением этого восстания Диофантом. Благодаря хорошей сохранности остатков пританей удалось частично воссоздать его облик.

Жилые кварталы Пантикапея занимали преимущественно северо-восточный склон горы Митридат (от нынешней Госпитальной улицы до моря). Первая попытка систематического исследования их была предпринята в 90-х годах XIX в. К. Е. Думбергом. Им было от-

крыто, в частности, большое общественное здание времени Спартокидов.

Постепенный рост города ясно прослеживается на северном склоне Митридата. На отдельных участках строительные остатки времени Спартокидов перекрывают древнейший некрополь VI в. до н. э.

Как и в предшествующий период, постройки в Пантикапее и других боспорских городах возводились преимущественно из местных известняков, общественные здания отделялись мрамором. По тонкости, изяществу и оригинальности отделки некоторые архитектурные детали из местного камня не уступали мраморным. Характерным примером могут служить найденные К. Е. Думбергом на горе Митридат капители из крепкого известняка, украшенные тонко выполненным растительным орнаментом. На них сохранились следы многоцветной и яркой раскраски, применявшейся в архитектуре Пантикапея. Дома обычно имели водостоки в виде маски льва, из раскрытой пасти которого вытекала вода. Стены внутренних помещений штукатурились и покрывались декоративной росписью.

Немаловажную роль играла в Пантикапее декоративная скульптура, образцом которой может служить рельеф из известняка с изображением мифического чудовища — грифона, по-видимому, служившего гербом города. Грифон часто изображался и на боспорских монетах. Здания крыли черепицей, обычно глиняной, а в самых грандиозных и богатых постройках применялась мраморная черепица. Крыши были, как правило, двускатные, в самых маленьких и скромных домах иногда делались односкатные. По краю крыши шел ряд антефиксов (щитков, предохранявших от проникновения влаги под кровлю). Интересны найденные в Пантикапее антефиксы с изображением головы Деметры и Медузы.

В IV—III вв. до н. э. на Боспоре развилось в широких масшта-

бах собственное черепичное производство, хотя продолжала использоваться и привозная черепица — синопская и гераклеяская. Боспорская черепица отличалась высоким качеством выделки. Производство ее было сосредоточено в больших мастерских (эргастериях), основной рабочей силой в которых были рабы. Черепица, как правило, клеймилась: на клеймах ставили имена владельцев мастерских. Примечательно, что среди них часто встречаются и царские имена. Очевидно, некоторые из Спартокидов, например Перисад I, Спарток III и Левкон II, были владельцами черепичных эргастериев.

ПРИ МИТРИДАТЕ ЕВПАТОРЕ

В III—II вв. до н. э. Боспор испытывал серьезные экономические затруднения. Положение особенно обострилось к концу II в. Это объясняется как внутренними причинами, так и усилившемся натиском местных и пришлых племен, в частности сарматов, вторгшихся в это время в степную часть Крыма. Серьезную опасность для Боспора представляло также скифское государство. Страбон говорит о дани, которую Боспор должен был платить варварам, причем именно в рассматриваемое время размер дани значительно возрос.

По словам Страбона, непосильная тяжесть этих взносов вынудила в конце II в. царя Перисада V отказаться от власти. Он передал ее понтийскому царю Митридату VI Евпатору. В это время правящие круги Херсонеса, которому также угрожала опасность со стороны скифов, обратились к Митридату за помощью. После успешных военных действий против скифов полководец Митридата Диофант, как можно заключить из текста херсонесского декрета в его честь, сначала отправился на Боспор с дипломатической миссией — для предварительных переговоров с Перисадом об его отречении. Окончательно решил этот вопрос через год, во время второй военной экспедиции Диофанта. По-видимому, именно так следует понимать слова декрета о том, что после второй кампании против скифов Диофант отправился на Боспор и «устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора».

Вряд ли можно объяснить отречение Перисада только увеличившейся данью, о которой говорит Страбон. Несомненно, большую роль сыграла вся сложившаяся внешняя обстановка — натиск окружающих племен и, прежде всего, непосредственная угроза со стороны скифского государства, особенно опасная перед лицом внутренних социальных противоречий, которые не могли не обостриться в связи с экономическими затруднениями. Так как основную массу эксплуатируемых на Боспоре составляли скифы, то усиление скифского государства могло пробудить у них надежду на освобождение.

Отречение Перисада и передача власти на Боспоре чужеземному правителю послужили непосредственным поводом к открытому революционному выступлению эксплуатируемых масс, давно уже находившихся в состоянии глухого брожения. В херсонесском декрете в честь Диофанта упоминается о восстании скифов под предводительством Савмака. Судя по размаху восстания, можно предполагать, что в нем принимали участие широкие слои городской бедноты и рабы¹. Восставшие убили Перисада и организовали заговор против Диофанта, которому пришлось спасаться бегством на корабле, присланном за ним херсонессцами.

Восстание продолжалось около года. В короткий срок оно распространилось по всей западной части Боспора. В руках повстанцев находились Пантикапей и Феодосия. Но племена Северного Кавказа и Прикубанья не поддержали Савмака, и на территорию восточного Боспора восстание не распространилось.

По-видимому, Савмак, подобно Евну, вождю первого сицилийского восстания, был провозглашен царем. Однако с помощью понтийской армии и флота Диофант через несколько месяцев отвоевал у Савмака и его сторонников Пантикапей и Феодосию. После этого он жестоко наказал виновников восстания, а Савмака отправил к Митридату в Синопу, где он был, по всей вероятности, казнен.

После подавления восстания Боспор, а с ним и значительная часть Крыма были включены в состав Понтийского царства, превратившегося под властью Митридата в одно из самых больших и могущественных многоплеменных эллинистических государств.

Митридат был последним крупным соперником Рима, объединившим под своими знаменами все антиримские силы эллинистического мира. Он принадлежал к числу наиболее ярких личностей и выдающихся политических деятелей своего времени. Человек кипучей энергии, большой физической силы и разносторонней одаренности, Митридат знал 22 языка, что давало ему возможность объясняться без переводчиков со своими подданными, принадлежавшими к различным племенам и народностям. Не имея систематического образования, он интересовался наукой и искусством, хотя в то же время не чужд был суеверия, а также вероломства и жестокости, свойственных большинству эллинистических монархов.

Борьба Митридата с Римом была длительной и напряженной; опасным противником царя делали не столько полководческие таланты, как умение ловко маневрировать в обстановке напряженной классовой борьбы, использовать враждебные Риму элементы и в нужный момент выдвигать демагогические лозунги.

¹ До недавнего времени это восстание безоговорочно называли рабским, основываясь на одном спорном месте декрета в честь Диофанта.

В начале первой войны с Римом (89—85 гг. до н. э.) Митридат одержал ряд блестящих побед в Малой Азии, где его встречали как освободителя от римского гнета. Но затем римская армия под предводительством Суллы нанесла ему серьезное поражение, причем римляне, в свою очередь, использовали классовую борьбу в городах Греции и Малой Азии. Пытаясь привлечь на свою сторону эксплуатируемые массы, Митридат прибег к освобождению рабов и провозгласил обычный для всех демократических движений античного мира лозунг освобождения от долговых обязательств. Это оттолкнуло от него правящую рабовладельческую верхушку и усилило проримские настроения в ее среде.

Недовольство Митридатом назревало постепенно и на Боспоре. Затянувшиеся военные действия нарушили установившиеся торговые связи, что подрывало экономику Боспора. Изыскивая необходимые для продолжения войны средства, Митридат облагал своих боспорских подданных новыми повинностями, гнет которых стал в конце концов невыносимым.

Окончательную победу над Митридатом Рим одержал в третьей войне (74—63 гг.). Основная территория Понтийского царства была захвачена римскими войсками; в 70 г. взята его столица Синопа. Поражению Митридата способствовало наличие в понтийских городах, в том числе и в Синопе, довольно значительной проримской партии. Серьезную поддержку римлянам оказал сын Митридата Махар, правивший Боспором в отсутствие отца. Махар изменил Митридату в трудный для него момент. Он предоставил полководцу Лукуллу, осаждавшему Синопу, продовольствие, заготовленное для ее жителей, и население оказалось под угрозой голодной блокады. Митридат бежал в Армению, рассчитывая на поддержку своего союзника, царя Тиграна, но тот отказался принять его и сам капитулировал перед римлянами. Митридат был вынужден бежать в Колхиду, а оттуда — на Боспор. Римляне подвергли Боспор морской блокаде. Тем не менее Митридат составил грандиозный план похода на Рим через придунайские земли и Альпы. В этом плане Боспор должен был играть роль продовольственной базы и поставщика людской силы. Особенно большие надежды Митридат возлагал на местные племена, в частности на скифов и тавров, которые были его союзниками. Он стремился опираться на вождей местных племен и с этой целью даже вступал с некоторыми из них в родственные связи, выдавая замуж своих многочисленных дочерей. Среди его полководцев выделялся правитель племени дандариев Олфак.

Чтобы увеличить численный состав своей армии, Митридат вербовал в нее рабов, а это не могло не оттолкнуть от него боспорскую рабовладельческую знать. Не в ее интересах было и сближение Митридата с вождями местных племен: ведь в свое время понтийский

царь был призван в Северное Причерноморье как защитник греческих государств от варваров.

Приготовления к большой войне против Рима принесли много экономических тягот самым широким слоям боспорского населения. Вот что пишет об этом времени историк II в. н. э. Аппиан: «Вместе с этим он спешно стал собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетив (из их жил), и на всех наложил налоги, даже на самых маломощных. Его служители по сбору налогов чинили многим обиды без ведома Митридата». Подобные меры вызвали экономический упадок боспорских городов. Были разрушены многие богатые дома в Пантикапее и на месте некоторых из них устроены винодельни. Это говорит об известной натурализации хозяйства — нарушении нормальных торговых связей в условиях военного времени заставило увеличить производство вина и других продуктов, часть которых ранее ввозилась из Греции.

Сильно разрушена была вторая столица Боспора — Фанагория, еще более значительный ущерб потерпели Кепы. Ощутим был упадок малых городов. В начале I в. до н. э. прекратилась жизнь Порфмия и многих сельских поселений Боспора, процветавших в IV—III вв. Значительно сократилась территория Мирмекия, и он утратил свой прежний городской характер.

Археологические исследования, проведенные в северо-западной части Таманского полуострова, открыли новую интересную страницу жизни этого края, связанную с военной обстановкой эпохи Митридата VI. Выяснилось, что вся эта территория в I в. до н. э. была превращена в сильно укрепленный район. На всех значительных городищах имеются холмы с остатками крепостей прямоугольной формы, построенных из сырцовых кирпичей и окруженных рвами. Таких крепостей, расположенных одна от другой на расстоянии от двух до десяти километров, открыто восемь. Высота стен некоторых из них до сих пор достигает 4,5 м; четко прослеживаются помещения внутри двухэтажных башен. Сохранность их так хороша, что до недавнего времени местные жители относили их к XVIII в. (ко времени Суворова). Вблизи крепостей устраивались поселения, в которых найдены остатки виноделен, пифосов, жерновов.

Сооружение крепостей, вероятнее всего, следует связывать с последним периодом власти Митридата VI, когда он готовился к войне с Римом и стремился укрепить свой тыл от возможных нападений со стороны враждебных племен.

В I в. н. э. крепости погибли; во многих из них обнаружены следы огромных пожаров. По мнению археолога Н. И. Сокольского, гибель крепостей связана с войной между сыновьями Аспурга Котисом и Митридатом VIII в 44—45 гг. н. э.

Археологический материал дает выразительную картину хозяйственной разрухи и показывает, что недовольство Митридатом охватило широкие круги городского и сельского населения Боспора. Нужно прибавить к этому, что и армия Митридата относилась без всякого энтузиазма к планам его похода на Рим. «Его войско колебалось вследствие, главным образом, самой грандиозности этого предприя-

тия, — говорит Аппиан. — Не хотелось им также отправляться в столь длительное путешествие в чужую землю и против людей, которых они не могли победить даже на своей земле».

Судьбу Митридата решило восстание, начавшееся в Фанагории и быстро перекинувшееся в Нимфей и Феодосию. По свидетельству римского писателя Аппиана, к восстанию присоединился и Херсонес. Сын Митридата Фарнак поднял мятеж в армии, используя ее недовольство военными планами отца. Солдаты провозгласили Фарнака царем. Митридат находился в это время в своем дворце в Пантикапее, на вершине горы, откуда он мог наблюдать за происходящим. Видя безвыходность положения, он решил покончить с собой. Аппиан так описывает его последние минуты: «Сам Митридат, открыв тот яд, который он всегда носил с собой в мече, стал его смешивать. Тогда две его дочери, Митридатис и Нисса, сосватанные одна за египетского царя, другая за царя Кипра, заявили, что они раньше выпьют яд; они настойчиво этого требовали и мешали ему пить, пока не получили и не выпили сами. Яд тотчас же подействовал на них, на Митридата же, хотя он нарочно усиленно ходил взад и вперед, яд не действовал вследствие привычки и постоянного употребления противоядий, которыми он всегда пользовался как защитой от отравлений; они и сейчас называются «митридатовым средством». Увидав некоего Битоита, начальника галлов, Митридат сказал: «Большую поддержку и помощь твоя рука оказывала мне в делах войны, но самая большая мне будет помощь, если ты теперь прикончишь мою жизнь; ведь мне грозит быть проведенным в торжественном шествии триумфа, мне, бывшему столь долгое время самодержавным царем этой страны, а я не могу умереть от яда вследствие глупых моих предохранительных мер при помощи других ядов. Самого же страшного и столь обычного в жизни царей яда — неверности войска, детей и друзей — я не предвидел...» Почувствовав жалость к царю, Битоит выполнил его просьбу. Римляне торжественно отпраздновали смерть своего опаснейшего врага.

ПРЕЕМНИКИ МИТРИДАТА

После смерти Митридата (63 г. до н. э.) царем Боспора стал Фарнак, получивший свою власть из рук римлян вместе с почетным титулом их «друга и союзника». Однако Фарнак, стремившийся восстановить под своей властью все прежнее царство Митридата, вступил за него в борьбу с Римом, в которой потерпел решительное поражение. Во время этой войны власть на Боспоре захватил Асандр, может быть, отдаленный потомок Спартокидов.

Обстановка осложнилась прямым вмешательством Рима. После смерти Фарнака победивший его Юлий Цезарь выдвинул на

боспорский престол своего ставленника — Митридата VII Пергамского, побочного сына Митридата Евпатора. Но предпринятый Митридатом Пергамским поход против Асандра оказался неудачным, а сам он был убит. Чтобы укрепить свою власть и придать ей законный характер, шестидесятилетний Асандр вступил в брак с Динамией, дочерью Фарнака и внучкой Митридата Евпатора.

В правление Асандра Боспор несколько оправился от перенесенной разрухи. Асандру приписывают сооружение третьего оборонительного вала на Керченском полуострове, хотя вопрос о его местонахождении остается пока невыясненным. В Пантикапее был построен храм Афродиты Навархиды (Судоначальницы), по-видимому, в память о какой-то морской победе, может быть, над пиратами. О победах Асандра на море свидетельствует также изображение на монетах Ники, стоящей на носу корабля.

Раскопки последних лет показали, что сильное разрушение Пантикапея было вызвано и землетрясением 63 г. до н. э. Поэтому в годы правления преемников Митридата VI проводились большие восстановительные работы: в городе отстраивались дома, сооружались искусственные террасы, укреплявшиеся подпорными стенами.

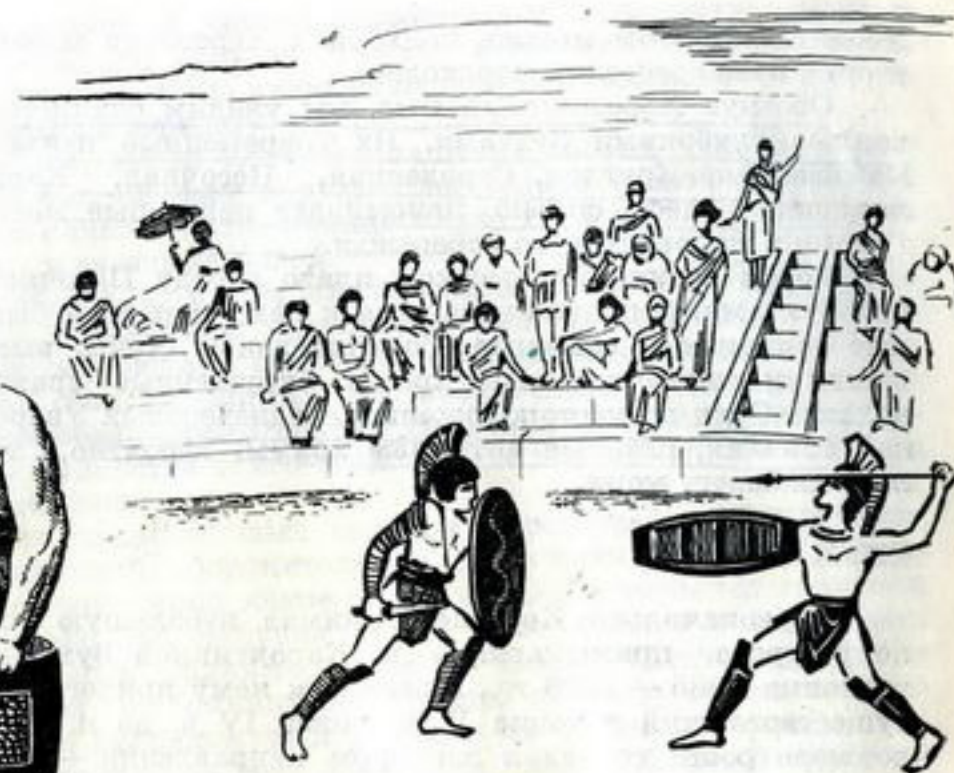
После смерти Асандра некоторое время самостоятельно правила Динамия. Внутреннее положение Боспора при Асандре и Динамии продолжало оставаться напряженным, и борьба за престол далеко еще не окончилась. В качестве очередного претендента выступил авантюрист Скрибоний. Он выдавал себя за внука Митридата Евпатора и одновременно ссылался на римского императора Августа, якобы поручившего ему управление Боспором. Но, по-видимому, Скрибонию не удалось завоевать себе на Боспоре популярность, которой в известной степени пользовалась династия Митридата. Чтобы удержать власть, Скрибонию пришлось вступить в брак с Динамией.

Воспользовавшись создавшейся обстановкой, Рим снова вмешался в боспорские дела, выдвинув своего ставленника Полемона, царя Понта, целиком зависевшего в то время от Рима. События на Боспоре развивались бурно. Боспорцы убили Скрибония, но Полемон также встретил с их стороны сопротивление. В помощь ему Агриппа, зять Августа, ведавший делами восточных провинций, снарядил военную экспедицию. Только под непосредственной угрозой войны боспорцы подчинились Полемону. Однако и ему, чтобы утвердиться у власти, пришлось жениться на Динамии, что он сделал по прямому приказу Августа. Но и после этого то здесь, то там вспыхивали восстания. Известно, что Полемон жестоко подавил восстание в Танаисе. Неоднократно восставали местные племена восточного Боспора. По-видимому, в волнениях сыграла немалую роль Динамия, порвавшая с Полемоном.

Полемон погиб в 8 г. до н. э. при попытке подавить вооруженной силой восстание одного из сарматских племен. Дальнейший ход событий на Боспоре не вполне ясен. Большинство историков разделяет предположение М. И. Ростовцева, что последующие 16 лет были временем вторичного самостоятельного правления Динамии.

В царствование Динамии, как и при Асандре, несколько ожили строительная деятельность в Пантикапее, в частности, было воздвигнуто святилище Афродиты Урании Апатуры, считавшейся божественной покровительницей Боспорского государства.

Динамия официально подчеркивала свою лояльность по отношению к Риму. Она ставила статуи императору Августу и императрице Ливии, снабжая их посвятельными надписями, в которых называла себя официальным титулом «друг римлян», и чеканила монеты с портретами римских императоров. Однако основное направление политики Динамии было антиримским. Она всячески подчеркивала свое родство с Митридатом и стремилась продолжать его традиции. Уже в первое свое кратковременное самостоятельное правление, после смерти Асандра, Динамия выпустила золотую монету с собственным портретом на лицевой стороне и традиционными эмблемами митридатовских монет—звездой и полумесяцем на оборотной. Позднее она выпускала, по-видимому, монеты с монограммой Митридата Евпатора.

В АНТИЧНОМ ХЕРСОНЕСЕ

После знакомства с Боспорским царством перенесемся с восточного побережья Крыма на западное. На окраине современного Севастополя находятся развалины греческой колонии Херсонес, происхождение и история которой имели свои отличительные особенности. Напомним, что она была основана греками-дорийцами в V в. до н. э., то есть на 100 лет позже городов Боспора, причем в результате уже вторичной колонизации: колония Мегары Гераклея Понтийская, превратившись в метрополию, сама основала две колонии—Каллатию (на территории Румынии) и Херсонес.

Выбор места для новой колонии был очень удачным—небольшой мыс, удобный для обороны, с хорошей гаванью и обширной сельскохозяйственной округой на так называемом Гераклейском полуострове.

Убедиться в этом можно, подходя к Херсонесу морем — как бы повторяя путь греческих мореходов.

Обогнув Херсонесский мыс, мы увидим скалистые берега, изрезанные глубокими бухтами. Их современные названия — Казачья, Камышовая, Круглая, Стрелецкая, Песочная, Карантинная. Весь ландшафт здесь сильно напоминает некоторые места материковой Греции и малоазийского побережья.

Город возник на высоком плато между Песочной и Карантинной бухтами. С приближавшихся к нему кораблей были видны мощные западные и северные оборонительные стены, высокие стройные башни и многочисленные храмы, окруженные мраморными колоннадами. Судя по местоположению средневековых Уваровской и западной базилик, главные античные храмы, вероятно, также возвышались на берегу моря.

ВНУК МЕГАРЫ

Первоначально Херсонес занимал небольшую восточную часть полуострова, примыкавшую к Карантинной бухте. Как показали раскопки 1935 — 1936 гг., с запада к нему прилегал некрополь, существовавший с конца V по конец IV в. до н. э. В дальнейшем, по мере роста города в западном направлении — в сторону Песочной бухты, территория его увеличилась почти вдвое, а древнейший некрополь оказался застроенным новыми жилыми кварталами эллинистического времени.

В географическом описании Крыма Страбон наряду с известным городом у Карантинной бухты упоминает еще один, «древний» или «старый», Херсонес, который в его время уже лежал в развалинах. Это вызвало в науке длительные споры о так называемом «страбоновском Херсонесе», о времени и месте его существования.

Некоторые исследователи предполагали, что первоначально Херсонес был основан на Маячном полуострове — у Казачьей бухты, а лишь позже перенесен в район Карантинной бухты. По мнению других, страбоновским Херсонесом следует считать территорию сельскохозяйственных усадеб на Гераклеяском полуострове IV—II вв. до н. э., якобы ошибочно принятых Страбоном за город.

Внимание исследователей давно привлекают мощные оборонительные стены, пересекающие мыс на Маячном полуострове, и отдельные археологические находки. Это говорит о необходимости дальнейшего изучения вопроса о страбоновском Херсонесе.

Каждый античный город — прежде всего крепость. Знакомство с Херсонесом, пожалуй, лучше всего начинать с оборонительных сооружений, строившихся в соответствии с местными условиями для защиты как с суши (от местных племен), так и с моря. По сравнению с другими античными городами Северного Причерноморья стены Херсонеса хорошо сохранились, несмотря на их неоднократные перестройки на протяжении веков, что дает возмож-

восстановить в основных чертах оборонительную систему города в различные периоды его истории. Это тем более важно, если учесть, что строительство стен тесно связано не только с военным делом, но и с ростом территории города.

Первоначально, когда Херсонес занимал только участок около Карантинной бухты, он был окружен небольшой стеной (возможно, ее строительство началось еще в конце V или IV в. до н. э.). Она была затем разрушена и заменена новой.

В III—II вв. до н. э. стабилизировалась основная территория Херсонеса. Как показывают археологические исследования последних лет, к тому же времени относится создание оборонительной системы — мощных стен с башнями, что обеспечивало безопасность города. Это было особенно необходимо в связи с формированием в Крыму скифского государства и его начавшейся экспансией на запад, к берегам Черного моря.

В одном из средневековых склепов Херсонеса сохранился рисунок, изображающий оборонительные сооружения. Возможно, погребенный в склепе имел какое-то отношение к строительству или ремонту этих стен. На рисунке видны двое хорошо укрепленных ворот, фланкируемых башнями, а также чередующиеся куртины и башни с зубцами и бойницами. Система обороны средневекового Херсонеса была в основном унаследована от античного города.

Общая протяженность стен Херсонеса около 3,5 км. В наиболее опасных местах, доступных для врага, позже построена дополнительно передовая стена — протейхизма. Сами стены и башни на этих участках были особенно мощными. Максимальная толщина стен достигала 3,8 м. Их высота должна была равняться 8—10 м, высота башен 10—12 м.

Специальная стена защищала жизненно важную портовую часть города, расположенную в районе Карантинной бухты.

Стены сложены насухо из хорошо обработанных квадров с внутренней забутовкой из мелкого рваного камня на глине. Швы между квадрами были промазаны тонким слоем глины. Применялся также руст, придававший стенам монументальность, рельефность и изящество¹. В качестве строительного материала использовался местный сарматский известняк, который благодаря достаточной прочности и легкости обработки широко применялся также для постройки домов, изготовления надгробных плит с рельефными украшениями и надписями, различных архитектурных деталей и скульптуры.

К середине IV в. до н. э. Херсонес начал чеканить свою монету, что является показателем экономической и политической зрелости

¹ Рустовка — гладкое стесывание краев больших квадров с оставлением середины грубо обработанной.

города, окончательно сложившегося к тому времени в античный город-государство (полис). В первую очередь начало развиваться сельское хозяйство. Малые клеры (земельные наделы), открытые на Херсонесском мысу и датируемые IV в. до н. э., имели площадь всего по 4,5 гектара каждый.

В эллинистический период была произведена основная планировка города по строго намеченной системе; она и сейчас поражает своей продуманностью и стройностью¹.

Общая площадь города — около 30 гектаров. Главная улица, прямая как стрела, пересекала весь город и выходила к морю. Параллельно ей шло еще несколько продольных улиц, которые под прямым углом пересекали поперечные (их было около 20), образуя прямоугольные кварталы. Планировка эта без особых изменений пережила все средневековье. И сейчас, пройдя по улицам древнего Херсонеса, ощущаешь эту неразрывную связь времен, воочию видишь, сколько труда вложили тогда люди, чтобы на пустом месте создать большой, благоустроенный город.

Основные направления улиц выбирались с учетом рельефа местности, благодаря чему обеспечивался сток дождевой воды к морю или в балки. Улицы шириной в 4—6 м были вымощены камнем и снабжены водосточными каналами.

Из надписей известно, что в Херсонесе, как и в других античных городах, существовало внутреннее укрепление — акрополь (кремль), однако до сих пор не удалось точно определить его местоположение. На скрещении главной улицы с 7-й и 9-й поперечными, вероятно, находилась центральная площадь города — агора. Кварталы были небольшими и включали от одного до четырех домов. Строились херсонесские дома из местного камня, крыши были черепичными. Окна обычно выходили во внутренний дворик, вымощенный морской галькой, наружные стены были глухими. Изнутри стены обмазывали глиной, штукатурили, иногда украшали росписью. Кроме жилых помещений и кухни с очагом, обычно в доме был подвал для хранения продуктов, а во дворе колодец и цистерна для дождевой воды.

Украшением города были, конечно, храмы и другие общественные здания, но почти все они уничтожены в эпоху средневековья. Только из надписей известно, что уже в IV в. до н. э. существовал храм главной богини города Девы, а в его притворе стояли мраморные плиты с посвящениями богине и почетными декретами. Там же, вероятно, высились статуи и алтари.

Попав в центральную часть города, надо прежде всего осмотреть хорошо сохранившееся здание монетного двора и остатки

¹ Регулярная планировка греческих городов была начата еще в V в. до н. э. милетским архитектором Гипподамом.

театра, построенного в эллинистический период, а пройдя затем в северный район города, — жилые и хозяйственные комплексы, баню с мозаичным полом и другие постройки.

ПОЛИС И ЕГО ХОРА

Херсонес постепенно осваивает большую сельскохозяйственную территорию (хору), одновременно превращаясь в крупный ремесленный и торговый центр.

Чтобы познакомиться с хорой Херсонеса, нужно совершить экскурсию на Гераклеийский полуостров. Удивительная сохранность его клеров позволила подробно обследовать античные сельскохозяйственные усадьбы, которые известны лишь в Италии и Галлии (да и то более позднего времени).

На полуострове выявлено около 400 клеров (не считая 100 ранних на Херсонесском мысу), окруженных валами и каменными стенами. Они возникли в начале III в. до н. э. и имеют примерно одинаковые размеры и планировку. Это позволило установить одновременное размежевание земли на Гераклею и распределение ее между гражданами Херсонеса. Упорядочение системы землепользования имело большое значение в античных городах, где каждый свободный член полиса имел право на владение участком земли.

Вполне вероятно, что организация этого дела была поручена в Херсонесе некоему Агасиклу, который, судя по надписи в его честь, занимал поочередно все высшие должности в государстве и принимал участие в создании оборонительных сооружений, размещении гарнизона и постройке агоры. В перечне его заслуг на втором месте стоит размежевание виноградников на равнине. Это свидетельствует о ведущей роли виноградарства в хозяйстве херсонесцев, что полностью подтверждается и данными раскопок.

Площадь каждого клера равнялась 26,5 гектара, т. е. почти точно соответствовала норме, которую Катон считал наилучшей для имения. Несмотря на большую площадь участков, жилые дома часто оказывались близко друг от друга, потому что их обычно строили около внешней ограды, выходящей на проезжую дорогу. Кроме того, эти дома имели сторожевые башни, которые были удобными наблюдательными пунктами на усадьбах и могли защищать ее обитателей в случае нападения соседних племен.

Обилие камня на Гераклею широко использовалось для различных хозяйственных целей. Стены между клерами, а иногда и башни усадеб, складывали из крупных необработанных камней. Каменные стенки ограждали и отдельные участки внутри клера.

Около половины земли отводили под виноградники, значительную часть — под сады и наименьшую — под зерновые культуры.

Об этом говорят остатки лунок, древние корневища и косточки, в большом количестве находимые при раскопках.

Характерно продуманное распределение участков. Для винограда, как правило, отводили южную часть клера, а для зерновых — северную; кроме того, виноградники обычно размещали на склонах балок, а поля — в низинах.

С разведением винограда было тесно связано и виноделие. Большинство виноградных давилен найдено не в самом Херсонесе, а на Гераклее. Размеры их говорят о масштабах, значительно превышающих потребности жителей клера. Следовательно, основную массу винограда, очевидно, перерабатывали прямо на клерах и лишь небольшую часть продавали виноделам, которые имели в Херсонесе давильни. Таким образом, большую часть херсонесского вина, поступавшего на внутренний и внешний рынок, производили усадьбы Гераклеи.

Устройство давилен было разное. В простейших из них сок выдавливали ногами, в более совершенных применяли также пресс, приводимый в движение при помощи рычага.

В 1956 г. на усадьбе клера № 26 открыта большая виноградная давильня II в. до н. э. В ней сок одновременно выдавливался на двух больших площадках: на одной ногами, на другой — прессом. Рядом в яме обнаружен громадный обработанный камень с пазами и гнездами для крепления — груз от рычага пресса.

Давильни такого устройства, но худшей сохранности, открыты и на других клерах. Технические приспособления повышали производительность труда и увеличивали выпуск продукции, составлявшей важную статью херсонесского экспорта.

Природные условия Гераклеийского полуострова были менее пригодны для хлебопашества. Примерные подсчеты показали, что урожая зерна не хватало даже для удовлетворения потребностей самих клеров, учитывая минимальные нормы, расходные на рабов. Херсонес, вероятно, ввозил хлеб из подчиненных ему районов западного Крыма и, кроме того, получал его путем торгового обмена со скифами.

В урожайные годы часть хлеба перепродавалась в города материковой Греции; в случае неурожая и финансовых затруднений город попадал в крайне тяжелое положение. Поэтому большое значение придавалось постоянному контролю за урожаем зерна, что отразилось в важном государственном документе III в. до н. э. — херсонесской присяге: «Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес». В высеченных на мраморе почетных декретах часто выносятся благодарности отдельным лицам за помощь городу средствами и продовольствием в трудное для него время.

Для вопроса о землепользовании в Херсонесе интересна также сильно фрагментированная надпись конца III—начала II в. до н. э., в которой говорится о продаже отдельным гражданам участков земли, принадлежавших государству, которое нуждалось в деньгах. Сады и особенно виноградники, даже на маленьких участках, давали большие доходы, поэтому покупать их было выгодно. Таким образом, существовали частная и государственная собственность на землю.

Из промыслов, развитых в Херсонесе, следует еще назвать рыбный и соляной (однако они получили более широкий размах в римский период). При раскопках постоянно находят множество глиняных и каменных грузил и рыболовных крючков.

Все эти промыслы, особенно виноделие, требовали большого количества тары, а следовательно, и усиленного развития гончарного ремесла. На городище открыто несколько гончарных мастерских эллинистического времени, где, кроме амфор и пифосов, изготавливали кровельную черепицу, кухонную и столовую посуду, терракотовые статуэтки.

На амфорах и черепице ставились клейма специальных должностных лиц — астиномов, определявшие места их изготовления. По ним можно установить наличие херсонесского экспорта в различных районах античного мира.

Ремесленные мастерские в античных городах обычно располагались на окраине, часто даже за городской стеной. В эллинистический период такой ремесленный городок был, вероятно, на западном берегу Карантинной бухты. Отсюда начал расти город; затем, по мере продвижения центра все дальше на запад, ремесленные кварталы оказались на окраине, за крепостной стеной (хотя и вблизи от порта). Там открыты несколько виноделен, гончарные мастерские и мастерские каменотесов.

В 1955—1957 гг. были возобновлены раскопки гончарных печей в районе так называемой башни Зенона. Там обнаружено шесть обжигательных печей и остатки керамики, главным образом тары. Хорошая сохранность памятника дает возможность реконструировать устройство печей и восстановить примерный процесс всего производства.

Рост города и его населения требовал развития и других ремесел: строительного дела и ткачества (об этом свидетельствуют находки пряслиц и ткацких грузил), металлообработки и ювелирного дела.

В ремесленном производстве, как и в сельском хозяйстве, основной рабочей силой были рабы, хотя наряду с ними существовали также зависимые и свободные крестьяне и ремесленники.

Херсонес чеканил собственную монету. В 1904 г. на главной улице было открыто капитальное каменное здание конца IV—начала III в. до н. э., отождествленное с монетным двором (там найдены медные круглые заготовки для чеканки монет).

Интенсивный выпуск своей монеты и наличие большого количества монет других городов говорит об оживленной торговле, которую вел Херсонес.

На монетах конца IV—конца II вв. до н. э. встречаются имена 42 магистратов.

Показательно, что свыше трети монет этого времени найдено на Гераклеийском полуострове и преимущественно в виде единовременно зарытых кладов. Самые большие из них — Камышовский и Стрелецкий.

В привозном нумизматическом материале преобладает боспорский; встречаются монеты Тиря, Ольвии, Керкинитиды, а также городов малоазийского берега Черного моря, которые были соседями метрополии Херсонеса — Гераклеи. Количество этих монет возрастает в период зависимости Херсонеса от Понтийского царства — во II—I вв. до н. э.

Интересно, что при раскопках в Херсонесе найдено также немало каменных и свинцовых гирь.

О широте торговых связей Херсонеса свидетельствуют многочисленные декреты о проксениях, предоставлявшие права гражданства и различные льготы при ввозе, вывозе и продаже товаров представителям других городов. Среди лиц, получивших проксению от Херсонеса, также преобладают жители Гераклеи, Синопы и других городов Южного Причерноморья.

Из Афин привозили преимущественно художественную посуду, из Синопы — черепицу и оливковое масло, с Родоса и других островов — вино в амфорах и прочие товары.

Расширялся внутренний рынок Херсонеса, рос торговый обмен с другими городами Северного Причерноморья и местными племенами, в первую очередь — скифами.

О связях Херсонеса с Ольвией, кроме надписей из Херсонеса, говорят три декрета о проксении III в. до н. э. в честь херсонесцев, найденные недавно на ольвийской агоре, о связях с Западным Причерноморьем — аналогичные декреты городов Томы и Каллатии.

Как указывалось выше, государственное устройство колоний обычно было таким же, как и метрополии. Эту картину мы наблюдаем и в Херсонесе, причем преемственная связь с Гераклеей и даже с Мегарой выразилась здесь не только в основах политического строя, но и в функциях отдельных должностных лиц.

В отличие от Боспора, сложившегося в своеобразное государство, объединившее греческие города и местное население под общей царской властью (хотя степень и формы их зависимости были различны), Херсонес оставался наиболее греческим городом Северного Причерноморья как по своему облику, так и по политическому строю и составу населения. В эпоху расцвета это была рабовладельческая демократическая республика с характерным для всего античного мира делением общества на два основных класса — рабо-

владельцев и рабов, с предоставлением прав и преимуществ только свободным гражданам, владевшим участками земли — клерами.

Верховную власть в Херсонесе имели Совет и Народное собрание. Поэтому все декреты и постановления, которые были приняты и высечены для общего сведения на каменных плитах, начинаются формулой: «Постановил Совет и Народ...»

Судя по аналогии с Мегарой и ее колониями, члены Совета выбирались на месяц, а секретарь Совета (грамматевс) — на год.

Так называемый царь (басилевс) в Херсонесе, как и в Мегаре, был эпонимом, т. е. его именем назывался, а следовательно, и датировался год. От древней высокой должности царя, объединявшего некогда в одном лице вождя, военачальника и жреца, сохранились лишь почетные, но чисто формальные религиозные функции.

Для руководства войском избиралась коллегия стратегов (должности стратегов существовали также в Мегаре и ее колониях Гераклее, Калхедоне и Месембрии); позже их заменили архонты.

Номофилаки (стражи законов) в эллинистический период следили за соблюдением уже принятых и вносили проекты новых законов и постановлений. Демииурги (коллегия из нескольких лиц) охраняли демократический строй и преследовали его врагов и изменников. Аналогичные коллегии известны в Мегаре и Гераклее.

Агораномы наблюдали за порядком на рынке (агоре), астиномы — за точностью мер веса и объема. Имена астиномов ставились на монетах и ручках амфор.

До последнего времени не имелось никаких сведений о судебных органах. Фрагмент сильно поврежденной надписи, обнаруженный недавно в хранилище Херсонесского музея, впервые проливает свет на этот вопрос. В городе существовал народный суд и специальные должностные лица — дикасты (судьи). Решения суда принимались при помощи голосования камешками, т. е. путем тайного голосования, как указано и в херсонесской присяге. Упоминаемые в некоторых надписях продики тоже выполняли какие-то судебные функции.

Государственная казна и священные суммы находились в ведении различных лиц, которые также выбирались народом, а по окончании срока службы отчитывались перед Народным собранием о произведенных расходах.

Как и в других античных государствах, в Херсонесе придавали большое значение вопросам физического воспитания и обучения. Поэтому здесь существовала особая должность гимнасиарха.

Кроме перечисленных должностей, на которые выбирали путем хейротонии (голосования поднятием рук) или по жребию (последнее, вероятно, относилось к должности басилевса), существовали еще отдельные поручения, иногда весьма важные, о выполнении которых также отчитывались перед государством. Это — постройка стен

или других общественных сооружений, организация посольств, продажа земельных участков, проведение состязаний.

В одном из лучших эпиграфических памятников Херсонеса начала III в. до н. э. — присяге граждане клянутся богами и богинями всемерно охранять демократический строй и границы государства и вести непримиримую борьбу с заговорщиками внутри страны и внешними врагами:

«Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укрепленными пунктами херсонесцев.

Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и сограждан и не предаю Херсонеса, Керкинитиды, Калос-Лимена и прочих укрепленных пунктов и остальной территории, которою херсонесцы управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа.

Я не буду ниспровергать демократического строя и не дозволю этого предающему и ниспровергающему, и не утаю этого, но доведу до сведения демиургов...» (перевод С. А. Жебелева).

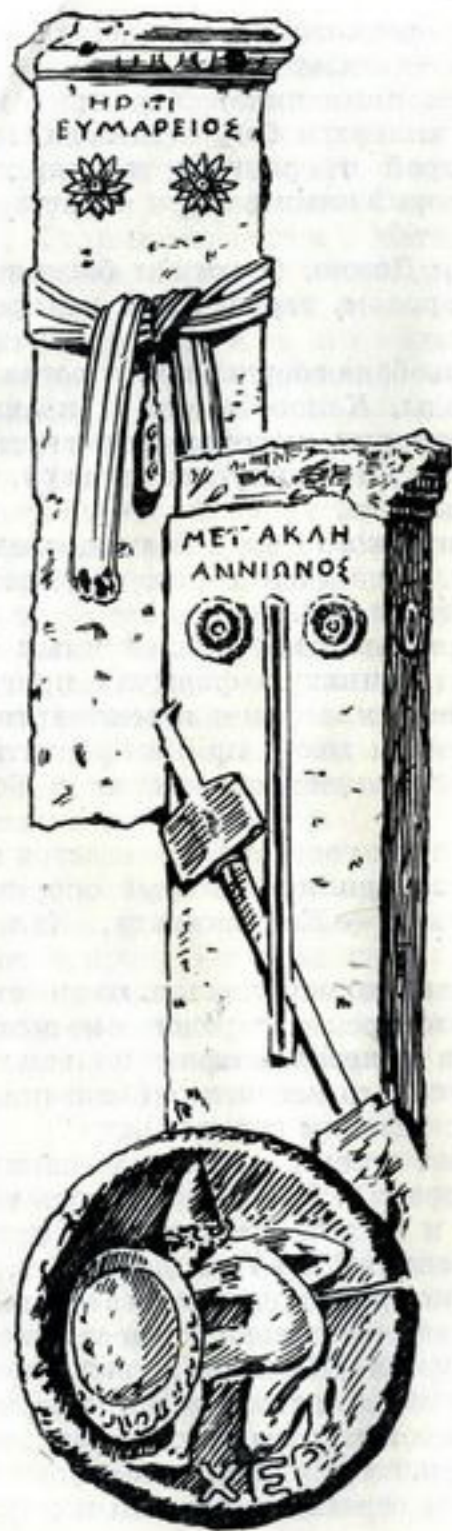
Несмотря на то, что присяга написана в стиле аналогичных ей документов и во многом сохраняет общепринятую формулу присяг античных городов, в ней нашли отражение классовая и межпартийная борьба в Херсонесе (возможно, имели место прямые попытки свержения демократии), а также осложнившиеся отношения с Боспором и с соседями-скифами.

Затронутый в присяге вопрос о границах государства остается не вполне ясным. Под властью Херсонеса находились важные опорные пункты на северо-западном берегу Крыма — Керкинитида, Калос-Лимен и другие укрепления.

Подчиняясь Херсонесу, Керкинитида сохраняла какую-то степень самостоятельности; подобно ряду боспорских городов, она чеканила серебряную монету. Изображение на монетах скифа с копьем говорит о большой роли в жизни города местного населения (вспомним, что еще Гекатей называл Керкинитиду скифским городом).

Укрепившись в Керкинитиде, Херсонес стремился распространить свое влияние на все северо-западное побережье. Как указывалось выше, на основании свидетельства Гекатея и по данным раскопок установлено, что Керкинитида существовала еще в VI—V вв. до н. э., т. е. значительно раньше самого Херсонеса, который подчинил ее лишь в IV в. до н. э. Что же касается Калос-Лимена, то основная масса археологических находок на городище датируется III—II вв. до н. э. (хотя встречаются более ранние и более поздние). Следовательно, завоевание Херсонесом соседних территорий происходило постепенно, на протяжении длительного периода времени.

Усиление скифов с III в. до н. э. и их стремление выйти к морю

привели к столкновениям с Херсонесом. Перед растущим натиском «варваров» Херсонес укрепляет систему обороны города и вступает в союз с Боспором, а если верить легенде Полиена об Амаге — то и с одним из сарматских племен, напавшим на столицу скифов. В дальнейшем из-за участвовавших нападений скифов Херсонесу приходилось искать новых, более сильных союзников.

В культуре Херсонеса на протяжении всей его истории сказывались дорийские черты. Это объяснялось не только дорийским происхождением колонии, но и тем, что Херсонес поддерживал постоянные связи со своей метрополией Гераклеей. Между этими двумя наиболее удобными гаванями южного и северного берегов Черного моря курсировали торговые корабли. У метрополии и колонии оставались общими религиозные празднества и культы богов. В надписях Херсонеса до позднего времени сохраняется дорийский диалект.

Херсонес предоставлял проксении гражданам Гераклеи Понтийской, издавал почетные декреты в их честь, а Гераклея, в свою очередь, всячески

отстаивала интересы Херсонеса: участвовала в посольствах и даже вступила в войну с Боспором на стороне Феодосии, чтобы усиление Боспора не создало угрозу для Херсонеса.

Геракл, именем которого называлась метрополия Херсонеса, был главным общедорийским героем. Культ Геракла занял важное место и в Херсонесе. Об этом говорят мраморные жертвенники в форме палицы, изображения на монетах, рельефы, терракоты и золотые изделия. Несколько рельефов с фигурой отдыхающего Геракла найдено также в округе Херсонеса.

Наряду с почитанием Геракла и других греческих богов — Зевса, Афины, Диониса, Деметры, главное место в культах Херсонеса принадлежало местной таврской богине Деве, с которой слилась греческая Артемида. Дева стала эпонимом города, ее имя вместо царского ставилось на декретах, ее изображали на монетах, считали спасительницей в боях с врагом; Деве посвящали специальные празднества. Следует еще отметить богиню Херсонас — покровительницу города, которую также изображали на монетах.

В главе о колонизации говорилось о роли Делоса и Дельф — важных общегреческих религиозных центров. Интересно, что связь Херсонеса с ними, особенно с Дельфами, поддерживалась и позже. В III — II вв. до н. э. наибольшее количество проксений в Дельфах получили граждане Херсонеса Таврического.

Важное место в идеологии полиса занимал культ мертвых. Раскопки некрополя вскрывают имущественные различия, дают лучшие образцы привозных и местных ремесленных изделий и антропологический материал, важный для выяснения этнического состава населения.

Когда район древнего некрополя Херсонеса был постепенно застроен эллинистическими кварталами, новый некрополь, как и во всех античных городах, был перенесен за пределы городских стен, а именно в район Карантинной бухты и западных оборонительных сооружений. Многолетними раскопками археологов Косцюшко-Валюжинича и Лепера открыты значительные участки некрополя.

Кроме обычных могил, в которые клали гроб с трупом или урну с пережженными костями, в Херсонесе открыто много каменных погребальных склепов. В некоторых из них, видимо, принадлежавших представителям обогатившейся знати, найдены дорогие ювелирные изделия и другие предметы роскоши.

Один склеп III в. до н. э. занимает совершенно особое место: он сооружен под крепостной стеной около городских ворот одновременно со строительством самой стены. Положение склепа и богатство инвентаря позволяют предполагать, что он принадлежал какому-то известному стеностроителю, возможно, уже знакомому нам Агасику.

Самые ранние надгробные памятники на Боспоре и в Херсонесе — просто оформленные плиты (иногда с небольшим карнизом или фронтоном с акротериями) с краткой надписью, упоминающей имя погребенного. Во время недавнего доследования башни Зенона обнаружено много архитектурных фрагментов и надгробных стел, разрисованных красками, чудесно сохранившимися до наших дней. Среди них выделяется фрагмент древней живописи — голова юноши работы выдающегося мастера.

С III в. до н. э. наиболее распространенной формой надгробия становится известняковая стела, в которую вставлялась небольшая прямоугольная мраморная плита с четкой, но такой же лаконичной надписью. Стела украшалась рельефными розетками, а на мужских надгробиях — рельефным изображением перекрещенного меча и портупей.

Другой интересной формой надгробий являются своеобразные антропоморфные памятники. Они схематически изображают не всю человеческую фигуру, а лишь голову и плечи, имеют плоскую лицевую и выпуклую заднюю сторону и округлый или заостренный верх. Как правило, эти памятники небольших размеров, изготовлены из местного сарматского известняка. Ни на одном из них нет греческих надписей.

Архитектура и скульптура Херсонеса менее изучены, чем в Ольвии и на Боспоре. Затрудняет эту задачу фрагментарность многих памятников, специально разрушенных в средневековый период. Христианская религия предписывала уничтожать языческие храмы и статуи богов; их обломки нередко находят в фундаментах и стенах средневековых построек.

О строительном искусстве херсонесских мастеров можно судить по хорошо сохранившимся зданиям монетного двора, казармы у городских ворот, а также по кладкам оборонительных стен и башен. Многие архитектурные детали изготовлялись на месте, но некото-

рые мраморные капители, карнизы и другие детали привозили из различных греческих центров. По ним можно установить, что в Херсонесе эллинистического времени придерживались дорийского и ионийского ордера.

При расчистке раннесредневековой XVI башни открыто большое количество архитектурных фрагментов древнего храма ионийского ордера (известняковые фризы, архитравы и карнизы с рельефными украшениями и росписью), которые отличаются прекрасной тонкой работой и, возможно, позволят в дальнейшем реконструировать памятник в целом. Аналогичные находки обнаружены и в башне Зенона. Множество античных плит с рельефами и надписями найдено на территории некрополя, в обкладках средневековых могил.

Одним из интереснейших общественных сооружений, раскопки которого продолжают, является театр. Плохая сохранность памятника, очевидно, объясняется не только позднейшими застройками, но и требованиями христианской морали, запрещавшей «бесовские игрища и зрелища». Его могли специально разрушить, как и языческие храмы. Исследование развалин театра затруднено, так как его перекрывают остатки средневековых построек. Однако уже сейчас имеются данные для предварительной реконструкции основных его частей.

Театр пережил несколько перестроек; он был сооружен еще в эллинистический период и дожил до IV в. Следы от полуколонн на проскениуме, поставленных без баз, говорят о дорийском ордере. Сохранились на своем первоначальном месте несколько каменных скамеек первого ряда и лесенки между отдельными секторами; раскрыты один угол от сцены (сцены), часть оркестры (места для хора) и левый восточный парод (вход).

Театр удобно располагался внутри города около крепостных стен, недалеко от ворот, на склоне холма с красивым видом на Карантинную бухту. Помимо представлений и празднеств с состязаниями поэтов и музыкантов, в нем могли происходить различные собрания, для которых в небольших городах обычно не строили специальных сооружений.

Дальнейшее археологическое исследование позволит уточнить многие интересные вопросы. Например, подсчет мест в театре поможет выяснить общее количество населения города, так как античный театр обычно вмещал всех свободных граждан. По предварительным расчетам, херсонесский театр делился на восемь секторов и мог вместить примерно три тысячи зрителей.

Одним из уникальных памятников Херсонеса является небольшое помещение с мозаичным полом, открытое в 1938 г. в северном районе города. Оно принадлежало богатому гражданину и предназначалось для омовений. Мозаика выполнена из цветной гальки, которую

легко можно было собрать на берегу моря. При поливании водой матовый налет на гальке исчезает, и все изображение приобретает яркость и выразительность.

Композиция из двух моющихся женских фигур, стоящих около лутерия (вазы для омовений), встречается на античных вазах и, вероятно, была откуда-то заимствована херсонесским мастером. Он переработал ее в своеобразной манере и в другом материале. Возможно, первоначальный мифологический сюжет (изображение голубей позволяет предполагать связь с Афродитой) получил здесь уже иное, светское толкование.

Произведения скульптуры, как и архитектурные детали, частью привозились, частью выполнялись на месте.

На первых порах большинство мастеров были приезжими, и их изделия часто представляли собой копии с античных образцов. Постепенное знакомство греков с окружающей средой, с внешним обликом местных племен, чертами их быта, одеждой, оружием и, наконец, своеобразным искусством наложили некоторый отпечаток на херсонесские изделия; в них появились новые сюжеты и иная трактовка.

Наряду с этим встречаются произведения совершенно негреческого характера, однако и на них, в свою очередь, влияло знакомство с достижениями античного искусства. Сказанное относится и к каменной скульптуре, и к терракоте.

Из произведений IV в. до н. э. обращают на себя внимание мраморный торс и головка юноши (близкая к школе Скопаса) хорошей греческой работы, рельефные изображения Афины и Артемиды.

К эллинистическому времени относятся фрагменты статуй Афродиты и Эроса. На массивном постаменте с посвящением Афине и на базе с посвящением Бона богине Деве имеются следы от статуй,

которые, к сожалению, не сохранились. Большая статуя Девы должна была находиться и в храме этой богини.

По-видимому, одна из статуй Девы была позже воспроизведена на херсонесских монетах I—III вв. н. э. Хорошая сохранность многих монет позволяет рассмотреть все детали композиции. На богине длинный хитон и башенная корона; подобно Артемиде-охотнице она держит в руках лук и дротик. О существовании статуарного прототипа Девы свидетельствует тот факт, что одна и та же фигура изображается на монетах в различных поворотах, как установил известный советский нумизмат А. Н. Зограф.

В 1888 г. в Херсонесе была открыта мастерская с обжигательной печью, многочисленными формами для отливки и готовыми изделиями из терракоты. Среди них изображения Афродиты, Афины, Диониса, Геракла. Особенно интересен торс от мужской статуи III—II вв. до н. э. больших размеров и хорошей работы, вероятно, изображавшей Геракла. Многие терракоты воспроизводят греческие образцы, но при окончательной их отделке херсонесский мастер вносил некоторые новые черты в трактовку лица, одежды и других деталей.

Из предметов роскоши в Херсонесе производили тонкие ювелирные изделия — серьги, браслеты, кольца, подвески. Выделяется также группа изделий местных тореvтов, но они значительно проще и беднее, чем на Боспоре. Это различные штампованные бляшки, специальные золотые пластинки для погребального обряда (они накладывались на глаза и рот покойника), серьги «таврского» типа и т. п. Данных о местном литье в тот период пока не имеется.

В Херсонесе эпохи расцвета был свой историк — Сириск, который пользовался большим почетом в государстве. Он описал явления Девы, взаимоотношения с царями Боспора и «бывшие дружественные отношения с городами и царями исследовал правдиво и согласно с достоинством государства». Народное собрание постановило наградить Сириска, сына Гераклида, золотым венком и вырезать почет-

ный декрет в его честь. Декрет датируется III в. до н. э. Из него мы узнаем, что Сирик читал свои произведения перед народом — подобно Геродоту и другим выдающимся историкам древности. Обычно такие чтения, как представления и состязания, происходили во время праздников, когда все граждане города собирались в театре или других общественных местах.

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

II век до н. э. в Северном Причерноморье богат внешнеполитическими событиями. Борьба скифов с греческими городами приобретает все более острый характер, в первую очередь на северо-западном берегу Крыма.

Скифы отвоевывают у Херсонеса Керкинитиду и Калос-Лимен, часто нападают на Херсонес. Об этом свидетельствует гибель во II в. до н. э. клеров на Херсонесском мысу, уничтожение гончарной и других мастерских под стенами города. Из надписей ясно, что соседние тавры также совершали набеги на Херсонес, возможно, объединяясь со скифами.

Примерно в тот же период на Северное Причерноморье как на важный экономический район и военный плацдарм начинают обращать внимание Понтийское царство и Рим, которые вскоре вступают между собой в ожесточенную борьбу за мировое господство.

Римский историк Полибий сообщает, что в 179 г. до н. э. понтийский царь Фарнак создал коалицию из городов Малой Азии и включил в нее Гераклею и Херсонес. Возможно, уже тогда Понтом было положено начало объединения сил для борьбы с Римом и сделан первый шаг в сторону Северного Причерноморья. Этот акт в том же 179 г. был закреплен отдельным договором Фарнака с Херсонесом, продиктованным взаимными интересами. Документ разделен на две части, в которых сформулированы обязательства каждой из договаривающихся сторон.

Сохранилась лишь заключительная часть обязательства херсонесцев, в которой говорится: «...Будем содействовать охране его (т. е. Фарнака) царства по мере возможности, пока он останется верен дружбе с нами и будет соблюдать дружбу с римлянами, ничего не предпринимая против них».

Клятва же Фарнака гласит: «Я навсегда буду другом херсонесцам, и если соседние варвары выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонесцам страну или будут обижать херсонесцев, и они призовут меня, буду помогать им, поскольку будет у меня время, и не замыслю зла против херсонесцев никоим образом, не пойду походом на Херсонес, не подниму оружия против херсонесцев и не совершу против херсонесцев ничего такого, что могло бы повредить народу херсонесскому, но буду содействовать охране его демократии по мере возможности, пока они останутся верными дружбе со мной, поклявшись той же клятвой, будут соблюдать дружбу с римлянами и ничего не будут предпринимать против них».

Помимо общих пунктов о взаимной дружбе и поддержке и соблюдении дружественных отношений с Римом, который, видимо, был посредником при заключении договора, в документе отражено тяжелое внешнее и внутреннее положение Херсонеса, что и заставило его обратиться к Фарнаку. Это — нападение соседних варваров на Херсонес и его хору и политическая борьба внутри города, угроза сверже-

ния демократии. Интересно, что те же основные моменты подчеркнуты в херсонесской присяге.

К концу II в. до н. э. международная обстановка еще более осложнилась. Внук понтийского царя Фарнака Митридат VI Евпатор готовился к открытой войне с Римом. Окрепшее скифское государство активизировало свою внешнюю политику. Ольвия находилась под властью скифов, Боспор и особенно Херсонес испытывали их непрерывный натиск. В конце концов положение Херсонеса стало настолько критическим, что ему пришлось искать военной помощи у других государств.

Раньше в таких случаях на союз с Херсонесом шел Боспор, но теперь он был ослаблен и заботился о защите собственных границ. Неоднократно помогала Херсонесу его метрополия Гераклея, но и она находилась в бедственном положении, особенно после неудачной войны с Вифинией. И Херсонес вынужден был обратиться к Митридату Евпатору.

Фрагмент одной надписи II в. до н. э. сообщает о прибытии в Херсонес посла Митридата. Можно предполагать, что он привез положительный ответ на просьбу херсонесцев. Во всяком случае, принятие почетного декрета в честь посла, который «прекрасно и с пользой» выполнил свою миссию по отношению к царю и городу, и предоставление ему проксении и гражданских прав, несомненно, свидетельствуют об упрочении дружественных связей между Херсонесом и Понтом в конце II в. до н. э., о дипломатической подготовке будущего военного союза.

Митридат Евпатор еще больше, чем Фарнак, был заинтересован в союзе с Херсонесом (быть может, поэтому он сам направил туда посольство). Разрабатывая план борьбы с Римом, он полагал, что, создав базу в Северном Причерноморье, сможет обеспечить свою армию дешевым хлебом и другими продуктами, а также пополнить ее ряды военной силой.

О событиях, происходивших в Северном Причерноморье в последнее десятилетие II в. до н. э., известно из двух основных источников: свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта.

Страбон пишет, что скифы подошли вплотную к Херсонесу и осадили порт Ктенунт. Больше это название нигде не встречается, и потому точное его местонахождение пока не установлено.

Об осаде Ктенунта и других активных действиях скифов и тавров в начале войны и неудачах Херсонеса в декрете в честь Диофанта умалчивается. После победы над скифами не было надобности напоминать об этом, тем более в официальном государственном документе. Поэтому особенно ценно свидетельство Страбона, пользовавшегося другими источниками, в которых менее тенденциозно излагались некоторые события.

Из декрета мы узнаем, что Митридат воспользовался безвыходным положением Херсонеса и осложнившейся обстановкой на Боспоре для активного вмешательства в дела на полуострове. Около 110 г. до н. э. он направил туда морем войска во главе с синопейцем Диофантом, предоставив ему не только военные, но и дипломатические полномочия.

Сначала скифы, предводительствуемые царем Палаком, держали инициативу в своих руках и внезапно напали на войска Диофанта, но он, приняв битву, сумел обратить их в бегство. Здесь, видимо, сразу сказались высокая техника и организация греческого войска. Подчинив соседних тавров и основав город (вероятно, Евпаторий, названный в честь Митридата Евпатора), Диофант отправился на Боспор, а по возвращении возобновил борьбу со скифами.

Следовательно, сразу победить скифские войска Диофант не смог, а предвидя длительную борьбу, должен был укрепить тыл и, прежде всего, подчинить тавров, по-видимому, также активизировавших свои действия. Кроме того, он усилил свои войска, включив в них «граждан цветущего возраста» из населения Херсонеса.

Греческие войска проникли в середину Скифии; скифы сдали им царские крепости Хабеи и Неаполь и подчинились власти Митридата Евпатора. Очевидно, был заключен мирный договор со скифским государством, и Диофант, считая свою миссию выполненной, вернулся в Понт. Однако силы скифов не были сломлены, и спустя некоторое время они «отложились от царя и изменили положение дел», а также привлекли на помощь племя роксоланов. Дела, видимо, оказались столь угрожающими, что, несмотря на приближение зимы, Митридат снова послал в Крым отряд Диофанта, который совместно с сильнейшими гражданами Херсонеса двинулся на скифские крепости. Непогода помешала Диофанту, и он повернул на западное побережье полуострова, где овладел Керкинитидой, другими укреплениями, долго находившимися в руках скифов, и приступил к осаде Калос-Лимена, которую ему, видимо, не удалось завершить (в декрете об этом ничего не сказано).

В решающем бою с войсками Палака Диофант одержал крупную победу, уничтожив значительную часть его пехоты и конницы. Используя инициативу, он в начале весны двинулся на скифские крепости... (далее в тексте декрета испорченное место). Затем вновь отправился на Боспор, чтобы окончательно подчинить его власти Митридата, но там вспыхнуло восстание Савмака и был организован заговор против Диофанта (об этих событиях уже рассказано в главе о Боспоре).

Херсонесцы послали специальный корабль с войском для спасения Диофанта, а на следующий год, по просьбе Митридата, участвовали в совместной карательной экспедиции против восставших.

По решению Народного собрания на акрополе, подле алтарей Девы и Херсонас, была поставлена медная статуя Диофанта в полном вооружении, а на ее пьедестале вырезан почетный декрет, перечисляющий все его заслуги перед городом.

Сохранился обломок с частью текста еще одного декрета, дополняющего наши сведения о борьбе Херсонеса со скифами в конце II в. до н. э. В нем говорилось об отряде херсонесских граждан, отвоевавших у скифов Калос-Лимен. Наконец, недавно опубликован фрагмент почетного декрета в честь неизвестного лица. По характерному шрифту его можно с полной уверенностью отнести к концу II в. до н. э. В нем также рассказывается о событиях, связанных с войнами Диофанта. Содержание декрета примерно следующее: когда жители Херсонеса «страдали» (видимо, от нападений скифов и тавров), честуемый гражданин приложил много труда и стараний для безопасности города, в частности, за его собственный счет были укреплены оборонительные сооружения. Затем он двинулся против скифской крепости Напит и, вероятно, одержал там победу.

В новой надписи впервые упоминается крепость Напит, которая, по-видимому, находилась между Херсонесом и столицей скифского государства Неаполем. Название Напит, несомненно, восходит к известному из источников названию одного из скифских племен и к имени их легендарного предка Напа, сына Скифа.

Таким образом, борьба херсонесцев со скифами вступила в решающую фазу. Явный недостаток средств и военных сил заставил Херсонес прибегнуть к иноземной помощи, которую пришлось оплатить очень дорогой ценой — потерей независимости: после Диофантовых войн Херсонес оказался под властью Митридата Евпатора.

Митридат вступил в это время в последний, наиболее трудный этап борьбы с Римом. Херсонес и Боспор, находясь в орбите политики понтийского царя, должны были оказывать ему всяческую помощь поставками продовольствия и военной силой.

Увеличение налогов и поборов, а также политика сближения Митридата с местными племенами вызвали, как указывалось выше, большое недовольство греческого населения и даже привели к восстанию боспорских городов и Херсонеса против Митридата.

После гибели Митридата Понтийское царство попало под власть Рима, а в первые века нашей эры было превращено в его провинцию. Рим стремился распространить свое влияние и на Северное Причерноморье и в первую очередь старался посадить на боспорский престол своих ставленников. В этот период, как указывает Страбон, Херсонес находился под властью Боспора.

Потеряв однажды свою свободу, Херсонес неизменно оказывался в той или иной степени зависимости от других государств: сначала Понтийского царства, потом Боспора и, наконец, Рима.

Чтобы избавиться от наиболее тяжелого гнета, приходилось прибегать к политике лавирования. Ведущую роль в Херсонесе, видимо, начали играть сторонники проримской ориентации, которые предпочитали зависимость от сильного, но далекого Рима власти Боспора — своего старого торгового соперника. Рим мог предоставить больше внутренних свобод городу, а с другой стороны — оказать ему военную помощь в случае новых осложнений со скифами.

Один из средневековых авторов — Константин Багрянородный сообщает интересную легенду о Гикии, которая отражает взаимоотношения между Херсонесом и Боспором: их вынужденные сближения (например, для совместной борьбы со скифами), сменявшиеся длительными периодами вражды в связи с торговым соперничеством и стремлением Боспора подчинить себе Херсонес.

Легенда рассказывает, что сын боспорского царя Асандра женился на дочери первого архонта Херсонеса Гикии и поселился в доме жены. Асандр надеялся, что после смерти отца Гикии его сын будет избран первым архонтом и подчинит Херсонес власти Боспора. Но его не избрали. Вскоре Гикия узнала через служанку, что муж готовит заговор против ее родины и тайно собирает в доме боспорских воинов, которые приезжают под видом гостей. В ночь, когда заговорщики должны были напасть на херсонесцев и взять власть в свои руки, Гикия подожгла собственный дом, уничтожив врагов Херсонеса.

Политика Херсонеса встречала поддержку в Риме, так как отвечала его стремлению стать более твердой ногой на Черном море. Из Херсонеса было направлено несколько посольств в Рим, которые увенчались успехом. Особенно интересен почетный декрет в честь Гая Юлия Сатира, отправившегося в 46 г. до н. э. с посольством к Цезарю. Политическая ситуация была благоприятной для Херсонеса. В Боспорском государстве шла ожесточенная борьба за престол, и оно не могло заниматься херсонесскими делами. В то же время Цезарь после победы над Помпеем даровал свободу и привилегии многим греческим городам, в том числе и разрушенному Фарнаком Амису на малоазийском берегу Черного моря. Там же в 45 г. Цезарь создал римские колонии в Синопе и, возможно, в Гераклее, тесно связанной с Херсонесом. После убийства Цезаря в 44 г. свобода, полученная от него Амисом, Херсонесом и другими городами, была утрачена, и ее вновь пришлось добиваться у императора Августа.

С 25—24 г. до н. э. в Херсонесе устанавливается новая эра, причем «царицей» города и его эпонимом объявляется богиня Дева. Ее имя ставится на монетах, а позже и на постановлениях Совета и Народа.

ПОСЛЕ ВОИН
ДИОФАНТА

История позднеантичной Таврики ознаменовалась важными событиями, о которых уже шла речь: вторжением на полуостров понтийского царя Митридата и его временной властью на Боспоре и в Херсонесе. Полководец Митридата Диофант, прибывший с отрядом на помощь Херсонесу, боровшемуся с местными племенами, должен был прежде всего усмирить тавров западных районов херсонесской хоры, а уже затем, обеспечив более надежный тыл, двинуть свои силы против основного противника — скифов. В I в. до н. э. тавры вместе со скифами и другими племенами присоединились в качестве союзников к Митридату для борьбы с новым врагом — Римом.

Из Тацита мы узнаем об одном эпизоде этой борьбы, в которой приняли участие тавры. Они захватили рим-

ские военные суда, возвращавшиеся с Кавказа, и уничтожили начальника когорты и большинство воинов вспомогательного отряда. Возможно, рассказ Плиния о трех смертоносных источниках в земле тавров также относится к истории их борьбы с римлянами в I в. н. э. Препятствуя продвижению римских войск в Таврику, они могли отравить какие-либо источники или колодцы.

В ГОРАХ ТАВРИКИ

В первые века нашей эры в горах южного побережья и Главной гряды, на местах, где раньше были открытые таврские поселения, возникли укрепленные убежища. Одно из них находилось на горе Кошка у современного Симеиза.

Несмотря на скифские и римские влияния, фортификация у тавров сохранила ярко выраженное своеобразие: примитивные стены упираются в скалы, как бы становясь частью горного ландшафта.

Археологи В. Н. Дьяков и Н. И. Репников высказывали предположение, что таврские укрепления были использованы римлянами, как основа для создания единой системы обороны южного побережья. Однако разведками последних десятилетий и раскопками это не подтвердилось: на Кошке, Аю-Даге, Кастели и Ай-Иори никакого римского материала не найдено.

Тавры враждебно относились к римлянам, по-видимому, установившим на южном побережье жестокий оккупационный режим. Иосиф Флавий сообщает, что для поддержания мира на Черном море, где живут колхи, тавры и другие племена, римляне направили туда 3000 солдат и 40 военных кораблей. В крепости Харакс на Ай-Тодоре для обеспечения морских коммуникаций в I в. н. э. (при Нероне и Веспасиане), кроме сухопутных войск, стояла римская Равеннская эскадра.

Боспорский царь Асандр в I в. до н. э. пытался овладеть Таврикой. В надписях царя Аспурга (I в. н. э.) говорится о «подчинении скифов и тавров». Но это подчинение было временным. В конце II в. н. э. Савромат II «покорил и сирахов, и скифов, и землю Таврическую присоединил по договору». Рескупорид III (начало III в. н. э.) продолжал укреплять власть Боспора в Таврике; он именовал себя царем Боспора и тавроскифов. Все это говорит о том, что борьба Боспора за овладение Таврикой продолжалась долго и велась с переменным успехом.

Позднейшим и весьма примечательным памятником культуры тавров является святилище близ Ялты, находившееся у горной реки. Оно возникло в I в. до н. э. и просуществовало до IV в. н. э. Здесь найдены остатки разнообразных жертвоприношений Деве: кости и черепа быков и собак, рога оленей. Особенно много терракотовых статуэток богини; некоторые из них крайне примитивны — в виде

столбиков с едва намеченными глазами, ртом, носом; другие сделаны в подражание античным статуэткам. Обнаружены и разные украшения и монеты, которые приносились в дар богине. Среди 1078 монет было 10% херсонесских, 30% боспорских, 58% римских и 1% из других центров античного мира.

Характерно, что в этом святилище уже нет признаков приношения в жертву людей, тогда как в предполагаемых пещерных святилищах ранних тавров человеческие кости встречаются довольно часто (пещера Кизил-Коба, Змеиный грот, Лисья пещера и др.). Это говорит о том, что в идеологии тавров произошли заметные изменения.

На археологическом материале хорошо прослеживается выделение семьи у тавров. Наиболее ранние парные погребения найдены в каменных ящиках могильника Чуюнча и у села Лесное, в долине реки Зуи. Погребенные мужчина и женщина лежали лицом друг к другу.

Появление небольших жилищ, землянок и полуземлянок у ранних тавров отражает тот же процесс укрепления семьи. Вокруг жилищ обнаружены зерновые ямы, в которых хранились запасы зерна, очевидно, принадлежавшие отдельным семьям родового поселка.

Существенные перемены происходят в погребальном обряде: старый обычай захоронения в каменных ящиках исчезает. Возможно, в этот период тавры стали хоронить в грунтовых могилах. После ухода римских легионеров из Харакса на Ай-Тодоре в конце III и в первой половине IV в. н. э. местное смешанное романизованное население начало применять обряд сожжения с погребениями праха в амфорах или урнах. В могилах, помимо местной лепной и привозной посуды и украшений, найдены железные серпы, топоры, рыболовные крючки и пряслица; оружия очень мало (могильник, видимо, принадлежал простому люду). Интересно, что из 37 монет — 17 боспорских, 18 римских и только две херсонесских. Самая поздняя монета — императора Константина — чеканена в 337 г. н. э.

Могильник в Хараксе, в котором таврская традиция заметна только в отдельных лепных сосудах, в целом отражает влияние римской культуры и обрядов.

Материалы могильников отражают также ассимиляцию тавров и их культуры местными племенами, проникшими в горный Крым и на побережье после вторжения на полуостров готов. Надо заметить, что процесс ассимиляции таврского населения поздними скифами, а затем сарматами и аланами еще в первые века нашей эры значительно усилился. Это подтверждается и раскопками предгорных курганов с коллективными погребениями, в которых соблюдается таврский обычай (семейные погребения с повторными захоронениями в несколько ярусов), но преобладает смешанный позднескифский и греческий инвентарь.

В позднескифских могильниках Неаполя и близ села Заветного встречаются скорченные, может быть, таврские захоронения в грунтовых и других могилах I—III вв. В могильнике близ села Заветного найдена стела с изображением воина с остроконечной бородой, напоминающего тавров или скифов на херсонесских памятниках.

Для этого времени характерно распространение нового названия местных племен — скифотавры (Плиний и Арриан) и тавроскифы (Птолемей и многие другие авторы). Это название встречено и в надписи Рескупорида III, что доказывает историческую достоверность термина. Название «тавроскифы», видимо, отражало реальный процесс смешения тавров и скифов, хотя у различных авторов оно употреблялось в разных смыслах: в чисто географическом и этническом, когда имелось в виду смешанное население. Такое название сохранилось и позже. Историк VI в. Прокопий, говоря о Боспоре и Херсонесе, поясняет, что эти приморские города лежат за Меотидой, таврами и тавроскифами.

Смешение культур поздних тавров и скифов прослеживается на Второй гряде и северных склонах Главной гряды Крымских гор. Об этом говорят археологические разведки. Однако для всестороннего изучения этого процесса необходимы продолжительные раскопки многочисленных поселений и городищ, обнаруженных в этом районе.

Тавры в конце первого тысячелетия до н. э., в отличие от скифов, находились, скорее всего, на средней ступени варварства по классификации Моргана—Энгельса. Патриархальное рабство не получило у них развития. Об этом можно судить по обычаю убивать пленных, о чем писали Геродот и другие авторы.

Из наиболее подробного свидетельства Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) мы узнаем, что родоплеменная организация продолжала существовать у тавров вплоть до III—IV вв. Со времени Геродота в их хозяйственной деятельности произошел заметный сдвиг — появилось пашенное земледелие, усовершенствовалась и строительная техника. В рамках родовой собственности происходило накопление имущества в руках отдельных семей; в борьбе с войсками Понта, а затем римским вторжением окрепла военная организация. Наряду с долго сохранявшейся обособленностью племен в различных районах Таврики и межплеменной борьбой, возможно, происходили и временные военные объединения для отражения общего врага, например, римлян. Но явных признаков появления у тавров союза племен мы не имеем.

Временные объединения тавров со скифами в общей борьбе против внешних врагов способствовали этническому смешению племен и усилению культурных взаимосвязей. Скифские акинаки, копья, стрелы и конские уборы, которыми охотно пользовались тавры, убедительно свидетельствуют об этих связях.

В свою очередь и скифская культура подверглась влиянию таврской. Широкое распространение у поздних скифов в Крыму лощеной керамики (у приднепровских скифов ее было значительно меньше), очевидно, связано с влиянием тавров, у которых лощение достигло высокого качества. Это влияние проявилось особенно отчетливо в погребальном обряде поздних скифов в крымских предгорьях. Здесь встречаются коллективные погребения в курганах с поярным положением костяков в вытянутом и реже — в скорченном положении. Этот обычай повторных групповых погребений явно заимствован скифами у тавров.

Таврское влияние сказалось и в скульптуре Херсонеса. Распространившиеся там антропоморфные надгробия можно связать с каменными примитивами в таврских могильниках с ящиками. На херсонесских рельефных надгробиях первых веков нашей эры встречаются изображения тавров. Уплощенный графический характер некоторых из этих надгробий, возможно, отражает таврские приемы примитивной резьбы по дереву, перенесенные в Херсонесе на камень.

Культура тавров на всем протяжении своего развития отличалась ярко выраженным своеобразием, примитивностью, относительной замкнутостью и консерватизмом. Она развивалась в суровых условиях горно-лесной природы, в обстановке устойчивого родового быта. Особенности таврской культуры, для которой на раннем и среднем ее этапах были характерны мегалитические черты, проявились в устройстве каменных жилищ, которые лепятся к скалам; полудольмены и каменные ящики, иногда окруженные кромлехами и прямоугольными оградами, гармонируют с суровой природой горного Крыма.

Черты культуры тавров, ее мегалитический колорит и самобытность начинают теряться в первые века нашей эры, когда они смешиваются с поздними скифами, а затем с сармато-аланскими и готскими племенами.

В ДОЛИНАХ РЕК

После временного упадка в I—II вв. н. э. происходит вторичный подъем позднескифского государства. Это подтверждается пока еще небольшим, но убедительным материалом: монетами, надписями и другими археологическими находками.

Активизируется и внешнеполитическая деятельность государства. Скифы снова теснят Херсонес, Боспор, Ольвию. Их наступление на Херсонес (по-видимому, во главе с Фарзоем) приобрело наиболее острый и ожесточенный характер в 60-х годах I в. н. э., когда город был вынужден обратиться за помощью к Риму и его войска во главе

с легатом Мезии Плавтием Сильваном одержали победу над скифами. Однако Херсонес потерял свою независимость, попав под власть Рима (см. главу о Херсонесе).

Из позднескифских городищ Крыма пока лишь Алма-Кермен дал явные свидетельства временного пребывания на нем римских легионеров. Остатки этого городища находятся на левом берегу Альмы у северо-западной окраины села Заветного (бывшее Алма-Кермен) Бахчисарайского района, недалеко от шоссе, что ведет в село Песчаное.

Раскопки показали, что возникло оно во II в. до н. э. и просуществовало вплоть до III в. н. э. Благодаря выгодному стратегическому положению городища в глубине крымской Скифии, вблизи древних путей, ведущих из Неаполя в Херсонес и к морю вдоль Альмы, оно было использовано в поздний период римлянами, по-видимому, для защиты Херсонеса от притязаний скифов. При раскопках на городище найдены римские монеты, интересные архитектурные детали, большие общественные здания (одно из них с расписными стенами), краснолаковая посуда, амфоры и, что самое интересное, обломки черепицы с клеймами XI Клавдиева легиона. Среди солдат римских гарнизонов были различные мастера: гончары, строители, стеклоделы. Изготавливая черепицу для построек, они ставили на ней клейма с указанием того легиона, в котором служили. В стеклоделательной мастерской изготавливали великоленную посуду.

Римские солдаты покидают городище около середины III в. н. э. Укрепление постепенно занимают местные жители, в период владычества римлян жившие в селищах, расположенных у подножия холма. Они используют постройки, оставленные легионерами, и вплоть до конца III в. н. э. мирно живут здесь, занимаясь земледелием, скотоводством и различными ремеслами.

Ряд надписей о победах боспорских царей над варварами отражает острые столкновения скифов с Боспором в I—II вв. н. э. Еще в I в. до н. э., как свидетельствует Страбон, царь Асандр соорудил вал для защиты границ Боспорского царства. Локализация вала вызывает спор в науке: одни помещают его на Керченском полуострове, другие — на Перекопе. Этот спор могут разрешить лишь дальнейшие археологические исследования.

В начале нашей эры в Крыму появляются новые скифские селища и укрепления, в частности неизвестные прежде убежища. Как правило, они представляли собой хорошо защищенную каменными стенами возвышенность. Здесь мирное население прилегавших к укреплению селищ могло укрываться во время опасности со скарбом и скотом.

Такие убежища обнаружены в различных местах центрального и юго-западного Крыма, на отрогах Второй гряды Крымских гор: Джалман (у села Пионерского Симферопольского района), Балта-Чокрак (Алешино Бахчисарайского района), Краснозоринское (близ Фурмановки Бахчисарайского района), Заячье (между селами Балки и Заячьим Бахчисарайского района) и др.

Разведочные работы, проведенные на холме Карагач над левым берегом Альмы, показали, что уже в I в. н. э. здесь находилось большое селище. Во II—III вв. н. э. в наиболее возвышенной его части были возведены оборонительные стены, возникло укрепление трапециевидной формы.

К тому же периоду относятся более сложно устроенные убежища близ села Заячье. На каменистом мысу, окруженном глубоким извилистым каньоном, по дну которого течет ручей, появилась двойная линия каменных стен. На северо-западном склоне, между внешней и внутренней линиями обороны, видны раскаты камней — остатки древних жилых и хозяйственных построек. На противоположной стороне, к юго-востоку от укрепления, располагалось большое селище. Здесь хорошо видны остатки каменных построек и оград, улиц и дворов, а также зольники, где сваливали и сжигали мусор. При раскопках выявлена конфигурация одного из домов с земляным полом и крышей. Многочисленные остатки посуды позволяют датировать дом II—III вв. н. э.

На левом берегу реки Качи в 6 км к юго-западу от села Фурмановки, на территории колхоза «Красная заря», расположено городище, названное Краснозоринским. На плато и сейчас можно видеть остатки каменных стен, защищавших городище с четырех сторон. С запада был въезд в укрепление. С юга у подножия холма в древности проходила дорога; ее следы в виде глубокого рва видны и сейчас. К дороге примыкало большое селище, остатки которого в настоящее время сильно распаханы.

ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА ПОЗДНИХ СКИФОВ

В первые века нашей эры в скифском государстве успешно развивалось сельское хозяйство. На плодородных землях речных долин скифы выращивали хлеб, виноград, занимались скотоводством.

Хлеб привозили в столицу, часть его продавали грекам, часть шла на создание государственных запасов. Большое скопление зерновых ям вдоль городской стены Неаполя и на специальной площади говорит о значительных запасах зерна, хранимых на случай осады крепости и для торговли с другими городами. При раскопках поселений часто встречаются зерна ячменя, пшеницы и проса. Как уже говорилось, на городище Тарпанчи открыты остатки уничтоженной пожаром постройки, в которой хранились запасы пшеницы и ячменя. В хозяйственном помещении на Алма-Кермене обнаружены амфоры и лепные горшки, наполненные зернами пшеницы, ржи и ячменя. Рожь встречается впервые как культура; ранее она была известна как сорняк. Зерно размалывали ручными, сделанными из камня круглыми жерновами. Средний размер их — 25—35 см в диаметре. Нижний жернов укреплялся неподвижно, а верхний вращался. Об интенсивном мукомольном деле свидетельствуют найденные на Алма-Кермене девять таких парных жерновов. Обломки жерновов довольно часто встречаются и на других городищах — Неаполе, Кермен-Кыре. Кроме круглых, были и прямоугольные, иногда неправильной формы жернова-толкачи. Нижняя их половина также укреплялась неподвижно, а верхнюю двигали рычагом, размалывая зерно. Такие жернова были найдены в Неаполе скифском. Чтобы получить крупу, зерно толкли в каменных ступах.

В это время широкое распространение приобретает пашенное земледелие. Археологический материал дает некоторое представление об обработке земли. На городище Алма-Кермен найдена железная мотыга длиной 25,5 см. Один конец ее, плоский и широкий, служил для неглубокого рыхления земли, а другой, заостренный, — для разбивания комьев. Жатву производили железными серпами. На городищах и в могильниках встречаются серпы небольших размеров.

Земельные угодья, очевидно, делились между семьями. На полях, прилегающих к городищу Заячьё, сохранились полевые межи, еще в древности выложенные камнем.

Ряд археологических памятников говорит о том, что скифы занимались виноградарством и виноделием. Во время раскопок в Неаполе обнаружена обуглившаяся виноградная лоза, а на городище Алма-Кермен найдено два железных ножа для срезания лозы. Один из них имел втулку для крепления деревянной рукоятки. Длина ножа — 22,5 см, ширина — 4 см. С помощью рентгена удалось установить, что

в глину горшка с городища Тарпанчи были замешаны зерна культурного винограда.

Найдены в скифских поселениях и виноградные давильни. Две переносные каменные давильни небольших размеров (1,20 и 2 м в длину) обнаружены на некрополе Алма-Кермен в качестве закладных плит. Кроме переносных, были и давильни, вырубленные в скале. Одна из них открыта вблизи городища Краснозоринского. Она представляет собой двухметровый, овальный в плане резервуар со стоком для сусла. Прямоугольная давильня, вырубленная в скале, обнаружена у обрывов Петровских скал в Неаполе скифском. По-видимому, часть производимого вина шла на продажу. Недавно открыта усадьба богатого винодела, расположенная в труднодоступном месте урочища Кизил-Коба. Здесь, кроме остатков роскошного по тем временам жилища, обнаружено пещерное хранилище для вина. Это вино, очевидно, владелец продавал.

Обилие костей домашних животных, найденных при раскопках скифских поселений, свидетельствует об интенсивном скотоводстве. Разводили главным образом мелкий рогатый скот — овец и коз; меньше было крупного рогатого скота и свиней. Кости лошади встречаются на городищах в меньшем количестве, чем в Неаполе, где концентрировалась дружинная знать и было много конницы.

В экономике позднескифского государства большое место занимали ремесла. К сожалению, в настоящее время наши сведения о них чрезвычайно скудны, однако многие предметы, несомненно, делались руками местных мастеров для собственных нужд и продажи. Об этом свидетельствуют найденные на городище Кермен-Кыр остатки гончарных печей для обжига сосудов, большинство которых предназначалось, очевидно, для продажи. Признаки гончарных печей и керамический шлак обнаружены также на Усть-Альминском городище и в Неаполе скифском.

Довольно часто встречающиеся на поселениях и в могильниках грузила для веретен (пряслица) и глиняные грузила пирамидальной формы позволяют говорить о распространении прядения и ткачества. Найденные в Неаполе остатки бронзового шлака, тигли и льячки для металла свидетельствуют о существовании здесь бронзолитейной мастерской. Находки двух литейных форм из ручек амфор для изготовления украшений подтверждают это предположение.

Политический и экономический подъем Скифии первых веков нашей эры отразился и на внешнем облике Неаполя скифского. Восточная башня у центральных ворот была укреплена новыми панцирными поясами (толщина ее стен достигала 4 м), ворота перестроены, воздвигнуты новые здания, восстановлены старые. На месте старого общественного здания в северо-западной части городища было построено новое, с фресками и черепичной кровлей. Оно состояло из

двух помещений: небольших сеней и главного зала, возможно, предназначенного для проведения каких-то собраний. Стены обоих помещений были оштукатурены, а в зале декорированы полихромной росписью, выполненной в стиле боспорской живописи II в. н. э. Позже по штукатурке были процарапаны сарматские знаки и рисунки; среди них — изображения всадников и скачущих лошадей, повозок, вооруженных людей, фантастических животных и пр. Эти рисунки дают возможность судить о некоторых чертах быта, религиозных представлениях и художественных вкусах оставивших их людей.

Недалеко от этого дома находилось другое здание с подвалами, в одном из которых хранилась богатая и разнообразная краснолаковая посуда. Здесь была найдена серебряная тарелочка с греческой надписью — именем боспорской царицы Гипеирии (I в. н. э.), что наряду с находками боспорских амфор

и черепицы, а также монет I—III вв. н. э. говорит об усилении в это время связей с Боспором.

О новом подъеме торговли можно судить по многочисленным находкам привозной керамики, херсонесской черепицы, амфор римского времени, краснолаковой посуды, украшений и амулетов из египетской пасты и других разнообразных изделий.

Представителей знатных семей скифы хоронили в это время в склепах — усыпальницах, вырубленных в скале. Некоторые склепы Неаполя представляют собой уникальные памятники скифского искусства.

Наиболее интересен склеп № 9 (I в. н. э.). В архитектуре и росписи его стен много общего со скифскими жилищами; рельефные расписные пилястры имитировали деревянные стояки, на стенах были нарисованы ковры: один с шахматным, другой с ромбовидным узором. Расписные ниши повторяли очертания скифских построек: окна или ниши в стенах жилых помещений, дома с двускатной крышей, постройку на четырех столбах с приставной лесенкой и крышей на плетеном каркасе. Деревянная резьба фронтонов как бы повторяется в зубцах и стрелках, обрамляющих ниши, тянущихся вдоль стен у потолка. На западной стене склепа изображены скиф в остроконечной шапке и кафтане, играющий на лире, всадник с копьём на коне в характерном головном уборе и сапогах. Здесь же сцена охоты — две собаки травят дикого кабана. Изображения эти реалистичны и выразительны, выполнены с известным мастерством. Роспись

нанесена прямо на белую скалу тремя красками: красной и желтой охрой, черной сажей.

В росписи склепа № 9 сказывается влияние боспорской живописи, но преобладают в ней самобытные начала, проявляющиеся в примитивном характере изображений, в реализме рисунков. Это самый яркий памятник художественной культуры поздних скифов.

Интересна роспись склепа № 2 (II в. н. э.). На стены темно-красной охрой нанесены изображения скифа-воина, стреляющего из лука, танец двух женщин, конь. В склепе № 1 очень условно изображена фигура женщины, может быть богини, с распростертыми руками в рогатом головном уборе. Слева от нее помещен крылатый конь или грифон.

В еще более условной манере выполнены рисунки склепа № 8. На одной стене сажей нанесены силуэт мужчины, держащего под уздцы коня, фигура пляшущей женщины и еще одна — видимо, воина. На южной стене склепа красной охрой нарисован конь.

В надгробных рельефах Неаполя и других скифских городищ Крыма в первые века нашей эры преобладают изображения всадников. Встречаются боевые сцены и сцены охоты на оленя. В надгробиях сильнее, чем в росписях склепов, сказались влияния боспорских и фракийских стел.

Преобладание образа всадника в позднескифском искусстве отражает ведущую роль у скифов этого времени конной дружинной знати, основной опоры власти скифских царей.

В культуре поздних скифов значительно сильнее, чем раньше, сказывается сарматское влияние. Это было связано с новым проникновением сарматов в Крым. Появляются погребальные сооружения, характерные для сарматских племен: подбойные могилы, квадратные, с заплечиками; захоронения покойников по сарматскому обычаю со скрещенными ногами, подсыпка из угля, мела и песка, погребения в деревянных колодах, заворачивание покойников в кошму. Погребальный инвентарь был также сарматским: лепные курильницы, мечи с кольцевыми навершиями, зеркала-подвески, железные наконечники стрел. В некоторых погребениях встречаются деформированные черепа: ребенку бинтовали тугими повязками голову, отчего форма черепа резко изменялась. Этот обычай, широко распространенный у сарматов во II—IV вв. н. э., был, очевидно, связан с какими-то религиозными представлениями.

Наряду с оружием, зеркалами, посудой и другими предметами, сарматы принесли в Северное Причерноморье дописьменные знаки, которые получили особое распространение на Боспоре, но, вероятно, были заимствованы и скифами. Они служили для таврения скота, ставились на различных постройках, изделиях, надгробиях. Мы видим такие знаки на антропоморфных стелах и рельефах, на стенах

каменных склепов близ села Красногорского Белогорского района и в пещере Ак-Кая. Встречаются они и на изделиях художественного ремесла — зеркалах, пряжках, браслетах. В Неаполе в общественном здании с фресками эти знаки, в сочетании с различными рисунками, были нацарапаны на штукатурке. Все это говорит о проникновении сарматского этнического элемента в среду местного населения. Общение с другими народами (греками, таврами и др.) также сказалось на культуре поздних скифов.

В первые века нашей эры население Скифии становится многоэтническим. Это ярче всего проявилось в разнообразии погребальных обрядов и сооружений. Наряду с земляными склепами существуют простые грунтовые ямы, широко распространяются подбойные могилы, встречаются захоронения в скорченном положении, трупосожжение и захоронение праха в урнах. В одном из могильников в Инкерманской долине найдены урны с пережженными костями, помещенные в каменные гробницы, и небольшие каменные саркофаги с прахом. Амфоры и лепные сосуды с прахом умерших обнаружены в Чернореченском могильнике (тоже в Инкерманской долине). Некоторые ученые связывают эти погребения с проникновением в Крым ранних славян, у которых обряд трупосожжения был широко распространен. Однако в данном случае нельзя забывать о другом возможном источнике подобных заимствований: местное население могло воспринять этот обряд у применявших сожжение римлян, гарнизоны которых стояли в Херсонесе и Хараксе на южном берегу Крыма.

КАК «ИСЧЕЗЛИ» ТАВРЫ И СКИФЫ

В позднеантичный период происходит нивелировка культуры различных племен и народностей. С этого времени уже трудно говорить о культуре и этносе тавров. Несмотря на присутствие им элементы замкнутости, отсталости и консервативности, они сыграли свою роль в истории местных племен и народностей Северного Причерноморья, оказали влияние на культуру скифов в Крыму, на религию и искусство Херсонеса.

Начиная с рубежа II—III вв. н. э. наблюдается общеполитический, экономический и культурный упадок позднескифского государства, вызванный непрерывным ростом внутренних противоречий и нападениями извне. Боспорские цари Савромат II, а затем Рескупорид III одерживают ряд побед над скифами и временно подчиняют их своей власти. Вероятно, с этими событиями связано разрушение главных городских ворот Неаполя, а также мавзолея и отдельных участков оборонительных стен. На площади против ворот обнаружено

захоронение знатного сарматского (аланского) военачальника, который, очевидно, воевал против скифов и погиб у стен Неаполя. К ногам воина положили богатый набор украшений для конской сбруи из бронзовых блях, обтянутых листовым золотом. Рядом были погребены его кони.

Неаполь скифский продолжает жить и в III в. н. э., но постройки его становятся все меньше и беднее. Стены домов возводят из более мелкого и дешевого бутового камня на грязи. Мусор уже не вывозится за город — его сваливают на появившихся в нем пустырях; на городской территории возникают большие зольники с остатками битой посуды.

Город гибнет во второй половине III в. н. э. В разрушенных домах этого времени найдены брошенные амфоры, лепные горшки, жаровни, детские игрушки и другой домашний скарб. По-видимому, население бежало из города. Заметны следы пожаров; крепостные стены были разрушены. Среди развалин найден скелет мужчины — вероятно, скифского воина, защищавшего город. Во время боя его похоронили наспех здесь же, на крепостной стене, едва засыпав тело землей.

Ко времени гибели Неаполя относится яма на окраине городища; в ней найдено свыше 40 черепов, некоторые из них деформированы. По данным анатомического исследования, почти все черепа имеют следы смертельных, и притом одинаковых, травм. Следовательно, головы были отсечены не в бою, а во время казни. Судя по характеру травм, казненных поставили на колени. Взмах за взмахом опускался на их склоненные головы тяжелый меч. Останки убитых были сброшены в яму на окраине города и засыпаны землей. Прошли века. Археологи открыли заросшую травой яму, и страшная картина этой казни предстала перед ними...

Разорение и гибель пришли и на другие позднескифские городища и селища. Внезапно в битве и пожаре погиб Алма-Кермен. Его население также бежало из своих домов, побросав домашний скарб, а иногда даже драгоценности (на полу одного из домов были найдены золотой слиток весом в 161 г и золотая обкладка подвески, инкрустированной полудрагоценным камнем алмандином). Прежде чем оставить городище, жители защищали его; внезапное отступление не позволило им похоронить убитых соплеменников. Скелет мужчины в возрасте 35—40 лет с пробитым черепом найден у порога одного дома, другой погибший обнаружен у оборонительной стены.

По мнению многих исследователей, позднескифские городища и селища пали под ударами вторгшихся в Северное Причерноморье готских дружин; вероятно, в союзе с ними выступали некоторые сарматские племена. В IV в. н. э. гунны окончательно уничтожили остатки жизни, тлевшей еще в некоторых поселениях.

Поражение скифов предопределялось глубоким экономическим и политическим кризисом позднескифского государства, связанным с общим кризисом всей рабовладельческой формации.

Находок IV в. на позднескифских городищах Крыма ничтожно мало. Неаполь как город в это время уже не существовал.

Однако полностью исчезнуть многочисленные скифские племена не могли. Одни были истреблены в жестоких схватках с готами и гуннами, другие взяты в плен и превращены в рабов; часть скифов, вероятно, передвинулась в горы, в места, малодоступные кочевникам, где и смешалась с таврскими, сарматскими и другими племенами. Не случайно именно в IV—V вв. н. э. в этих районах полуострова возникают поселения и могильники. Наконец, часть позднескифского населения была вовлечена в орбиту великого переселения народов и влилась в поток варваров, обрушившихся на Римскую империю.

Не исчезла полностью и культура скифов. Они внесли свой вклад в культуру эпохи раннего средневековья не только Восточной, но и Западной Европы.

ПОЗДНИЙ БОСПОР

а Боспоре в начале I в. н. э. утвердилось новая династия, основателем которой был Аспург — может быть, сын Динамии и Асандра. Одна из надписей в честь Аспурга называет его пышным восточным титулом «великого царя царей» и одновременно «другом кесаря и другом римлян». Надпись напоминает о том, что Аспург подчинил скифов и тавров.

Если учесть, что Херсонес в это время находился в зависимости от Боспора, владения Аспурга охватывали почти всю территорию Крымского полуострова. Ему были подчинены также северокавказские и прикубанские племена, входившие в состав Боспорского царства при Спартокидах. Аспург был обожествлен; в Пантикапее построили посвященный ему храм, подобно тому как в провинциях Римской империи возводились храмы в честь

императора Августа. От пантикапейского храма до нас дошел архитрав с посвятельной надписью.

Все это свидетельствует об укреплении Боспорского государства и возросшем авторитете царской власти.

БОСПОР И РИМ

После смерти Аспурга римский император Калигула сделал новую попытку посадить на боспорский престол своего ставленника Полемона II, обойдя при этом сыновей Аспурга. Прямой наследник и старший сын Аспурга Митридат VIII не подчинился Полемену и объявил себя царем. Его вынужден был признать преемник Калигулы император Клавдий. Митридат VIII стремился к полной независимости от Рима и отказался даже от тех внешних выражений лояльности, которые стали уже обычными для боспорских правителей; в частности, на золотых монетах в это время полностью обозначалось имя Митридата VIII с его царским титулом. В своей борьбе против римской опеки царь Боспора заручился поддержкой местного племени сираков.

Планы Митридата VIII оказались сорванными благодаря измене его брата Котиса, который выдал их римлянам. Император Клавдий низложил Митридата VIII и утвердил царем Котиса. Но для того, чтобы добиться фактической, а не номинальной власти, Котису пришлось вступить в вооруженную борьбу с Митридатом с помощью римских войск. Основным театром военных действий оказалась территория восточного Боспора; активное участие с той и другой стороны приняли местные племена сираков и аорсов. Но из-за отсутствия сплоченности между ними Митридат VIII был разбит, и в 46 г. н. э. воцарился Котис I. Его правление было отмечено печатью сервиллизма (раболепства) по отношению к римлянам. На Боспоре был введен культ римского императора, сам Котис стал верховным жрецом этого культа. На монетах Котиса чеканилось изображение римского императора, имя и титул Котиса полностью не указывались — их заменяла монограмма.

При всем этом следует подчеркнуть, что Боспор никогда не был римской провинцией. Степень его зависимости от Рима была в отдельные промежутки времени более или менее значительной, но все же он оставался самостоятельным государством. Только в 60-х годах I в. н. э., при Нероне, была сделана попытка установить прямой протекторат Рима над Боспором, что было связано с общим направлением политики Нерона, ставившего своей задачей расширение и укрепление римского владычества в странах эллинистического Востока. В это время было превращено в провинцию Понтийское царство; видимо, Нерон предполагал присоединить к нему и Боспор.

В 62 г. н. э. в Крым была отправлена римская военная экспедиция с целью оказания помощи Херсонесу против скифов. Это послужило удобным поводом для вмешательства Рима и в боспорские дела.

Мы не знаем, были ли введены на Боспор римские войска, неизвестна и дальнейшая судьба Котиса I. Достоверно только, что в 62 г. он прекратил чеканку монеты, и в это же время на Боспоре были выпущены монеты с полным императорским титулом Нерона, его портретом и монограммой. Нерон осуществил на Боспоре денежную реформу, чтобы приостановить обесценение ходячей медной монеты в связи с излишне обильным ее выпуском.

Однако попытка Нерона превратить Боспор в римскую провинцию не удалась. С его смертью потерпели крушение широкие планы утверждения римского владычества на востоке, для осуществления которых у империи не хватало сил. На Боспоре и среди окружающих его племен римская экспансия встретила, по-видимому, как это бывало и в прошлом, достаточно серьезный отпор. В конце I в. при преемнике Котиса I Рескупориде II возобновилась чеканка боспорской монеты. Вместо царских монограмм на монетах стали помещать полное имя и титул боспорского царя и его портрет. Это свидетельствует о новом укреплении самостоятельности Боспора. Однако известная степень зависимости его от Рима сохранилась. Римские императоры утверждали боспорских царей на престоле. Все эти цари носили династическое имя — Тиберий Юлий и официальный титул «друг Кесаря и друг римлян». Имеются сведения о том, что Боспор получал денежные субсидии от Рима на содержание армии с целью защиты греческих городов от возрастающего натиска окружающих племен.

Самостоятельная чеканка монеты боспорскими царями поощрялась Римом, но находилась под его контролем, в частности, некоторым ограничениям подвергался выпуск медной монеты.

Увеличение ее выпуска, вызванное возраставшими расходами по содержанию армии, грозило подорвать устойчивость римского денежного курса. Этим и объясняется вмешательство Рима в финансовые дела Боспора.

В конце I в. н. э. с окончательным утверждением на боспорском престоле династии Тибериев Юлиев Боспор вступил в период своего второго экономического и культурного расцвета, продолжавшегося до начала III в. За это время ему неоднократно приходилось вступать в военные столкновения со скифским государством и окружающими кочевыми племенами. Надписи II—III вв. говорят о победах царей Котиса II (123/24—132/33), Савромата II (174/75—210/11) и Рескупорида III (210/11—226/27). Последний называл себя царем всего Боспора и тавроскифов.

Яркую картину боя боспорских воинов с сарматами и таврами

дает роспись так называемого Стасовского склепа первой половины II в. Несмотря на то, что в составе боспорской армии, как и при Спартокидах, большую роль играли наемники, в том числе фракийцы, каждый боспорский гражданин был воином. Не случайно в мужских погребениях этого времени почти всегда встречается оружие, а надгробные рельефы часто изображают умерших в виде вооруженных всадников. На некоторых надгробиях имеются стихотворные эпитафии, говорящие о преждевременной смерти в бою.

В ГОРОДАХ ПОЗДНЕГО БОСПОРА

Во второй половине I в. н. э. в непосредственной близости от второго оборонительного вала был построен город-крепость Илурат. Он просуществовал до III в. и служил, очевидно, форпостом, защищавшим боспорские границы от скифов. Город был обнесен мощной оборонительной стеной с башнями. Непосредственно к стене примыкали жилые кварталы. Превосходно сохранившиеся хозяйственные комплексы Илурата показывают, что жители его были своего рода военными поселенцами, совмещавшими оборону боспорских границ с земледелием и домашним ремеслом.

В первые века нашей эры и сельские поселения иногда обносились более или менее мощными оборонительными стенами с башнями. Такое поселение I—II вв. н. э. с обширной винодельней было открыто на Темир-горе.

Основу экономики Боспора по-прежнему составляло сельское хозяйство, возродившееся после разрухи, связанной с митридатскими войнами. Особенно широкое распространение получило в этот период виноделие. Многочисленные винодельни I—III вв., открытые в Тиритаке, Мирмекии и других боспорских городах и поселениях, хранят следы отдельных технических усовершенствований.

Большую роль продолжали играть рыбные промыслы. Именно к первым векам нашей эры относятся наиболее грандиозные комплексы рыбозасолочных ванн и усадьба крупного рыбопромышленника III—IV вв. н. э., открытые в Тиритаке, окончательно приобретшей в это время облик винодельческого и рыбопромыслового пригорода Пантикапея. Крупный комплекс рыбозасолочных ванн II в. н. э. открыт также в Мирмекии. Однако Мирмекий сильно деградировал по сравнению с эллинистическим временем, городская жизнь в нем так и не восстановилась полностью. В центральной его части, где в III—II вв. до н. э. находились самые обширные и богатые здания, в I в. н. э. возникла постройка сельского типа. Тонкие, неправильно сложенные стены (по-видимому, ограда сельской усадьбы) перекрывали эллинистическую винодельню.

Сельский облик приобретали в это время и некоторые районы Пантикапея. Юго-восточная его часть в I в. н. э. была почти сплошь занята винодельнями. В приморской части города были, по-видимому, сосредоточены рыбопромысловые предприятия.

И все же в целом Пантикапей оставался богатым городом, сохранявшим свое значение главного экономического и культурного центра Боспора. Там по-прежнему сооружались богатые жилые и общественные здания, воздвигались новые храмы. У так называемого первого кресла Митридата была найдена мраморная статуя Кибелы (римская копия I в. н. э. с греческого оригинала V в. до н. э.). Культ малоазийской богини плодородия Кибелы был широко распространен во всем Северном Причерноморье. В западной части Боспора Кибела считалась, по-видимому, божественной покровительницей Боспорского государства; такую же роль в религиозных представлениях восточного Боспора играла Афродита Урания Апатура. В центре пантикапейского акрополя был построен храм Кибелы, которому и принадлежала найденная там статуя этой богини. Храмы воздвигались не только на акрополе. В 1882—1883 гг. археологи случайно наткнулись на северном склоне горы Митридат на остатки какого-то культового комплекса II в. н. э., но из-за несовершенства археологической методики того времени не смогли обстоятельно его исследовать. Об архитектуре этого сооружения позволяют судить большие орнаментированные карнизы из крепкого известняка. С этим же памятником связаны, по-видимому, и найденные в этом месте скульптуры — мраморная герма Деметры (римская копия II в. н. э. с греческого оригинала IV в. до н. э.) и двусторонняя декоративная скульптура, изображающая женскую фигуру, ноги которой переходят в растительный орнамент, — очевидно, один из вариантов изображения скифской змееногой богини.

Города юго-западной части Керченского полуострова переживают в это время возрождение и новый расцвет. Во II в. н. э. были обновлены фортификационные сооружения Китея, значительно увеличена толщина его оборонительной стены. О расцвете города в начале III в. н. э. свидетельствует найденный на его территории культовый стол с надписью о сооружении храма на средства общины города Китея. Монументальные устои, на которых покоится столешница с надписью, являются прекрасным образцом позднебоспорской декоративной скульптуры.

Для характеристики культурного уровня города во II—III вв. н. э. интересно упомянуть о случайно найденных в море у берегов Китея мраморных солнечных часах. Второй подобный памятник обнаружен близ Мирмекия. Мирмекийские солнечные часы очень напоминают часы, найденные в Помпеях. Время на них определялось по тени от солнца, отбрасываемой стержнем на циферблат.

Новый подъем пережил в первые века нашей эры и город-крепость Киммерик, который стал в это время стратегическим пунктом, игравшим важную роль в обороне западной границы Боспорского государства. Однако он утратил свое прежнее значение торгового города. В это время гавань Киммерика не существовала, так как вновь образовавшаяся песчаная коса отделила ее от моря и залив превратился в ныне существующее Эльтигенское соленое озеро.

Вообще же экспорт хлеба и рыбы играл в экономике Боспора значительную роль. Широкий масштаб рыбного промысла в Тиритаке объясняется тем, что он был рассчитан на вывоз.

Развитию торговли благоприятствовала успешная борьба боспорских царей с пиратами. Относящаяся к 193 г. надпись в честь Савромата II, прославляющая его военные успехи, упоминает и об его победе над пиратами.

Боспорские товары, в частности хлеб, рыба и продукты животноводства, направлялись главным образом в южные и западные районы Причерноморья; ими снабжались римские провинциальные легионы. Особенно тесными и постоянными были торговые связи Боспора с Синопой. Регулярный характер носила торговля с некоторыми другими малоазийскими центрами, в частности с Пергамом, а также с Египтом. Менее оживленными были в этот период торговые сношения с Грецией, а экономические связи с Римом вообще носили случайный характер. Зато чрезвычайно интенсивной была торговля с окружающими местными племенами, важнейшим транзитным пунктом которой оставался Танаис. Страбон также говорит о нем как о главном рынке рабов в Северном Причерноморье.

Значительно расширилось местное ремесленное производство, в особенности керамическое. Хотя на Боспор в большом количестве ввозилась главным образом пергамская и самосская краснолаковая посуда, а также стекло, удельный вес керамики местного производства в повседневном обиходе боспорцев значительно возрос по сравнению с домитридатовским временем. В большом количестве изготавливались высококачественные тонкостенные красноглиняные сосуды, а также простая кухонная посуда, как лепная, так и сделанная на круге. Довольно широкое распространение получила лощеная керамика сарматского типа. В связи с большим развитием виноделия возросло и производство амфор. По-прежнему большую роль играло черепичное производство.

Одной из самых распространенных отраслей художественного ремесла была короластика (изготовление терракотовых статуэток). При раскопках Пантикапея найдены формы для изготовления статуэток и рельефов, что доказывает наличие там мастерской короласти. Такие мастерские были также в Фанагории и, возможно, в некоторых других боспорских городах.

В тесной связи с короoplastикой на Боспоре на базе местного сырья развилось искусство художественной обработки гипса, из которого делались главным образом рельефы и орнаменты для украшения деревянных саркофагов, а также статуэтки.

Как и во времена Спартокидов, большую роль играла обработка металлов, в том числе торевтика, стоявшая, как и в прошлом, на высоком уровне, но характер ее изменился — преобладал сарматский полихромный стиль.

Сохранили свое значение деревообделочное производство, косторезное дело и другие отрасли ремесла.

Сведения о положении непосредственного производителя — трудящегося населения в этот период, как и в более раннее время, ограничены и случайны.

Важным новым явлением, характерным для первых веков нашей эры, является развитие вольноотпущенничества. К этому времени относится ряд боспорских манумиссий — актов об освобождении рабов. В большинстве случаев отпущение раба на волю совершалось в форме посвящения его божееству. Значительная часть дошедших до нас манумиссий принадлежит боспорским евреям или последователям иудейской религии. Отпуская раба, они отдавали его под покровительство иудейской общины. По-видимому, некоторые вольноотпущенники занимались промышленной деятельностью, например, кораблестроитель Сиса, о профессии которого мы узнаем из надписи на его надгробной стеле.

Государственный строй Боспора при Тибериях Юлиях приобрел еще более отчетливо выраженный монархический характер, чем во времена Спартокидов. Боспорские цари полностью отбросили наименование архонтов и пользовались пышными восточными титулами «царя царей» или «великого царя»; со времени Аспурга стало обычным обожествление монарха. Боспорские цари имели

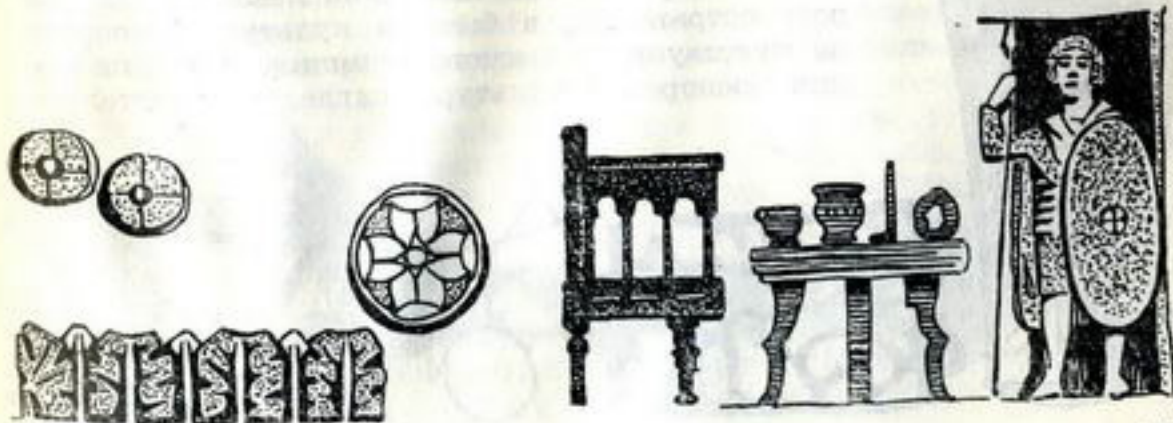
целый штат придворных. Надписи I—III вв. н. э., называющие ряд государственных должностей, свидетельствуют о существовании достаточно разветвленного бюрократического аппарата. Во главе отдельных областей и крупных городов стояли царские наместники. Служебная карьера знатного боспорца заключалась в последовательном прохождении различных государственных, военных и придворных должностей.

Боспорские города пользовались, очевидно, ограниченным внутренним муниципальным самоуправлением. Наиболее значительны были элементы самоуправления в Фанагории в связи с тем привилегированным положением, которое она заняла после поражения Митридата.

Среди населения боспорских городов, особенно аристократических его слоев, получили значительное распространение религиозные союзы — фиасы или синоды, связанные с культом того или иного божества. Структура их была иерархической. В каждом фиасе имелись такие должностные лица, как жрецы, воспитатель юношества, секретарь. Иногда фиасы создавались на почве общих экономических интересов, например, фиас навклеров (судовладельцев) в Горгиинии.

ГРЕКО-ВАРВАРСКАЯ КУЛЬТУРА

По сравнению с домитридатским временем значительные изменения произошли в этническом составе населения и культуре Боспора. Сильно возросло сарматское влияние, распространившееся на многие стороны жизни государства. Греческое население боспорских городов подверглось сарматизации. Вероятно, и правящая династия Тибериев Юлиев была связана родственными отношениями

с сарматскими племенами. Об этом свидетельствует имя Савромат, которое носили некоторые представители этой династии, а также созвучие имени основателя династии Аспурга с названием сарматского племени аспургиан. Сарматские имена часто встречаются в надгробных надписях боспорских горожан. В Прикубанье коренное меотское население также испытало значительное культурное влияние сарматов.

Боспорское государство оставалось многоплеменным и многоязычным; при царском дворе содержался специальный штат переводчиков. Значительно возросло на Боспоре количество этнически смешанных семей по сравнению с домитридатовским временем. Постоянные торговые сношения с Малой Азией, особенно с городами, расположенными на побережье Черного моря, привлекли на Боспор малоазийских греков. Надписи упоминают многочисленных выходцев из Синопы, Амиса и Амастрии, живших в боспорских городах. В числе малоазийских переселенцев было также немало евреев, проникновение которых на Боспор началось со времени Митридата.

Как и в более ранний период, на Боспоре жили фракийцы. Правящая династия Тибериев Юлиев была связана родством с фракийской знатью, так как супругой Аспурга была фракиянка Гинепирия. Многие боспорские цари I—III вв. н. э. носили фракийские имена — Рескупорид, Котис, Риметалк.

Официальным языком Боспорского государства был греческий. Латинский язык не получил распространения, в быту и культуре боспорцев не чувствуется римского влияния. О сарматизации боспорской культуры наглядно свидетельст-

вуют «загадочные» сарматские знаки, неоднократно встречающиеся на боспорских памятниках. Некоторые из них расшифровываются как именные знаки боспорских царей. Так, в верхней части плиты со строительной надписью главного аланского переводчика 208 г. помещен именной знак Савромата II, заменяющий имя и титул царя, с обозначения которых обычно начинались такие официальные надписи. На мраморной плите, найденной в Тамани, украшавшей, по-видимому, дворец наместника, изображены две Ники, которые увековечивают именной знак царя Тиберия Юлия Евпатора. Сарматские тамгообразные знаки, видимо, были довольно широко распространены в обиходе боспорцев в качестве знаков собственности; в частности, их применяли для таврения скота.

В то же время следует отметить широкое распространение греческой грамотности среди населения не только городов, но и сельских поселений Боспора. При раскопках поселения III в. н. э. Мысовка на Казантипском мысу найдено грузило, на котором оказалось выцарапанным греческими буквами местное имя Сактас.

Со временем все более стиралась грань между греками и местными племенами. Это особенно заметно в боспорском надгробном рельефе послемитридатовского времени. Часто во всем внешнем облике, а особенно в «портрете» умершего, сказываются негреческие черты, хотя надпись и называет чисто греческое имя. На рельефах, изображающих боспорских воинов, можно видеть характерный боспорский, в основе сарматский, костюм: плотно облегающие штаны с такой же курткой, сапоги и длинный плащ, застегнутый фибулой на правом плече. Часто изображаются большие овальные щиты, употребление которых было связано с военным строем, отличным от греческой фаланги и близким к военному строю скифов, меотов и сарматов. Встречаются изображения сарматского длинного меча. У женщин иногда можно видеть остроконечный головной убор скифского типа.

Детально и тщательно изображается в надгробном рельефе, особенно в сценах «загробной трапезы», мебель, по-видимому, действительно распространенная в быту боспорцев. В большинстве слу-

чаев это известные во всем античном мире круглые столики на трех фигурных ножках в форме звериных лап, ложа с фигурными изголовьями, кресла с высокими спинками и точеными ножками.

В религиозных представлениях боспорцев наблюдаются характерные вообще для того времени черты синкретизма. Ярким образом может служить культ безымянного «бога высочайшего», в котором слились элементы культов Зевса, Сабазия и иудейского Иеговы. Этот культ был одним из предшественников и соперников христианского монотеизма (т. е. единобожия, в отличие от языческого многобожия). В III в. на Боспоре появилось христианство; не менее характерной чертой эпохи является широкое распространение всевозможных суеверий и магии. В среде народных масс большой популярностью пользовались культы различных местных богов и демонов, изображения которых часто встречаются среди примитивных терракотовых статуэток, так называемых гротесков. Оживают древнейшие местные религиозные представления и культы. Показателен в этом отношении открытый в Илурате культовый комплекс с человеческим жертвоприношением, заставляющий вспомнить рассказы Геродота об аналогичных обрядах скифов и тавров. Сходные явления известны в религии фракийцев и кельтов.

Ясно выражены местные черты и в погребальном обряде. Все чаще встречаются в гробницах предметы вооружения, а также конские захоронения. Богатых погребений меньше, чем во времена Спартокидов, однако захоронения членов царской семьи и верхов боспорской знати отличаются исключительной роскошью, в частности обилием золота. Характерны два погребения начала III в., связанные с семьей царя Рескупорида III. В одном из них была найдена золотая маска, покрывавшая лицо умершего.

В послемитридатовское время на Боспоре получил широкое распространение новый тип погребальных сооружений — высеченные в скале или глинистом грунте подземные склепы, известные в русской археологической литературе под неточным названием катакомб.

Очень своеобразно боспорское искусство первых веков нашей эры. В росписи склепов можно проследить оригинальное преломление эллинистической живописной традиции. Наиболее ярким примером может служить относящийся к началу I в. н. э. склеп Деметры. Особенно замечательна написанная в центре свода голова богини, с большой выразительностью передающая образ страдающей матери. Но роспись относящегося к тому же времени склепа, открытого в 1891 г. на 1-й Нагорной улице Керчи, отличается условностью, характерной для местного искусства. Те же стилистические особенности прослеживаются в боспорском надгробном рельефе, причем в конце I — начале II в. черты условности постепенно усиливаются, проникая и в различные отрасли художественного ремесла.

ТИБЕЛЬ ЦАРСТВА

Примерно в 30-е годы III в. н. э. на Боспоре начинается экономический упадок, связанный с общим кризисом античного рабовладельческого общества. Одним из проявлений этого кризиса была натурализация хозяйства и нарушение регулярных торговых связей, вызвавшее значительную дезорганизацию экономики Боспора. В середине III в. Боспорское царство подверглось грабительским набегам готов, уже с начала столетия угрожавших границам Римской империи. Ослабленное и лишенное поддержки Рима государство не в силах было оказать им отпор. Боспорские цари даже были вынуждены заключить с ними соглашение и предоставить свой флот для походов на кавказское побережье, а затем в Малую Азию и Грецию.

Наглядным выражением экономического упадка Боспора служит постепенное ухудшение качества золотой монеты в III в. Во второй половине столетия она заменяется низкопробным серебром, затем медью, а во второй половине IV в. чеканка боспорской монеты вообще прекращается.

Натурализация хозяйства теперь значительно усиливается. Города, в том числе Пантикапей, приобретают все более сельский облик, сокращается их территория. Илурат и Мирмекий в III в. н. э. прекращают свое существование, погибают и многие сельские поселения, причем на некоторых из них видны следы насильственного разрушения.

Обостряется классовая борьба. На боспорском престоле появляются лица, не принадлежащие к династии Тибериев Юлиев: в середине III в. Фарсанз и во второй половине III в. Хедосбий. Имя последнего известно только по надписи на обломке стелы, найденной в Керчи. По-видимому, именно этих царей имеет в виду византийский историк V в. Зосима, когда говорит, что в это время на Боспоре правили «недостойные и презренные люди». К таким же узурпаторам принадлежал, очевидно, и правивший в конце III и начале IV в. Фофорс.

В этих условиях боспорская культура претерпела существенные изменения. В IV в. довольно широкое распространение получает христианство. Уже к началу IV в. относится ряд христианских надгробий и других памятников. В искусстве Боспора III—IV вв. наблюдается упадок традиций античного пластического мастерства и появление новых характерных особенностей, может быть, обусловленных местными влияниями. Некоторые росписи боспорских склепов III—IV вв. н. э. отчасти напоминают росписи Неаполя скифского. Их излюбленным сюжетом является культовая пляска, часто изображавшаяся и в примитивных терракотах позднейшего времени. Близка и техника: роспись наносится непосредственно на скалу или

глинистый грунт, в котором высечен склеп, одной или двумя красками (как правило, черной и красной). Фигуры как бы случайно и произвольно разбросаны по стене. Но, в отличие от свободы и живости росписей Неаполя, в боспорских памятниках господствует геометрический стиль, более близкий к сарматскому, чем к скифскому искусству. Интересен склеп, открытый в 1929 г. в некрополе Китея, с примитивным изображением человеческой фигуры на корабле; в отличие от аналогичных склепов Пантикапея роспись в нем выполнена по штукатурке. Некоторые из росписей дают возможность проследить постепенную схематизацию традиционных античных мотивов, например, изображение птиц в склепе, открытом в Керчи в 1897 г.

Традиции культуры первых веков н. э. продолжали жить и позднее, в IV—V вв., когда Боспорское государство как целое уже не существовало. Примером может служить богатый катакомбный некрополь, открытый на Госпитальной улице в Керчи. Он находится в непосредственной близости от некрополя Пантикапея I—III вв. В характере погребального обряда и инвентаре сохраняются традиции боспорских погребений II—III вв. Умерших, как правило, хоронили с оружием, часто с предметами конского убора. Некрополь на Госпитальной улице отличается обилием золотых вещей, в частности предметов сарматского стиля, инкрустированных цветными камнями. Наряду с традиционными изделиями встречаются и новые, характерные для раннего средневековья, например пальчатые фибулы.

Сложившаяся на Боспоре в античный период своеобразная и яркая культура, сочетавшая греческие и местные традиции, не погибла полностью вместе с распадом Боспорского государства и сыграла свою роль в формировании культуры раннесредневекового Крыма.

В 70-х годах IV в. н. э. Боспор подвергся разрушительному нашествию гуннов. Они вторглись в Восточную Европу из Центральной Азии, прошли по Северному Причерноморью и к 376 г. достигли Дуная. Следы причиненного ими разгрома можно проследить в Тиритаке и других городах Боспора. Гунны сжигали дома, убивали или угоняли жителей. В союзе с гуннами выступала часть сармато-аланских племен Причерноморья, использовавших обстановку для оттеснения на запад готов.

Гуннское вторжение было тем последним ударом, который привел Боспорское царство к окончательному распаду и гибели. В V в. на месте Пантикапея существовал уже новый город, называвшийся Боспором.

ХЕРСОНЕС
ПОД ЭГИДНОЙ РУКА

В 1897 г. в Керчи был открыт некрополь, состоящий из нескольких склепов. В одном из них найдены золотые вещи, в частности пальчатые фибулы. В другом склепе обнаружены предметы конского убора. В третьем склепе найдены предметы сарматского стиля, инкрустированные цветными камнями. В четвертом склепе обнаружены предметы раннего средневековья, например пальчатые фибулы.

Обстановка в Херсонесе конца I в. до н. э. и I в. н. э. была беспокойной, а периоды стабилизации кратковременными. Об этом свидетельствуют несколько фрагментированных надписей. В одной из них говорится об острой борьбе партий в Херсонесе, новой попытке свержения существующего строя и временном захвате власти каким-то тираном. Движение, видимо, было подхвачено «низами» (упоминается о смятении в городе, убийствах и гневе «черни») и вызвало серьезные последствия: вновь нарушились торговые связи и снабжение хлебом; Херсонесу угрожало нападение соседних племен. Чествующее лицо изгнало тирана и восстановило порядок в городе с помощью военной силы. В Рим было отправлено очередное посольство с

ХЕРСОНЕС ПОД ЭГИДОЙ РИМА

просьбой о помощи. Плохая сохранность надписи, однако, не позволяет составить полное представление о событиях той поры.

Наступивший при царях Фарзое и Инисмее новый подъем скифского государства не замедлил сказаться на отношениях его с Херсонесом. В надписи I в. н. э. говорится о нападении на Херсонес скифов, сарматов и других племен.

В ходе борьбы скифов за овладение морскими гаванями Керкинитида и Калос-Лимен были отвоеваны ими у Херсонеса, а затем, как сказано выше, возвращены во время экспедиции Диофанта. Подъем скифского государства в первые века нашей эры привел к возобновлению борьбы. Сильная «варваризация» этих городов, выявленная раскопками, и свидетельство Арриана (II в. н. э.), называющего Керкинитиду и Калос-Лимен скифскими городами, позволяют предполагать, что они вновь отошли к скифам.

По-видимому, положение Херсонеса было столь же критическим, как и в период войн Диофанта, и меры решили принять аналогичные. В результате посольства в Рим и его провинцию Нижнюю Мезию (62 г. н. э.) в Крым было направлено римское войско во главе с легатом Мезии Плавтием Сильваном. Оно нанесло решительный удар скифам, заставив их отступить от стен Херсонеса. Сходной была и цена, которую херсонесцы заплатили за эту военную помощь: в 63 г. н. э. (время правления императора Нерона) Рим твердой ногой стал в Херсонесе, разместив там свой гарнизон.

Вероятно, тавры, неоднократно нападавшие на Херсонес, вступали в столкновения и с римскими отрядами. На одном из херсонесских надгробий I в. н. э. с латинской надписью изображены двое римлян—вольноотпущенники Цинций и врач Ведий, погибшие во время такой схватки.

В Херсонесе находились отряды римских солдат V Македонского, XI Клавдиева и I Итальянского легионов и вспомогательные когорты, перемещенные из Нижней Мезии. Здесь же базировалась римская военная эскадра. Римляне рассматривали Херсонес как главный опорный пункт в Крыму, стремясь распространить свое влияние и на другие пункты побережья.

Судя по клеймам на кирпичах и надписям, найденным в римской крепости Харакс на мысе Ай-Тодор, там находились солдаты из тех же легионов, видимо, переправленные из Херсонеса. Между Херсонесом и Хараксом должна была существовать тесная связь. В Херсонесе находился командир всех римских войск в Крыму, оттуда направляли в Харакс отряды, оружие, снаряжение и продовольствие. Ясно поэтому, насколько нужна была римлянам, кроме морского пути, сухопутная дорога, проложенная через один из перевалов на южный берег полуострова. Отметим, что во всех провинциях римские солдаты в первую очередь строили развитую

сеть хороших дорог, необходимых для военных коммуникаций и торговых связей.

Около Харакса давно открыто небольшое святилище с алтарями в честь Юпитера и остатки римской дороги, направление которой выяснить не удалось. Алтари с латинскими надписями свидетельствуют о существовании там специального поста римской дорожной стражи. Такие посты обычно устраивали на важных дорожных магистралях для безопасности движения.

В 1957 г. в Херсонесе был найден алтарь Тита Флавия Цельсина, поставившего подобный алтарь и в Хараксе. Эта находка подтверждает наличие тесных связей между Херсонесом и Хараксом. Все алтари в Хараксе (как и херсонесский) выполнены из сарматского известняка, выходы которого отсутствуют на южном берегу Крыма, но имеются подле Херсонеса. Очевидно, их изготовляли в одной из херсонесских мастерских, а затем вместе с другими грузами переправляли в Харакс.

Возле Херсонеса, вероятно, также находился дорожный пост. Начатые разведки дают возможность предполагать, что римская дорога из Херсонеса в Харакс проходила по Байдарской долине и переваливала через горы в районе Ай-Петринской яйлы. На этом пути встречаются остатки поселений римского времени. Возможно, к одному из них относится сохранившееся до средневековья латинское название Календа.

Римские войска и флот вели борьбу с разбоем на дорогах и морским пиратством, способствуя этим оживлению торговли Херсонеса.

В первые века нашей эры наблюдается общий экономический подъем города, сопровождавшийся строительством жилых и общественных зданий, оборонительных сооружений.

Херсонес имел права свободного города, чеканил свою монету, но все больше отходил от принципов демократии, превращаясь в аристократическую республику. Выделение небольшой привилегированной верхушки, которая сосредоточивала всю власть в своих руках, было выгодно и Риму; он легче мог осуществлять через нее свои замыслы, подкупая отдельных лиц предоставлением прав римского гражданства, высокими титулами и должностями. В благодарность за это в I в. н. э. в Херсонесе были установлены статуи двух наместников римских императоров (Веспасиана и Домициана).

Совет и Народное собрание продолжали существовать, но утратили былую силу. Главную исполнительную власть получил первый архонт, к которому перешли функции басилевса и стратегов; уменьшилась коллегия номофилаков (стражей законов), большую роль стал играть секретарь Совета. В списках должностных лиц,

скреплявших своими печатями принятые законы и постановления, часто встречаются имена одних и тех же лиц и их ближайших родственников (братьев, сыновей).

Изменившееся положение в Риме, возможно, заставило императора Домициана в конце I в. н. э. отозвать войска из Херсонеса и вновь передать город под власть боспорского царя. Этим воспользовались местные племена, усилившие натиск на Херсонес и Боспор.

Однако Херсонес, стремившийся к протекторату Рима, вновь отправляет туда посольство. На этот раз помощь городу оказала его бывшая метрополия Гераклея, с которой поддерживались экономические и культурные связи. Заинтересованная в освобождении Херсонеса от власти Боспора, она сама направила посольство к римскому императору Антонину Пию и добилась успеха. В честь этого важного события с середины II в. н. э. в Херсонесе чеканится серия монет со словом «элевтерия» (свобода), изображением богини Херсонас — покровительницы общины города — и другими эмблемами.

В Херсонесе опять появляется и прочно обосновывается римский гарнизон. Количество войск увеличивается, их состав пополняется за счет вспомогательных когорт. Одна из надписей времени Коммода говорит о вмешательстве Рима в финансовые дела города.

В это время римляне начинают формировать отряды из жителей своих провинций. Таким образом, меняется этнический состав войск, прибывших в Херсонес из Нижней Мезии. Вместе с армией на полуостров интенсивно проникают элементы фракийской культуры.

С внутренней стороны городской стены, недалеко от главных ворот, открыты остатки здания — казармы, где, видимо, размещался римский гарнизон, и термы (бани) для солдат. Там же и на соседних участках в кладках средневекового времени найдено два известняковых алтаря, несколько надгробий с рельефами и надписями и другие эпиграфические памятники.

Для Херсонеса первых веков нашей эры характерны концентрация земельных владений и укрупнение масштабов ремесленного производства. Это требовало увеличения числа рабов, занятых в сельском хозяйстве и ремесле, и приводило к поляризации богатства среди свободных. Выделившаяся таким образом верхушка богатых и знатных граждан захватила в свои руки политическую власть и стремилась передавать высокие государственные должности по наследству.

Гераклеяский полуостров оставался главной сельскохозяйственной базой Херсонеса, но количество усадеб за счет укрупнения

земельных владений сильно сократилось. Так, в районе Камышовой и Круглой бухт в эллинистический период насчитывалось 35 клеров, а в первые века нашей эры — 14.

Раскопки показали, что на Гераклее, как и прежде, ведущая роль принадлежала виноградарству и садоводству. Наряду со специализированными культурами увеличилась роль зерновых, под которые стали отводить значительно большие площади. Возможно, это объясняется потерей некоторых опорных пунктов на северо-западном берегу Крыма, откуда доставляли хлеб в Херсонес.

Связанное с виноградарством виноделие обеспечивало не только внутренние потребности Херсонеса, но составляло также важную статью экспорта (об этом свидетельствуют находки в различных местах херсонесских амфорных ручек).

Винодельни обнаружены как на территории города, так и за его пределами. Наряду с увеличением масштаба производства совершенствовалась техника, например, применяли более сложный по устройству рычажно-винтовой пресс.

Три таких винодельни раскопаны в последние годы в северном районе Херсонеса. Один полностью раскрытый комплекс показывает, что дом с винодельней принадлежал богатому хозяину. В винодельне было три каменных давящих площадки размером 5×4 кв. м, под каждой площадкой стоял большой чан для стекания сока. Рядом находился склад для вина, хранившегося в больших глиняных пифосах, и вымощенный двор с глубоким колодцем и цистерной для воды. В подвальном помещении большого двухэтажного дома найдено много различной посуды и жертвенник.

Особенно интенсивно в Херсонесе, как и на Боспоре, развивал-

ся рыбный промысел. Во всех кварталах города появились огромные рыбозасолочные цистерны, не встречавшиеся в эллинистический период. Они вмещали от 20 до 50 тонн рыбы. В некоторых из них обнаружен слой хамсы толщиной до 1 м. Попадаются также кости камбалы, султанки, кефали и др. Рыба находила широкий сбыт в городе, шла на экспорт и использовалась для питания римского гарнизона.

Большинство цистерн имело прямоугольную форму. Их обычно вырубали в скале, дно и стенки облицовывали кирпичом и штукатурили цемянкой (раствором с примесью толченой керамики). В северном районе Херсонеса на участке, раскопанном в 1937 г., рядом с двумя рыбозасолочными цистернами обнаружена большая кладовая с пифосами для хранения соленой рыбы. Во II в. н. э., судя по одной греческой надписи, в Херсонесе был сооружен специальный рыбный рынок.

Широкие масштабы двух основных промыслов — рыболовства и виноделия — требовали развития других отраслей производства. Необходимо было увеличить добычу соли, изготовление тары и рыболовных снастей. Находки литейных форм, тиглей и шлаков позволяют говорить о местном литье в этот период и обработке цветных металлов. Раскопки последних лет открыли также следы стекольного производства.

Одновременно с расширением производства, а следовательно, с увеличением потребности в рабочей силе и интенсификацией труда система рабовладения начинает изживать себя, становится экономически невыгодной. Как и во всем античном мире, в Херсонесе появляются надписи об отпущении рабов на волю. Обычно вольноотпущенники занимались ремеслом и торговой деятельностью, а иногда сами становились богатыми рабовладельцами.

Оживляется торговля Херсонеса. Как показывают монетные находки и надписи, наиболее интенсивные связи поддерживались с городами малоазийского побережья Черного моря: Синопой, Гераклеей, Амисом, Тием и Амастрией. Стал вновь налаживаться торговый обмен с местным населением Крыма. Наконец, началась торговля с Римом, куда вывозили главным образом хлеб.

В это время перестраиваются многие кварталы города. Дома укрупняются; вся усадьба с хозяйственными пристройками (винодельнями, рыбозасолочными цистернами и др.) иногда занимает целый квартал.

Налаживается собственное производство черепицы и водопроводных труб, необходимых при больших строительных работах.

К этому времени относится одна из перестроек театра, вероятно, связанная с новой, более разнообразной программой, включавшей гладиаторские бои, травлю зверей и различные цирковые пред-

ставления. Была увеличена сценическая площадка и достроен ярус зрительных мест.

Во II — III вв. н. э. были перестроены и усилены оборонительные сооружения города. Археологическое обследование говорит, в частности, о строительстве нового кольца башни Зенона. Постройка оборонительных сооружений производилась государством или отдельными богатыми гражданами за собственный счет.

Некрополь римского времени отражает резкое имущественное расслоение в среде свободных. Появляются вырубные склепы и сложенные из плит гробницы для семейных захоронений с большим количеством богатого инвентаря. К оборонительной стене, недалеко от ворот, пристроено два больших семейных склепа, по-видимому, принадлежавших представителям городской знати. В одном из них оказалось 16 погребений; некоторых покойников клали в каменные и деревянные саркофаги, других сжигали, а прах заключали в урны, стоявшие на полу и в специальных нишах. Среди погребального инвентаря много золотых украшений, лицевых пластинок (наглазников и нагубников), бус, зеркал, терракотовых статуэток и других вещей.

Появляются дорогие мраморные саркофаги, надгробные плиты с портретными изображениями умерших и пышными стихотворными эпитафиями.

Выделяется сравнительно большая группа надгробий римских воинов. Они, как правило, изготовлены из местного известняка и снабжены лаконичной надписью, начинающейся с обращения к подземным богам Манама. Далее указывается имя, название легиона, возраст, длительность военной службы и имя лица, поставившего памятник. Встречаются надгробия и с барельефами.

В погребениях III и IV вв. попадаются деформированные черепа, что свидетельствует о притоке в Херсонес негреческого населения.

В ходе археологических исследований, проводимых в послевоенные годы в окрестностях Херсонеса, были выявлены могильники первых веков нашей эры. Наиболее интересный материал дали раскопки в Инкерманской долине, на левом берегу реки Черной и на высоте С-харная головка (в 10 км от Севастополя).

Изучение инвентаря, антропологического материала, положения костяков и характера погребальных сооружений (грунтовые могилы, подбой, склепы) позволяет сделать вывод о смешанном составе населения и несомненных торговых и культурных его связях с античным Херсонесом.

В ранний период истории города его хору на Гераклеиском полуострове населяли в основном таврские племена, а ближайшими соседями были скифы. В первые века нашей эры, когда на террито-

рию Северного Причерноморья стали все интенсивнее проникать кочевые племена, этнический состав населения, окружавшего Херсонес, приобрел более пестрый характер.

Судя по языку надписей, примерно с середины II в. н. э. в Херсонесе исчезает дорийский диалект и входит в употребление общегреческий язык — койнэ.

Влияние Малой Азии, Фракии и Рима сказывается в появлении новых религиозных культов. Как во всем античном мире, большую популярность приобретают восточные верования: культ Кибелы и персидского бога Солнца Митры, магия и астрология.

Жертвенники с греческими и латинскими надписями посвящены верховному богу Римской империи — Юпитеру Лучшему Величайшему и Немесиде, которую в это время почитали главным образом как богиню судьбы и покровительницу различных состязаний (точнее — актеров, атлетов, гладиаторов и солдат). Интересно, что алтари Немесиды найдены на территории театра, около которого, вероятно, было специальное святилище этой богини.

В позднеримский период во многих странах античного мира, особенно в Малой Азии и Фракии, встречаются надгробия с изображением поднятых рук, символизирующих обращение к Гелиосу — всевидящему и справедливому богу Солнца с мольбой о наказании убийцы (в случае насильственной смерти) или защите могилы от осквернения. Два таких надгробия III в. н. э. найдены и в Херсонесе.

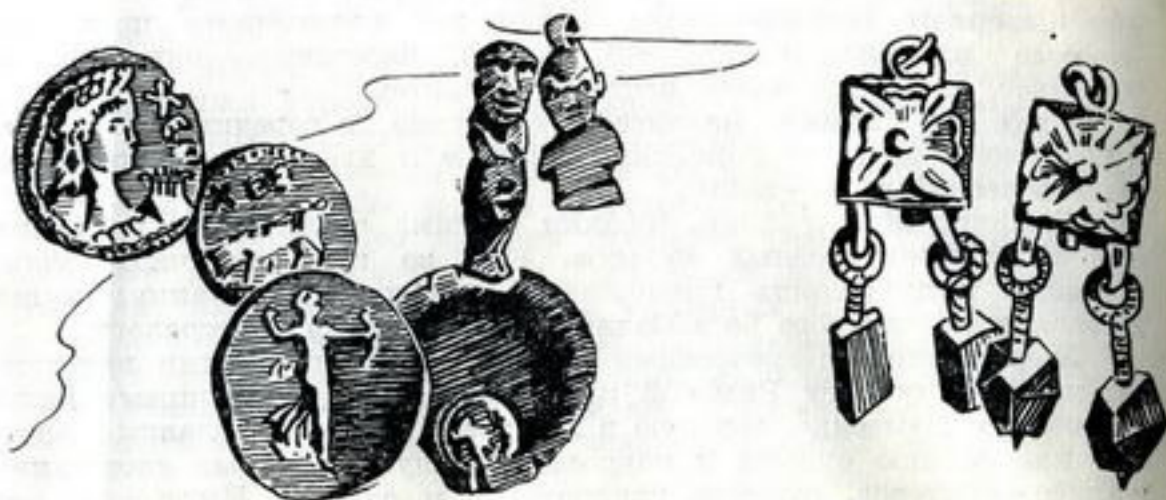
В первые века нашей эры в Херсонес начинает проникать христианство, но оно долго не находит здесь благоприятной почвы.

В культуре Херсонеса римского периода меньше, чем на Боспоре, сказываются сарматские черты. В то же время, в силу исторических судеб этих государств, римское влияние проявлялось сильнее (особенно в портретных рельефах), хотя и оно не стало ведущим.

В искусстве Херсонеса, греческом в своей основе, все отчетливее выступают «варварские» черты, восходившие к глубоким местным традициям. Произведения местной скульптуры, несмотря на некоторый схематизм, плоскостность и нарушение пропорций, отличаются большим своеобразием и выразительностью, иногда верно передают этнические черты. Интересно, что особенности местного стиля часто сочетаются с традиционными античными сюжетами — например, в изображении заупокойной трапезы на некоторых надгробных стелах и в других памятниках.

Те же элементы синкретизма и местных влияний наблюдаются в портретных изображениях римских воинов: Аврелия Виктора, Севиры — сына Лиллона и Аристоника.

Большое количество найденных архитектурных фрагментов

римского времени свидетельствует о существовании богато украшенных частных и общественных зданий, но весь этот материал еще не подвергался детальному изучению, необходимому для более основательных выводов и для реконструкции отдельных памятников.

В городе, вероятно, уже существовала своя ювелирная мастерская, где изготовляли различные штампованные золотые изделия: бляшки, серьги, подвески, а также наглазники и нагубники для покойников. В торевтике тоже почти не чувствуется сарматское влияние.

В этот период жизни античного города поддерживались и другие культурные традиции: устраивались театральные представления, спортивные и музыкальные состязания. Победители игр и состязаний считались гордостью города, их имена высекали на мраморных плитах. Надписи сохранили перечень видов спортивных состязаний: бег, борьба, кулачный бой, метание копья и дротика. Судя по упоминанию пятиборья, были и другие виды. Дошел до нас также список победителей на состязаниях глашатаев, музыкантов и поэтов. Под влиянием римлян были введены бои гладиаторов.

Сведения о последнем периоде истории античного Херсонеса отрывочны и бедны. Известно, что общее положение Римской империи с III в. н. э. и наступление варваров на ее границы заставило римлян стянуть свои войска для защиты ближайших подступов и временно вывести гарнизоны из отдаленных пунктов, в том числе из Харакса и, возможно, из Херсонеса. Но в IV в. мы вновь видим там римские войска и флот; дополнительно был введен отряд баллистиариев. По заслуживающему доверия сообщению Константи-

на Багрянородного, Херсонес не только защищал свои границы, но и помогал Риму в борьбе с варварами.

В III в. н. э. греческие города Северного и Западного Причерноморья испытывали жестокие удары со стороны готов и других племен и, ослабленные изнутри, первыми разделили общую участь античного рабовладельческого мира. Особенно сильные опустошения нанесли Боспору и другим городам кочевые племена гуннов. После гуннского нашествия они уже не могли оправиться.

Показателем экономического упадка и потери политической независимости Херсонеса является прекращение выпуска собственной монеты в конце III в. н. э. На обломках надписей встречаются имена почти всех римских императоров IV в. — свидетельство зависимости от них Херсонеса и в этот период.

После падения Западной Римской империи Херсонес оказался во власти Византии. Возрождение города уже происходило на новой экономической, социальной и политической основе, в условиях возникновения и развития феодальной формации.

НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ

Послесловие

IV в. н. э. в Крыму, как и на всем юго-востоке Европы, наступает длительный период перехода от античной эпохи к средневековой. Чтобы представить себе, что происходило тогда на территории Крымского полуострова, необходимо уяснить историческую обстановку, сложившуюся во всей южной части европейского континента в IV—V вв. н. э.

Это было время, когда повсеместно изживали себя рабовладельческая формация и существующие параллельно с ней родоплеменные отношения. На смену шел новый—феодальный общественный строй. Глубокие и радикальные социально-экономические перемены, как и сложение пестрой варварской культуры на обломках греко-римской цивилизации, произошли не вдруг; характер и темпы преобразований были не одинаковы в

разных странах Европы. В Крыму переход от античности к средневековью растянулся в основном на весь IV и часть V в.

Если начало и середину IV в. можно считать в значительной мере принадлежащими еще античной эпохе, то в конце столетия, ознаменовавшегося расколом некогда монолитной Римской державы на две отдельных империи — Западную и Восточную, уже явственно выступают черты иного исторического этапа. Великое переселение народов, всколыхнувшее восточную половину земного шара, особенно нашествие на юг Европы варварских племен — вестготов, вандалов, франков, — опустошило Западную империю и в следующем, V в. привело ее к гибели, разделу, дроблению на мелкие и непрочные, враждующие между собой государства варваров.

Иными словами, на территории разрушенной Западной империи стали складываться те развитые формы феодальных отношений, воздействие которых в дальнейшем испытает и Крым, прежде всего в силу географического положения полуострова на перекрестке важных путей средневековой международной торговли.

Тем временем в IV, V, VI столетиях растет и крепнет Восточная империя—Византия. Существование ее на этом новом этапе истории протекает хотя и не спокойно, но без катастрофических нашествий извне. Еще далеко впереди те экономические и военно-политические невзгоды, которые потом приведут и ее к ослаблению, упадку и гибели.

В сфере всестороннего и широкого влияния Византии на долгие годы останется Крымский полуостров. А город Херсон, наследник античного Херсонеса, до последнего дня империи будет ее торговым, политическим, военно-стратегическим и культурным форпостом в Северном Причерноморье. Это объясняется не только его местоположением на границе между приморскими владениями Византии и варварским степным миром, но и этническим родством основной массы жителей Херсона с населением империи, единством их языка, исторически сложившейся общностью культуры.

В следующие за IV в. два с лишним столетия—после царствования Константина Великого (306—337 гг.) и до смерти Юстиниана I (565 г.)—византийские владения, неуклонно расширяясь, охватят не столько исконные земли ромеев (византийским будет лишь юг Италии), сколько Балканы и Ближний Восток, а на короткое время и часть Северной Африки. Вот почему восточный колорит, и ранее заметный, отныне все сильнее окрашивает материальную и духовную культуру как самой империи, так и ее периферии, в частности Крыма.

Дальнейшая история Византийской империи характеризуется непрерывной борьбой предельно централизованной — наподобие восточных рабовладельческих монархий — государственной власти со

стремлениями к независимости провинций и подчиненных империи областей. На ее северных окраинах общинные отношения, привнесенные в рабовладельческое государство неудержимым потоком варваров, станут не только преобладать, но и быстро превращаться в феодальные, чреватые угрозой раздробления государства и сведения на нет императорского абсолютизма.

В этой сложной и крайне беспокойной обстановке, постоянно отражавшейся и на крымских делах, как бы стихийно развертывается средневековая история полуострова. Население всех его районов, за исключением Херсона, после описанных выше событий III—IV вв. оказалось надолго лишенным устойчивой государственности и на время утратило почти все свои былые экономические и социальные связи.

На Боспоре вместе с рабовладельческой деспотией, очевидно, исчезло и само рабство—по крайней мере до сих пор в восточном и юго-восточном Крыму не известны какие-либо признаки раннесредневекового рабовладения. В степях и предгорьях полуострова, снабжавших хлебом античные города крымского побережья, оседлое земледельческое население сменилось пришлыми племенами кочевников-скотоводов.

Жизнь многолюдного, многоэтнического населения бывшего государства скифов резко изменилась: в экономическом аспекте—смена районов обитания (вместо просторных безлесных земель—лесистые горы), что повлекло за собой переход от развитого зернового хозяйства к скудному хлебопашеству на отвоеванных у леса участках и скотоводству в горах; в этническом—еще более интенсивное смешение племен; в социальном—исчезновение рабства, но вместе с тем новое усиление имущественного неравенства и классового расслоения (об этом говорит погребальный инвентарь раскопанных могильников, размеры и характер жилищ). Как известно, в дальнейшем это приведет к обособлению местной знати, повышению роли руководителей сельских общин и, наконец, к возникновению подчиненной им военнотрудовой прослойки, столь необходимой в условиях постоянной опасности войны. Так появится в Таврике благоприятная почва для того развитого феодализма, который в VIII—X вв. будет «импортирован» в Крым из восточных областей Византии.

На заре средневековья мы увидим в Крыму—за исключением византийского Херсона—сильную примитивизацию быта и культуры. Одновременно произойдет постепенное и как нельзя более соответствующее феодальной идеологии вытеснение языческого многобожия монотеистическим христианством.

Главным же будет в этот период отсутствие того всенивелирующего давления, которое прежде оказывал Рим и на какое не доставало могущества у Византии. Это и создало возможность зарождения в

отдельных урочищах раннесредневековой Таврики, заселенных общинами свободных землепашцев и скотоводов, многочисленных мелких и мельчайших, еще примитивных, но по сути уже феодальных организмов.

Дальнейшее их развитие и рост, борьба между собой и с внешними врагами, консолидация в процессе борьбы в единое целое—все эти вопросы выходят за рамки данной книги. О них говорится во втором, ранее опубликованном томе «Дорогой тысячелетий»—книге о средневековом Крыме.

ЛИТЕРАТУРА О ДРЕВНЕМ КРЫМЕ

- Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955.
- Античный город. М., Изд-во АН СССР, 1963.
- Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов. «Вестник древней истории». М., 1950, № 2.
- Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948.
- Блаватская Т. В. Очерки политической истории Восточного Восточного в V—IV вв. до н. э. М., Изд-во АН СССР, 1959.
- Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., Изд-во АН СССР, 1953.
- Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., Изд-во АН СССР, 1961.
- Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., Изд-во АН СССР, 1954.
- Брашинский И. Б. Сокровища скифских царей. Поиски и находки. М., Изд-во «Наука», 1967.
- Гайдукевич В. Ф. Восточное царство. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
- Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., Изд-во АН СССР, 1951.
- Граков В. М. Скифы. Киев, Изд-во АН УССР, 1947.
- Граков В. Н. Пережитки матриархата у сарматов. «Вестник древней истории», М., 1947, № 3.
- Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953.
- Зограф А. Н. Античные монеты. Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, № 6.
- Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., Изд-во ЛГУ, 1953.
- Иванова А. П. Скульптура и живопись Восточного Восточного. Очерки. Киев, Изд-во АН УССР, 1961.

- Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., Учпедгиз, 1952.
- Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, «Наукова думка», 1965.
- Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., Изд-во АН СССР, 1954.
- Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России, т. 1—2. СПб., 1914.
- Ростовцев М. И. Скифия и Восток. Л., 1925.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. М., Изд-во «Наука», 1964.
- Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, Изд-во АН УССР, 1959.
- Шелов Д. В. Античный мир в Северном Причерноморье. М., Изд-во АН СССР, 1956.
- Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров. В сб.: «Проблемы Северного Причерноморья». М., Изд-во АН СССР, 1959.
- Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского, М., «Искусство», 1953.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Скифы и тавры	7
Кто такие скифы	8
О чем говорят скифские могилы	10
При царе Атее	12
Аборигены древней Таврики	16
О происхождении тавров	18
Тавры времени Геродота и первых веков до нашей эры	21
От кочевий к селищам и городам	25
Неаполь скифский	27
В царстве Скилура и Палака	28
Скифы на западном берегу Черного моря	34
Понт становится Гостеприимным	37
Понт Евксинский	39
Великая колонизация	40
Выходцы из Милета	44
Колония гераклеотов	47
На Боспоре Киммерийском	51
Чем и как жил древний Боспор	52
Города Боспора	56
Некрополи	65
Цари Боспора	68
Столица Спартокидов	73
При Митридате Евпаторе	76
Преемники Митридата	80

В античном Херсонесе	8
Внуки Мегары	8
Полис и его хора	8
Между двух огней	10
После войны Диофанта	10
В горах Таврики	10
В долинах рек	10
Хозяйство и культура поздних скифов	11
Как «исчезли» тавры и скифы	11
Поздний Боспор	12
Боспор и Рим	12
В городах позднего Боспора	12
Греко-варварская культура	12
Гибель царства	13
Херсонес под эгидой Рима	13
На рубеже двух эпох	14
Литература о древнем Крыме	14

ДОРОГОЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Очерки о древнем Крыме

Редактор А. С. Щеглова
Художественный редактор
В. В. Купчинский
Технический редактор
А. Т. Фисенко,
С. Н. Соолодовникова
Корректоры
Н. В. Губанова,
С. А. Павловская

Сдано в набор 10. XII. 1968 г.
Подписано к печати 25. VI
1969 г. БЯ 02369. Бумага
70×90^{1/16}. Объем: 9,5 физ.
п. л., 11,12 усл. п. л., 11,62
уч.-изд. л. Тираж 17 000 экз.
Заказ № 2. Цена 53 коп.

Издательство «Крым»,
Симферополь, Горького, 5.

Типография газетного изда-
тельства Крымского обкома
КП Украины, Симферополь,
проспект Кирова, 32/1.

53 коп.